

P. o. germ. 4285h

1274

Schiller

DONUM
LUDOVICI II.

AUGUSTISSIMI
BAVARIÆ REGIS.

Hommage respectueux à
Sa Majesté le Roi Maxi-
milien II de Bavière
en souvenir de Kissingen
et de Rome de la part
de la

Comtesse M. Sollogoub
née de Samarine

Württemberg
24 Décembre 1859.

~~Op. 382~~

1827

ШИЛЛЕРЪ

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ШИЛЛЕРА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

НИК. ВАС. ГЕРБЕЛЯ

—

I

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

1857

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 24 Августа 1856 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сознаніе того важнаго значенія, которое въ каждой литературѣ имѣютъ переводы великихъ писателей другихъ націй, — было основною мыслію изданія, предлагаемаго нынѣ вниманію русской публики. Достойный — не говорю, равносильный подлиннику — переводъ такого писателя, какъ Шиллеръ, есть, въ нѣкоторомъ родѣ, литературное завоеваніе, расширеніе литературныхъ границъ. Подобный трудъ не по силамъ одному таланту: поэзія Шиллера такъ многообразна, что для достойнаго воспроизведенія ея на языкѣ другого народа, нуженъ такой же всеобъемлющій геній, какимъ обладалъ великій творецъ «Донъ Карлоса», тогда какъ часто одна какая-нибудь сторона ея является преобладающею и чуть ли не исключительною въ

иномъ второстепенномъ поэтѣ. Это навело меня на мысль — раздѣлить трудъ перевода между нѣсколькими писателями, изъ которыхъ каждый выбралъ бы для передачи на русскій языкъ то, что наиболѣе согласуется съ его талантомъ и направленіемъ. При этомъ нельзя было забыть о прежнихъ переводчикахъ, которыми многое передано уже въ достаточной степени совершенства. Жуковскій, подчасъ являвшійся побѣдителемъ въ трудной борьбѣ съ сильнымъ соперникомъ, оставилъ намъ нѣсколько превосходныхъ переводовъ изъ Шиллера, которые были взяты, какъ основаніе предлагаемаго собранія.

Тщательный пересмотръ періодическихъ изданій позволилъ мнѣ составить почти полное собраніе стихотвореній Шиллера въ русскомъ переводѣ. Само собою разумѣется, не всѣ піэсы были равносильны по исполненію, не всѣ стоили имени Шиллера. Вслѣдствіе строгаго выбора, — многое было откинуто, многое принято. Что же касается стихотвореній, которыя въ переводѣ не удовлетворяли своему назначенію, или же вовсе не были переведены, они были раздѣлены между нѣсколькими современными поэтами, радушно принявшими вызовъ содѣйствовать моему предпріятію. Считаю пріятнымъ долгомъ благодарить предъ лицомъ публики В. П. Алферьева, В. П. Гаевского, Г. П. Данилевскаго,

М. А. Дмитриева, В. С. Курочкина, В. Н. Лялина, Н. А. Маркевича, Л. А. Мея, О. Б. Миллера, Д. Е. Мина, М. Л. Михайлова, А. Н. Струговщикова, А. А. Фета, С. П. Шевырева и А. И. Яхонтова, которые перевели исключительно для моего изданія нѣсколько стихотвореній Шиллера. Между ними нельзя не указать на истинно-образцовый переводъ Г. Мина «Пѣсни о Колоколѣ», который одинъ, говорю смѣло, есть уже драгоцѣнное пріобрѣтеніе для русской литературы. Конечно, я далекъ отъ мысли, что все, предлагаемое нынѣ публикѣ, собраніе стихотвореній Шиллера вполне достойно имени великаго поэта. Еще многое можетъ явиться въ переводахъ болѣе совершенныхъ, болѣе цѣлостно воспроизводящихъ подлинникъ.

При выборѣ между стихотвореніями, существующими на русскомъ языкѣ въ нѣсколькихъ переводахъ, я нерѣдко былъ поставляемъ въ затрудненіе тѣмъ, что одна часть піэсы была удачно и часто безукоризненно хорошо переведена однимъ поэтомъ, въ то время, какъ другая была передана удачнѣе другимъ; что тамъ, гдѣ одинъ являлся сильнымъ, другой оказывался слабымъ, и наоборотъ — и всё это въ предѣлахъ одного, часто меньшаго, лирическаго стихотворенія. Случалось также встрѣтить два и болѣе перевода одного стихотворенія, равносильныя по достоин-

ству; принять одно, значило — пожертвовать другимъ, что было бы не справедливо. Эти затрудненія навели меня на мысль не ограничиваться однимъ только переводомъ каждой пѣсы: такимъ образомъ читатель не рѣдко одно и тоже стихотвореніе встрѣтитъ въ моемъ изданіи въ двухъ и болѣе переводахъ разныхъ поэтовъ. Каждому предстоитъ самому сдѣлать выборъ, согласно съ указаніемъ собственнаго вкуса. Надѣюсь, что меня не обвинять за такое обиліе, вызванное желаніемъ не бесполезно увеличить книгу, а представить, по мѣрѣ возможности, въ полнѣйшей передачѣ творенія избраннаго поэта.

Въ составъ первой части «Лирическихъ Стихотвореній Шиллера въ Переводахъ Русскихъ Поэтовъ», предлагаемой нынѣ вниманію публики, вошло *сто сорокъ переводовъ* разныхъ авторовъ (*). Изъ нихъ *тридцать шесть стихотвореній* — *переведено вновь и напечатано здѣсь въ первый*

(*) Аксакова — 1, Алексѣева — 1, Алферьева — 1, А. — 1, Батюшкова — 1, Гаевского — 2, Гербеля — 19, Глинки — 3, Григорьева — 2, Губера — 1, Данилевскаго — 1, Дмитріева — 5, Жуковского — 18, Зотова — 1, Каверзнева — 1, Катенина — 1, Козлова — 1, Кони — 1, Коптева — 1, Курочкина — 1, Лялина — 2, Маркевича — 2, Мея — 11, Мейснера — 2, Миллера — 6, Мина — 3, Михайлова — 13, Ободовскаго — 1, Павловой — 1, Струговщикова — 23, Тютчева — 2, Фета — 5, Шевырева — 5 и Яхонтова — 1.

разъ, (*), двадцать четыре — исправлено авторами (**), семь — переведено нарочно для моего изданія, хотя они и были помѣщены первоначально въ «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» и «Библіотекѣ для Чтенія» (***) и

(*) Алферьевымъ — 1 (Диѳирамбъ), Гаевскимъ — 1 (Горный путь), Гербелемъ — 12 (Юноша у ручья, Веснѣ, Путеводители жизни, Притча Конфуція, Купецъ, Играющій ребенокъ, Фортуна и Мудрость, Эпическій гекзаметръ, Октава, Триумфальная арка, Ворота и Прощаніе съ читателемъ), Данилевскимъ — 1 (Resignation), Дмитриевымъ — 3 (Одиссей, Колумбъ и Философы), Курочкинымъ — 1 (Начало новаго вѣка), Лялинымъ — 1 (Идеалы), Маркевичемъ — 2 (Амалія и Одиссей), Меемъ — 3 (Руссо, Теофанія и Художественный мостъ), Миномъ — 2 (Пѣснь о колоколѣ и Группа изъ Тартара), Михайловымъ — 2 (Сѣятель и Ложное стремленіе къ наукамъ), Струговщиковымъ — 4 (Сила пѣснопѣнія, Закатъ, Идеалы и Чудесный край), Фетомъ — 1 (Дитя въ колыбели), Шевыревымъ — 1 (Романсъ Теклы) и Яхонтовымъ — 1 (Вечеръ).

(**) Гаевского — 1 (Непобѣдимый флотъ), Гербеля — 6 (Могущество пѣснопѣнія, Геро и Леандръ, Раздѣлъ земли, Пѣвцы минувшаго времени, Карѳагенъ и Пляска), Дмитриева — 2 (Resignation и Пляска), Мейя — 2 (Амалія и Альпійскій стрѣлокъ), Миллера — 2 (Жалоба Цереры и Фридолинъ), Михайлова — 8 (Прощаніе Гектора, Ненія, Одиссей, Колумбъ, Илліада, Ожиданіе и исполненіе, Общая участь и Данаиды), Струговщикова — 1 (Друзьямъ) и Фета — 2 (Диѳирамбъ и Надежда).

(***) Меемъ — 2 (Прощаніе Гектора и Ожиданіе), Миномъ — 1 (Погребальная пѣснь Индійцевъ), Михайловымъ — 3 (Безпредѣльность, Диѳирамбъ и Надовесскій похоронный плачъ) и Фетомъ — 1 (Къ цвѣтамъ).

семьдесятъ три перепечатано безъ измѣненія ()*.

За этою первою частью въ скоромъ времени послѣдуетъ вторая и послѣдняя, въ составъ которой войдутъ всѣ остальные стихотворенія Шиллера и подробная его біографія. Если публика приметъ съ участіемъ «Лирическія Стихотворенія

-
- (*) Аксакова — 1 (Идеалы), Алексѣева — 1 (Водолазъ), А. — 1 (Весна), Батюшкова — 1 (Судьба Одиссея), Гербеля — 1 (Незнакомка), Глинки — 3 (Начало новаго вѣка, Пѣснь о колоколѣ и Текла), Григорьева — 2 (Тайна воспоминанія и Текла), Губера — 1 (Стремленіе), Жуковского — 18 (Счастіе, Явленіе боговъ, Мечты, Тоска по миломъ, Жалоба, Къ Эммѣ, Желаніе, Горная дорога, Путешественникъ, Жалоба Цереры, Голосъ съ того свѣта, Элевзинскій праздникъ, Ивиковы Журавли, Кубокъ, Графъ Габсбургскій, Раздѣлъ земли, Судъ Божій и Перчатка), Зотова — 1 (Прощаніе Гектора), Каверзнева — 1 (Разница), Катенина — 1 (Тѣнь Шекспира), Козлова — 1 (Къ Эммѣ), Кони — 1 (Неизмѣнное), Коптева — 1 (Амалія), Лялина — 1 (Жалоба дѣвушки), Мейя — 4 (Вечеръ, Прощаніе Гектора, Двѣ дороги и Красота и радость), Мейснера — 2 (Ожиданіе и Притча Конфуція), Миллера — 4 (Надежда, Геркуланумъ и Помпеи, Эгоисту-Философу и Антики въ Парижѣ), Ободовскаго — 1 (Отрывокъ изъ «Пѣсни о колоколѣ»), Павловой — 1 (Отрывокъ изъ «Пѣсни о колоколѣ»), Струговщикова — 18 (Величіе вселенной, Олимпійскіе гости, Три слова, Три заблужденія, Раздѣлъ, Панорама свѣта, Антики въ Парижѣ, Геркулесу, Зенитъ и Надиръ, Совершенствованіе, Судъ женщины, Судъ сердца, Маленькіе геніи, Наука, Толкователи Канта, Гекзаметръ и Пентаметръ, Пирамида и Церковь Св. Петра), Тютчева — 2 (Пѣснь рыбака и Колумбъ), Фета — 1 (Вечеръ) и Шевырева — 4 (Безпредѣльность, Вечеръ, Четыре вѣка и Жалоба Цереры).

Шиллера», издатель не остановится въ дальнѣйшемъ преслѣдованіи своего предпріятія. Успѣхъ этихъ двухъ томовъ покажетъ, что они удовлетворили одной изъ современныхъ потребностей русской читающей публики и за лирическими стихотвореніями будутъ послѣдовательно являться въ русскомъ переводѣ театръ, историческія и философическія сочиненія Шиллера.

Н. Гербель.

1-го Іюля 1856 года.

С. Петербургъ.

ГИМНЫ И ОДЫ.

Потом, когда ты станешь думать,

Сквозь сон и горький поты,

Души твои взыскать,

И найти свой путь,

Сквозь темноту и туман,

Пройди, и взоиди свет,

Она осветит твой путь,

Но где же твой путь, где твой свет?

Там, где твой путь и твой свет,

На твоем пути и твой свет.

Все это — твой путь и твой свет,

Пройди, и взоиди свет,

Все это — твой путь и твой свет,

Свой путь и свой свет.

THE MARY M. O'NEILL

1.

МОГУЩЕСТВО ПѢСНОПѢНІЯ.

Потокъ, взволнованный дождями,
Стремится съ горной крутизны;
Дубы исторгнуты съ корнями,
И камни имъ увлечены.

Остановившись въ изумленьѣ,
Прохожій внемлетъ шуму водъ:
Онъ слышитъ горныхъ струй паденье;
Но гдѣ-жъ родникъ ихъ, гдѣ исходъ?
Такъ льются звуки пѣснопѣнья;
Но гдѣ-же мѣсто ихъ рожденья?

Кто изъ подвластныхъ грознымъ дѣвамъ,
Прядущимъ жизненную нить,
Кто могъ пѣвца живымъ напѣвамъ
Своей души не покорить?

Волшебной силой вдохновенья,
Какъ жезлъ посланника боговъ,
Пѣвецъ низводитъ въ царство тлѣнья,
Уноситъ выше облаковъ,
И убаюкиваетъ чувства
На зыбкой лѣстницѣ искусства.

Когда въ кружокъ толпы веселой,
Отмѣченъ тайной и бѣдой,
Нежданно вступить рокъ тяжелой
Своей гигантскою стопой,
Тогда сыны гордыни ложной
Предъ міра лучшаго посломъ
Падутъ; замолкнетъ шумъ ничтожный
Толпы ликующей кругомъ,
И передъ истиной, въ мгновенье,
Изчезнутъ ложь и заблужденье.

Едва надъ смертнымъ звуки рая
Прольются пѣсней съ высоты,
Ужъ онъ прозрѣлъ — и, прозрѣвая,
Свергаетъ ношу суеты;
Онъ отрѣшается земного,
Онъ въ міръ заоблачный паритъ
И, полнъ могущества иного,
Впередъ безтрепетно глядитъ...
И быстро сглаживаютъ звуки
Морщины — жизненные муки.

Какъ сынъ , разлукою томимый ,
Спѣшитъ покинуть край чужой ,
Чтобъ къ сердцу матери любимой
Припасть горячей головой :
Не такъ ли пѣсня изъ чужбины
Приводитъ странника домой ,
Рисуя свѣтлыя картины
Его невинности святой ,
Что-бъ сердце , какъ въ былые годы ,
Согрѣть въ объятіяхъ природы.

Н. Гербель.

II.

1.

БЕЗПРЕДЕЛЬНОСТЬ.

Надъ бездною Богомъ созданныхъ міровъ
Несется челнокъ мой на крыльяхъ вѣтровъ.

Проплывши пучину ,
Свой якорь закину ,
Гдѣ жизни дыханіе спитъ ,
Гдѣ грань мірозданья стоитъ.

Я видѣлъ — звѣзда за звѣздою встаетъ
Свершать вѣковѣчный , размѣренный ходъ.

Вотъ къ цѣли , играя ,
Несутся . . . Блуждая ,
Окрестъ обращается взоръ
И видитъ — беззвѣздный просторъ.

И вихря , и свѣта быстрѣй мой полетъ.
Смѣлѣе ! въ ничтожества область , впередъ !

И тучей туманной ,
По тверди пространной ,
Ладьѣ дерзновенной во слѣдъ
Клубятся системы планетъ.

И вижу — пловецъ мнѣ на встрѣчу спѣшить.
« О странникъ ! зачѣмъ и куда ты ? » кричить.

— Проплывши пучину ,
Свой якорь закину ,
Гдѣ жизни дыханіе спитъ ,
Гдѣ грань мірозданья стоитъ ! —

« Вотще ! безпредѣльны пути предъ тобой ! »
— Межи не оставилъ и я за собой.

Напрасны усилья !
Орлиныя крылья ,
Пытливая мысль , опускай
И якорь , смираясь , бросай !

М. Михайловъ.

2.

БЕЗПРЕДѢЛЬНОСТЬ.

По морю вселенной направилъ я бѣгъ ;
Тамъ якорь мнилъ бросить , гдѣ видится берегъ
Пучины созданья ,
Гдѣ жизни дыханья
Не слышно , гдѣ смолкла стихійная брань ,
Гдѣ Богомъ творенью поставлена грань.

Я видѣлъ , какъ юныя звѣзды встають ,
Путемъ вѣковѣчнымъ по тверди текутъ ,
Какъ дружно летѣли
Къ божественной цѣли...

Я далѣ — и взоръ оглянулся окрестъ ,
И видѣлъ пространство , но не было звѣздъ.

И вѣтра быстрѣе , быстрѣе лучей
Я въ бездну ничтожества мчался бодрѣй ,
И небо за мною
Одѣлося мглою...

Какъ волны потока , такъ сонмы планетъ
За странникомъ міра кипѣли во слѣдъ.

И путникъ со мной повстрѣчался тогда ,
И вотъ вопрошаетъ : « Товарищъ , куда ? »

— Къ предѣламъ вселенной
Мой путь неизмѣнной:
Туда , гдѣ умолкла стихійная брань ,
Отъ вѣка созданьямъ поставлена грань ! —

« Кинь якорь ! предѣловъ имъ нѣтъ предъ тобой . »

— Ихъ нѣтъ и за мною ! путь конченъ и твой !

Свивай же вѣтрило

О , духъ мой унылой ,

И далѣе , смѣлый , летѣть не дерзай ,

И здѣсь же съ отчаянья якорь бросай !

С. Шевыревъ.

3.

ВЕЛИЧІЕ ВСЕЛЕННОЙ.

Въ міръ, что изъ хаоса Вѣчною Силою
Созданъ, полетъ направляетъ кормило

Мысли орлиной, крылатой:

Мчуся, надежды глашатай,

Мчуся туда, гдѣ стихіи молчатъ,

Грани вселенной на стражѣ стоятъ.

Вижу міровъ вѣковое теченье;

Дальше несуся, въ средину творенья;

Гдѣ ни раскину вѣтрило —

Жизнь и движеніе и сила.

Мимо несмѣтныхъ промчался свѣтилъ,

Око въ пустое пространство вперилъ.

Мимо пространства въ Ничто устремился...

Солнечный лучъ не быстрѣе носился...

Всюду, нетлѣнный и вѣчный,

Вѣчности духъ безконечный

Міру прядетъ безпредѣльный покровъ;

Звѣзды въ ночи — миріады міровъ!

Путникъ на встрѣчу: «Что видѣлъ? что знаешь?»

— То же, что ты. Ты о чемъ вопрошаешь?

Мчуся на край мірозданья...

Гдѣ-же конецъ упованья?

Мчуся туда, гдѣ стихіи молчатъ,

Грани вселенной на стражѣ стоятъ. —

« Тщетный порывъ ! Предъ тобой безконечность ! »

— Тщетная мысль ! Не откликнется вѣчность.

Кайся , орлиная сила !

Сдай Провидѣнью кормило !

Дальше , крылатая мысль , не дерзай ,

Духомъ смирися и якорь бросай !

А. Струговщиковъ.

III.

С Ч А С Т І Е.

Блаженъ , кто , богами еще до рожденья любимый ,

На сладостномъ лонѣ Киприды взлелѣянъ младенцемъ ;

Кто очи отъ Феба , отъ Гермеса даръ убѣжденія принялъ ,

А силы печать на чело отъ руки громовержца .

Великій , божественный жребій счастливца постигнулъ ;

Еще до начала сраженья побѣдой увѣнчанъ ,

Любимецъ Хариты плѣняетъ , труда не пріемля .

Великимъ да будетъ , кто , собственной силы созданье ,

Душею превыше и тайныя Парки и рока ;

Но счастье и Грацій улыбка не силѣ подвластны .

Высокое прямо съ Олимпа на избранныхъ небомъ нис-

ходитъ ;

Какъ сердце любовницы , полное тайныя страсти ,

Такъ всѣ громовержца дары неподкупны ; единый

Законъ предпочтенья въ жилищахъ Эроса и Зевса ;

И боги въ посланіи благъ повинуются сердцу :

Имъ милы безстрашнаго юноши гордая поступь ,

И взоръ непреклонный , владычества смѣлаго полный ,

И волны власовъ , отѣнившихъ чело и ланиты .

Веселому чувствовать радость; слѣпымъ, а не зрящимъ
Безсмертные въ славѣ чудесной себя открываютъ: —
Имъ миль простоты непорочныя дѣвственный образъ;
И въ скромномъ сосудѣ небесное любить скрывается;
Презрѣньемъ надежду кичливой гордыни смиряютъ;
Свободные силѣ и гласу мольбы не подвластны.
Лишь къ избраннымъ съ неба орлу-громоносцу Кроніонъ
Велитъ ниспускаться — да мчитъ ихъ въ обитель Олимпа;
Свободно въ толпѣ земнородныхъ замѣтивъ любимцевъ,
Лишь имъ на главу налагаетъ рукою пристрастной
То лавръ пѣснопѣвца, то власти державной повязку;
Лишь имъ предлетитъ стрѣлоносный сразитель Пиѳона,
Лишь имъ и Эротъ златокрылый, сердецъ повелитель;
Ихъ судно трезубецъ Нептуна, равняющій бездны,
Ведетъ съ неприступной фортуною Кесаря къ берегу;
Предъ ними смиряется левъ, и дельфинъ изъ пучины
Хребтомъ благотворнымъ ихъ, бурей гонимыхъ, изъ-
емлетъ.
Надъ всѣмъ красота повелитель рожденный; подобіе
Бога,
Единымъ спокойнымъ явленьемъ она побѣждаетъ.
Не сѣтуй, что боги счастливца некупленнымъ лавромъ
вѣнчаютъ,
Что онъ, отъ меча и стрѣлы покровенный Кипридой,
Исходитъ безвредно изъ битвы, летя насладиться лю-
бовью;
И менѣе-ль славы Ахиллу, что онъ огражденъ невре-
димымъ
Щитомъ, искованьемъ Ифестова дивнаго млата,

Что смертный единый все древнее небо въ смятенъе при-
водитъ?

Тѣмъ выше великій, что боги съ великимъ въ союзѣ,

Что, гнѣвомъ его распаляся, любимцу во славу,

Элленовъ избранныйшихъ въ бездну Тенера низводятъ.

Пусть будетъ красою краса—не завидуй, что прелесть
ей съ неба,

Какъ лиліямъ пышность, дана безъ заслуги Цитерой;

Пусть будетъ блаженна, плѣняя; плѣняйся—тебѣ на-
слаждение.

Не сѣтуй, что даръ пѣснопѣнья съ Олимпа на избран-
ныхъ сходить;

Что сладкій пѣвецъ вдохновеньемъ невидимой арфы
наполненъ:

Скрывающій бога въ душѣ претворенъ и для внемлю-
щихъ въ бога;

Онъ счастливъ собою—ты, имъ наслаждаясь, блажен-
ствуй.

Пускай предъ зеркаломъ Θεμиды вѣнокъ отдается за-
слугъ —

Но радость лишь боги на смертное око низводятъ.

Гдѣ не было чуда, вотще тамъ искать и счастливца.

Все смертное прежде родится, растеть, созрѣваетъ,

Изъ образа въ образъ ведомое зиждущимъ Крономъ;

Но счастья мы и красы никогда въ созрѣваньи не видимъ:

Отъ вѣка онѣ совершенны во всемъ совершенствѣ со-
зданья;

Не зримъ ни единой земныя Венеры, какъ прежде не-
бесной,

Въ ея сокровенномъ исходѣ изъ тайныхъ обителей моря;
Какъ древле Минерва, въ безсмертный эгидъ и шеломъ
ополченна,
Такъ каждая свѣтлая мысль изъ главы громовержца
родится.

В. Жуковскій.

IV.

1.

В Е Ч Е Р Ъ .

Богъ лучезарный! росы освѣжительной жаждутъ по-
ляны ;

Послѣ дневнаго труда и заботъ человѣкъ отдыхаетъ ;

Тише бѣгутъ твои кони :

Спускай колесницу свою.

Видишь ли ты, кто тебя изъ кристальныхъ чертоговъ
Нептуна

Нѣжной улыбкой манить? Узнаетъ-ли ее твое сердце?

Шибче помчались кони :

Богиня Фетида манить!

Быстро съ своей колесницы, въ объятія страстной бо-
гини ,

Прянулъ возничій и вожжи златыя Амуръ принимаетъ.

Кони стоятъ неподвижно

И пьютъ студеную волну.

На небо ночь благовонная всходитъ неслышной стопою;
Слѣдомъ за ней—много-звѣздной, спѣшить и любовь-
чаровница.

Смертный ! люби и покойся :

Покоится любящій Фебъ.

Л. Мей.

2.

В Е Ч Е Р Ъ .

Богъ лучезарный, спустись, —жаждутъ долины
Вновь освѣжиться росой ; люди томятся ;
Медлятъ усталые кони:
Спустишь въ золотой колесницѣ!

Кто, посмотри, тамъ мѣнитъ изъ свѣтлаго моря
Милой улыбкой тебя ! узнало-ли сердце ?

Кони помчались быстрѣе —

Мѣнитъ Оетида тебя.

Быстро въ объятія къ ней, вожжи покинувъ,
Спрянулъ возничій ; — Эроть держать за узды ;
Будто вкопаны кони
Пьютъ прохладную влагу.

Ночь, по своду небесъ, прохлаго вѣя,
Легкой стопою идетъ — съ подругой любовью.

Люди покойтесь, любите —

Фебъ влюбленный почилъ.

А. Фетъ.

3.

В Е Ч Е Р Ъ.

Скройся, богъ свѣта! нивы желаютъ

Влаги прохладной; смертный унылъ.

Медленно идутъ томные кони:

Скройся, богъ свѣта, въ струяхъ!

Зри, кто изъ моря въ волны кристалльны

Съ милой улыбкой друга манить!

Быстро помчались грозные кони

Въ царство богини морей.

Къ персямъ прекрасной Фебъ наклонился;

Править браздами юный Амуръ;

Богу послушны гордые кони —

Плещутся рѣзво въ струяхъ.

Съ звѣзднаго неба легкой стопою

Ночь прилетѣла, съ нею любовь.

Фебъ почиваетъ въ нѣгѣ роскошной:

Спите въ объятяхъ любви!

С. Шевыревъ.

4.

В Е Ч Е Р Ъ.

Богъ лучезарный, спустися! цвѣты ароматные жаждутъ
Животворящей росы; человѣкъ изнемогъ, обезсилѣлъ...

Кони влекутъ тебя тише...

Долу направь колесницу свою!

О, погляди кто тебя, изъ пучины кристальнаго моря,
Манить съ любовной улыбкой! узнало-ль её твое сердце?

Кони помчались быстрее:

Манить Оетида ихъ, дочь божества.

Мигъ—и съ воздушной своей колесницы, въ объятья
богини,

Свѣтлый бросается вождь; за бразды же любовь ухва-
тилась.

Тихи усталые кони —

Радостно влагу прохладную пьютъ.

Вотъ ужъ по синему небу идетъ, подымается тихо
Влажная ночь, а за ней и любовь поспѣшаетъ.

Смертный! люби и покойся:

Фебъ отдыхаетъ на лонѣ любви!

А. Яхонтовъ.

V.

НЕПОБѢДИМЫЙ ФЛОТЪ.

Идетъ, идетъ полудня флотъ надмѣнный,
Подъ нимъ кипитъ всемірный океанъ,
И громъ цѣней среди грозы военной
Тебѣ несетъ изъ отдаленныхъ странъ;
Пловучія войска твердынь непобѣжденныхъ
(Подобныхъ имъ еще не видѣлъ свѣтъ),
Тебѣ несутъ на волнахъ уstraшенныхъ
Всѣ ужасы знакомыхъ имъ побѣдъ.
Ихъ имя грозное, какъ вѣстникъ истребленья,
Разноситъ всюду гибель и смятенье.
Идетъ спокойно флотъ непобѣдимый,
Погибелью грозя врагамъ своимъ;
Подъ нимъ смиряется Нептунъ неукротимый,
И воли бурь смолкаютъ передъ нимъ.

Твой врагъ стоитъ передъ тобою,
Британія, владычица морей!
Тебѣ грозятъ войска гальонъ, готовыхъ къ бою,
И рядъ высокихъ кораблей.
Передъ тобой, какъ громовыя тучи,
Они стоятъ, безстрашны и могучи.
Кто далъ тебѣ сокровищъ миллионы,
Вознесъ тебя владычицей морей?
Не ты-ль сама, по волѣ королей,
Дала странѣ мудрейшіе законы?

Великой хартіей сравнивъ гражданъ въ правахъ,
Не ты-ли спорила о власти надъ морями?

И, отстоявъ свой флагъ передъ врагами,
Прославила его въ морскихъ бояхъ?

Кто далъ тебѣ и славу, и значенье

Какъ не твои же—мечъ и просвѣщенье?

Несчастливая, взгляни, въ предчувствіи конца,
На огневержущихъ гигантовъ истребленья!

Въ смущеніи весь міръ ждетъ твоего паденья,
Трепещутъ многія сердца.

Всесильный Богъ увидѣлъ вражью силу,

Надмѣнный флагъ враговъ увидѣлъ онъ,

Увидѣлъ для тебя отверстую-могилу, —

Вѣщаль: «уже-ль падетъ мой Альбіонъ!

Угаснетъ съ нимъ героевъ родъ избранный,

Отъ угнетенія послѣдній вѣрный щитъ:

Ужè ли онъ средь бури бранной

Своихъ враговъ не сокрушитъ?

Нѣтъ, онъ вѣщаль, сильна моя ограда,

И крѣпокъ мужества оплотъ!»

Всесильный дунулъ, — и армада

Разнесена по лону водъ.

В. Гаевскій.

VI.

1.

ЯВЛЕНІЕ БОГОВЪ.

Знайте, съ Олимпа

Являются боги

Къ намъ не одни.

Только что Бахусъ придетъ говорливый,

Мчится Эротъ, благодатный младенецъ,

Слѣдомъ за ними и самъ Аполлонъ.

Слетѣлись, слетѣлись

Всѣ жители неба,

Небесными полно

Земное жилище.

Чѣмъ угощу я,

Земли уроженецъ,

Вѣчныхъ боговъ?

Дайте мнѣ вашей, бессмертные, жизни!

Боги! что, смертный, могу поднести вамъ?

Къ вашему небу возвысьте меня!

Прекрасная радость

Живетъ у Зевеса!

Гдѣ нектаръ? налейте,

Налейте мнѣ чашу!

« Нектара чашу

« Пѣвцу, молодая

« Геба, подай!

« Очи небесной росой окропите, —
« Пусть онъ не зреть ненавистнаго Стикса,
« Быть да мечтаетъ однимъ изъ боговъ ! »

Шумить — заблестала
Небесная влага,
Спокоилось сердце,
Провидѣли очи.

В. Жуковский.

2.

ДИОИРАМБЪ.

Боги всегда къ намъ
На землю приходятъ
Дружной толпой.

Только что Бахусъ ко мнѣ принесется,
Тотчасъ крылатый Амуръ улыбнется,
И прилетитъ Аполлонъ золотой.

Стремятся, несутся
Жильцы небо-края,
Безсмертныхъ пріемлетъ
Обитель земная.

Скажите, чѣмъ приметь
Убогій сынъ Геи
Хоръ не земной ?

О, дайте вы, боги, мнѣ жизнь не земную !
Скажите, что, смертный, вамъ въ даръ принесу я?
Возьмите меня на Олимпъ за собой.

Въ чертогъ Зевеса
Лишь царствуетъ радость...
Налейте же въ кубокъ
Мнѣ нектара сладость!

« Подай ему кубокъ! —

« Полонъ поэту

« Геба налей.

« Росою небесной смочи ему очи,

« Чтò-бъ они вѣчной не видѣли ночи,

« Чтò-бъ онъ былъ равенъ намъ славой своей. »

Небесная влага,

Напѣнясь, бѣлѣть,

И грудь не мятѣтся,

И око свѣтлѣть.

А. Фетъ.

3.

ДИОИРАМБЪ.

Никогда, повѣрьте мнѣ,

Боги къ смертнымъ не приходятъ —

Никогда по одному.

Только Вакхъ вошелъ шутливый —

И Амуръ идетъ игривый,

Фебъ сопутствуетъ ему.

Вотъ собираются

Всѣ небожители:

Тѣсно становится
Въ тѣсной обители.

Чѣмъ, скажите, угостить
Сынъ земли вашъ хоръ небесный?
Что могу вамъ, боги, дать?
Вы же мнѣ безсмертье властны
Подарить и на прекрасный
Вашъ Олимпъ меня поднять!

Дайте исполниться
Радостью вашею;
Нектара вспѣньте мнѣ
Полною чашею.

« Геба ! чашу для него
« Сладкимъ нектаромъ наполни,
« И небесною росой,
« Что-бъ онъ Стикса не примѣтилъ
« И, какъ мы, душой былъ свѣтель,
« Взоръ поэта ты омой ! »

Влага небесная
Въ чашу вливается,
Сердцу просторнѣе,
Взоръ проясняется.

В. Алферьевъ.

ДИОИРАМБЪ.

Порознь безсмертныя къ смертнымъ не сходятъ
Съ горнихъ высотъ:

Слѣдомъ за Вакхомъ веселымъ на праздникъ
Мчится Эротъ, прихотливый проказникъ,
Фебъ лучезарный идетъ.

Сходятся гости небеснаго края;
Свѣтлыхъ пріемлетъ обитель земная.

Что въ угощенье сынъ праха предложить
Вѣчнымъ богамъ?

Вы, олимпійцы, меня одарите
Вашею жизнью безсмертной! возьмите
Въ небо лазурное, къ вамъ!

Родина радости — Зевса, чертоги...

Вашего нектара дайте мнѣ, боги!

« Свѣтлымъ напиткомъ налей ему, Геба,

« Полный фіаль!

« Влагой небесной омой ему око,

« Что-бъ ненавистнаго Стиксова тока

« Онъ, какъ и мы, не видалъ! »

Нектаръ Олимпа, ліясь, пламенѣтъ...

Грудь отдыхаетъ и око свѣтлѣетъ.

М. Михайловъ.

VII.

1.

RESIGNATION.

И я , друзья , въ Аркадіи родился ;
На утрѣ бытія
И мнѣ мой рокъ въ блаженствѣ поручился ;
И я , друзья , въ Аркадіи родился ;
Но вся въ слезахъ прошла весна моя !

Не дважды май намъ въ жизни разцвѣтаетъ ;
Моя весна прошла ;
Безмолвный богъ , — о , плачьте ! — преклоняетъ —
Безмолвный богъ мой свѣточъ погашаетъ ,
И грѣза отошла .

Я предъ тобой , о вѣчности равенство , —
У полныхъ тайны вратъ . . .
Возьми свою росписку на блаженство ;
Она цѣла — не зналъ я совершенства ,
Возьми ее назадъ !

Къ тебѣ несу моей души стенанье ,
Праматерь - судія !
Есть о тебѣ между людей сказанье ,
Что ты царишь съ вѣсами воздаянья ,
Вѣнецъ всѣхъ дѣлъ тая .

Тамъ — слышно — страхъ срѣтаетъ преступленья,
А честь восторги ждутъ;
Вскрываются сердечныя стремленья,
Рѣшаются загадки провидѣнья,
И ты даешь намъ судъ.

Тамъ отчій кровъ изгнаннымъ отверзаютъ,
Нѣтъ терній въ той странѣ...
Но дщерь боговъ, что правдой называютъ,
Что всѣ бѣгутъ, не многіе лишь знаютъ,
Несетъ оковы мнѣ:

« Въ иной странѣ, — отдай свою мнѣ младость,
« Я расплачусь съ тобой;
« Порукой мнѣ моихъ обѣтовъ сладость! »
Я взялъ обѣтъ, и отдалъ жизни радость
Ей до страны иной.

« Отдай мнѣ все, что есть въ тебѣ святова,
« Лауру — страсть твою;
« За гробомъ скорбь я уврачую снова! »
И сердце я разсѣкъ и изъ больнова
Ей вырвалъ страсть мою.

« Ищи же долгъ теперь ты за могилой! »
Мнѣ наглый свѣтъ кричалъ:
« Обманщица, подкупленная силой,
« За тѣнь — твою существенность купила,
И что безъ ней ты сталъ? »

Людской толпы мнѣ слышалась огласка:

« Твой страхъ — одна мечта !

« И что боговъ твоихъ больная сказка,

« Какъ не Вселенной бѣдная развязка,

« Земныхъ умовъ земная острота?

« Что будущность, гробовъ предназначенье?

« Что Вѣчность гордая сама?

« Почтенная, въ туманномъ сокровеньѣ,

« Какъ не громадныхъ страховъ отраженье

« На зеркалѣ пугливаго ума!

« Превратный ликъ безжизненнаго тѣла,

« Ты, мумія времёнъ,

« Что въ холодѣ могильнаго предѣла

« Смола надеждъ намъ сохранить умѣла,

« И что тобой безсмертьемъ нарѣченъ!

« За лучъ надеждъ, найдемъ ли правду гдѣ мы?

« Ты отдалъ жизнь правдивую свою!

« Шесть-тысячъ лѣтъ уста могилы нѣмы;

« Возсталъ ли трупъ изъ тлѣна, что-бы всѣ мы

« Увѣрили въ Праматерь-судію? »

Я видѣлъ: вѣкъ къ тебѣ за вѣкомъ мчался,

А міръ земной

Бездушнымъ трупомъ вслѣдъ распростирался;

Никто ко мнѣ изъ гроба не являлся;

Но вѣрилъ я обѣту всей душой.

Я все заклалъ передъ твоимъ престоломъ;

И вотъ явился наконецъ...

Презрѣвъ толпы лукавой произволомъ,

Я лишь однимъ твоимъ внималъ глаголамъ:

Богиня, гдѣ же мой вѣнецъ?

« Я васъ равно люблю, земныя чада! »

Богиня мнѣ въ отвѣтъ:

« Есть два цвѣтка у васъ, средь вертограда, »

« Есть два цвѣтка, — премудрыхъ душъ отрада: »

« *Надеждѣ и наслажденій цвѣтъ!* »

« Кто взялъ одинъ, другаго не касайся! »

« Ученье всѣхъ вѣковъ: »

« Не вѣришь ты — живи и наслаждайся; »

« Увѣровалъ — страдай и распинайся; »

« Судья міровъ — исторія міровъ!.. »

« Ты взялъ мечты — ты принялъ награжденье, »

« Ты вѣру взялъ — она твой кладъ! »

« Спроси у мудрыхъ міра разрѣшенья: »

« Что взято нами силой у мгновенья, »

« Отдастъ ли вѣчность намъ назадъ? »

Г. Данилевскій.

2.

RESIGNATION.

И я въ Аркадіи родился;
Надъ колыбелію младенческой своей
И я природою на радость озарился;
И я въ Аркадіи родился;
Но слезы лишь однѣ былъ даръ весны моей.

Май жизни разъ цвѣтетъ, и вновь не разцвѣтаетъ;
Онъ для меня уже отцвѣлъ.
О братья! кто изъ васъ о мнѣ не сострадаетъ!
Свѣтильникъ дней моихъ богъ тихій преклоняетъ,
И сонмъ видѣній отлетѣлъ.

И вотъ, я, мракомъ окруженный,
О, вѣчность! на твоємъ мосту уже стою!
Прими залогъ, тобой на счастье мнѣ врученный;
Вотъ онъ, съ печатію еще не преломленной:
Я счастья не встрѣтилъ въ жизнь свою!

О, правосудная! днесъ къ твоему престолу
Вознесъ дерзаю голосъ мой!
Я помню: нѣкогда молва неслася долу,
И съ чистой радостью я вѣровалъ глаголу,
Что ты воздашь намъ вѣрной мздой.

«Злодѣю, слышалъ я, здѣсь ужасамъ открыться,
И радость праведнаго ждетъ;
Здѣсь сердца глубина тобою обнажится;
Здѣсь промысла для всѣхъ загадка разрѣшится,
И съ страждущимъ окончень будетъ счетъ.»

«Здѣсь встрѣтитъ изгнанный отчизну предъ собою,
Терновому пути для странника предѣлъ.»

И жизнь мою — своей уздою
Держала истина, вождь неба надъ землею,
Кого мы всѣ бѣжимъ, и рѣдкій лишь обрѣлъ.

Я слышалъ: «Заплачѣ тебѣ въ грядущей жизни!

«Пожертвуй юностію мнѣ!»

Я внялъ — и все презрѣвъ въ странѣ земной отчизны,
Взялъ обѣщаніе о той грядущей жизни

И юность . . . видѣлъ, какъ во снѣ.

«Отдай Лауру мнѣ, залогъ любви безцѣнный,

«Отдай мнѣ ту, которой жилъ!

«За гробомъ мзда!» И я рукой окровавленной
Исторгнулъ милую изъ груди уязвленной

И съ воплями вручилъ.

«Твой долгъ на мертвецахъ погибнетъ безъ сомнѣнья!»

Мнѣ явно насмѣхался свѣтъ:

«Даръ воздаянія — есть лжи изобрѣтеніе!

«Ты вмѣсто истины взялъ тѣнь и привидѣнье:

«Уплаты срокъ придетъ, когда тебя ужъ нѣтъ!»

Толпа насмѣшниковъ, порода змѣй, твердила:

« Предъ кѣмъ трепещешь? — предъ мечтой,
« Которую одна лишь древность освятила;
« И боги не спасутъ, кого пожретъ могила;
« Ихъ создалъ хитрый умъ къ потребности людской.

« И что за будущность для праха?
« Что вѣчность? — Суетно ты, гордый, вѣришь ей!
« Все ихъ величіе — въ одномъ покровѣ мрака;
« То тѣнь, возросшая отъ собственного страха,
« Въ зеркалѣ совѣсти твоей! »

« Живаго образа одно лишь отраженъе,
« Одинъ изсохшій трупъ временъ
« Который соблюло въ сырой могилѣ тлѣнья
« Благоуханное надежды дуновенье, —
« Нарекъ безсмертьемъ ты, безумствомъ омраченъ!

« Надежда! — ей во лжи уликой разрушенъе...
« И ей ли вѣрныя ты блага посвятилъ?
« Шесть-тысячъ лѣтъ молчали смерть и тлѣнье;
« Или мертвецъ возсталъ изъ нѣдръ успокоенья
« И воздаянье возвѣстилъ? »

Упадшій духомъ и унылый,
Я зрѣлъ: къ твоимъ брегамъ стремились времена;
Природа, отцвѣтя, была, какъ трупъ, безъ силы;
Не возставалъ мертвецъ вѣщать мнѣ изъ могилы;
Но вѣра къ промыслу была во мнѣ полна.

Всѣ жизни радости заклалъ я предъ тобою;
Днесъ повергаюся предъ тронъ твой, судія!
Я все презрѣлъ; былъ твердъ предъ дерзкою толпою;
Твои лишь блага чтить высокою цѣною:
Мздовоздаятель! жду своей награды я!

« Любовью равною люблю мои творенья! »
Незримый геній мнѣ отвѣтомъ возгремѣлъ:
« Два цвѣта — слушайте земныя поколѣнья! —
« *Надежды цвѣтъ и наслажденья*
« Взрастаютъ для того, кто ихъ обрѣсть умѣлъ!

« Кѣмъ сорванъ былъ одинъ, другого не касайся!
« Совѣченъ міру сей законъ:
« Кто вѣровать не можетъ — наслаждайся;
« Кто можетъ вѣровать — лишайся;
« А міру судъ — въ его бытописаньяхъ онъ! »

« Въ надеждѣ ты ужъ взялъ свое вознагражденье;
« Придачей къ счастію тебѣ былъ вѣры плодъ!
« Почто ты не спросилъ у мудрыхъ разрѣшенья?
« Что взяло на землѣ мелькнувшее мгновенье,
« То вѣчность вновь не отдаетъ! »

М. Дмитріевъ.

VII.

1.

М Е Ч Т Ы.

Зачѣмъ такъ рано измѣнила?
Съ мечтами, радостью, тоской,
Куда полетъ свой устремила?
Неумолимая, стой!
О, дней моихъ весна золотая,
Стой . . . тебѣ возврата нѣтъ . . .
Летитъ, молитвѣ не внимая;
И все за ней помчалось вслѣдъ.
О! гдѣ ты, лучъ, путеводитель
Веселыхъ юношескихъ дней?
Гдѣ ты, надежда, обольститель
Неопытной души моей?
Ужъ нѣтъ ея, сей вѣры милой
Къ твореньямъ пламенной мечты . . .
Добыча истинѣ унылой —
Призраковъ прежнихъ красоты.
Какъ древле рукъ своихъ созданье
Боготворилъ Пигмаліонъ,
И мраморъ внялъ любви стenanье,
И мертвый былъ одушевленъ.

Такъ пламенно объята мною
Природа хладная была;
И, полная моей душою,
Она подвиглась, ожила.

И, юноши дѣля желанье,
Нѣмая обрѣла языкъ:
Мнѣ отвѣчала на лобзанье,
И сердца гласъ въ нее проникъ.
Тогда и древо жизнь пріяло,
И чувство ощутилъ ручей,
И мертвое отзывомъ стало
Пылающей души моей.

И неестественнымъ стремленьемъ
Весь міръ въ мою тѣснился грудь;
Картиной, звукомъ, выраженьемъ
Во все я жизнь хотѣлъ вдохнуть.
И въ нѣжномъ сѣмени сокрытой,
Сколь пышнымъ мнѣ казался свѣтъ...
Но, ахъ! сколь мало въ немъ развито!
И малое — сколь бѣдный цвѣтъ.

Какъ бодро, слѣдомъ за мечтою,
Волшебнымъ очарованъ сномъ,
Заботь не связанный уздою,
Я жизни полетѣлъ путемъ.
Желанье было — исполненье;
Успѣхъ отвагу пламенилъ:

Ни высота, ни отдаленье
Не ужасали смѣлыхъ крыль.

И быстро жизни колесница
Стезею младости текла;
Ея воздушная станица
Веселыхъ призраковъ влекла:
Любовь съ прелестными дарами,
Съ алмазнымъ счастіе ключемъ,
И слава съ звѣздными вѣнцами,
И съ яркимъ истина лучемъ.

Но, ахъ!... еще съ полудороги,
Наскучивъ рѣзвою игрой,
Вожди отстали быстроноги...
За роемъ вслѣдъ умчался рой:
Украдкой счастіе сокрылось,
Измѣной знаніе ушло,
Сомнѣнья тучей обложилось
Священной истины чело.

Я зрѣлъ, какъ дерзкою рукою
Презрѣнный славу похищаль;
И быстро съ быстрою весною
Прелестный цвѣтъ любви увяль.
И все пустынно, тихо стало
Окрестъ меня и предо мной.
Едва надежды лишь сіяло
Свѣтило надъ моей тропой.

Но кто-жь изъ сей толпы крылатой
Одинъ съ любовью мнѣ во слѣдъ, —
Мой до могилы провожатой,
Участникъ радостей и бѣдъ? . . .
Ты, узъ житейскихъ облегчитель,
Въ душевномъ мракѣ милый свѣтъ,
Ты, дружба, сердца исцѣлитель,
Мой добрый геній съ юныхъ лѣтъ.

И ты, товарищъ мой любимый,
Души хранитель, какъ она,
Другъ вѣрный, трудъ неустомимый,
Кому святая власть дана
Всегда творить, не разрушая,
Мирить печальнаго съ судьбой,
И, силу въ сердца водворяя,
Беречь въ немъ ясность и покой.

В. Жуковский.

2.

И Д Е А Л Ы .

И такъ пришла пора разлуки, —
Со мною расстаешься ты,
Съ собой уносишь скорбь и муки
И счастья свѣтлыя мечты.
Неудержимо улетаешь
Ты, юность чудная моя,

И съ моремъ вѣчности сливаешь
Тѣ дни, когда былъ счастливъ я.

Вы удалились безвозвратно
Мечты моихъ прекрасныхъ дней,
И лучъ надежды благодатной
Не озарить души моей.

Нѣтъ прежней вѣры, чистой, ясной
Какъ съ ней жива душа была!

И все, что было такъ прекрасно,
Жизнь безпощадно отняла.

Какъ древле къ своему созданью
Позналъ любовь Пигмаліонъ,
И былъ огнемъ его желанья
Холодный мраморъ оживленъ:
Такъ, полный юношеской страстью,
Природу обнялъ я съ мольбой, —
И не осталась безъ участья,
И ожилà на голосъ мой.

Мои желанья раздѣлила,
Сталъ голосъ сердца ей знакомъ:
Она со мной заговорила
Живымъ, понятнымъ языкомъ;
Тогда воскресло все творенье,
Все стало полно бытія;
Я понялъ жизнь въ цвѣткѣ, въ растеньѣ
И въ тихомъ говорѣ ручья.

Хотѣлъ я, полный духомъ новымъ,
Весь міръ въ груди моей вмѣстить,
Дѣяньемъ, мыслью, звукомъ, словомъ
Его пытался оживить.

И этотъ міръ, какъ идеаленъ
Въ зародышѣ казался мнѣ, —
И какъ сталъ бѣденъ и печаленъ,
Когда развился онъ вполне!

Мечтамъ довѣрившись прекраснымъ,
Чуждаясь мелочныхъ заботъ,
На жизнь смотрѣлъ я взоромъ яснымъ,
И бодро, смѣло шелъ впередъ.
До крайнихъ точекъ мірозданья
Пытливо умъ мой достигалъ:
Ни въ высотѣ, ни въ разстоянѣ
Себѣ предѣла онъ не зналъ.

Міръ ясенъ былъ передо-мною,
Ничѣмъ я не былъ въ немъ смущенъ.
Какою свѣтлою толпою,
Счастливецъ, былъ я окруженъ!
Мнѣ слава свой вѣнокъ сплетала,
Любовь дары свои несла,
Какъ солнце, истина сияла,
Жизнь мирнымъ счастьемъ цвѣла!

И что-же? Скоро, слишкомъ скоро
Исчезли спутники мои;

И я остался безъ опоры,
Одинъ на жизненномъ пути:
Мелькнуло счастье легкой тѣнью,
Плодовъ мнѣ знанье не далò,
Зловѣщей тучею сомнѣнья
Покрылось истины чело . . .

Я видѣлъ — слава доставалась
Въ удѣлъ бездарности одной;
И вмѣстѣ съ юностью умчалась
Пора любви моей святой.
И все мертвò, все тихо стало . . .
Боялся въ жизнь я заглянуть.
Одна Надежда озаряла
Послѣднимъ отблескомъ мой путь . . .

Кто-жь отъ меня не отнимаетъ
Еще спасительной руки?
Меня съ любовью провожаетъ
До гробовой моей доски?
Ты, дружба, наше провидѣнье!
Тебя такъ долго я искалъ,
Тебя Творецъ для исцѣленья
Сердечныхъ недуговъ намъ далъ.

И съ нею бремя раздѣляя,
Ты, мирный трудъ, идешь со мной:
И, ничего не разрушая,
Все зиждешь твердою рукой;

Для цѣли общей ты собираешь,
Быть можетъ, атомы одни,
Но въ свиткѣ вѣчности стираешь
Часы, минуты, годы, дни.

В. Лялинъ.

3.

ИДЕАЛЫ.

И такъ — ты на всегда простилася со мной,
Моей весны година золотая!
Неумолимая, зову тебя, постой!
Но ты летишь, молениямъ не внимая.
О, призраки, о, сны чудесные мои,
Моей души святыя помышленья,
Остановитесь! вотще зову — прошли
И скрылися небесныя видѣнья.

Гдѣ лучезарныя созданія мечты,
Вы, спутники поэзіи прекрасной?
О, какъ плѣнительны, какъ святы были вы
И помысломъ и лирой сладкогласной!
Гдѣ разноцвѣтная фантазіи звѣзда?
Гдѣ вымысла златое покрывало?
Дѣйствительность, ты все съ собою унесла
И гордый умъ сомнѣньемъ оковала.

Какъ встарь Пигмаліонъ подвигнуть музой былъ
Одушевить свое произведеніе,
И образъ мраморный дыханье ощутилъ
И жизнь пріялъ, и на его моленія

Живымъ движеніемъ и звукомъ отвѣчалъ:

Такъ я, моей любовью ослѣпленный,
Въ моихъ объятіяхъ весь дольний міръ сжималъ;
Казалось, что, свыше вдохновенный,

Я согрѣвалъ его — и онъ въ меня проникъ.

Все сущее, на голосъ пѣснопѣнья,
Подвиглося тогда, и обрѣло языкъ,

Свѣтъ разума, взаимность вожделенья;
И жилъ съ природою я жизнію одной:

Я пѣлъ ее, и мнѣ она звучала;
Казалось, и персть, одушевляясь мной,
Сочувствіемъ на чувство отвѣчала.

Прекрасный юноша, отвагой окрылёнъ,

Какъ онъ рвался во все концы вселенной,
Свободный, пламенный, любилъ и вѣрилъ онъ,

И не было той сѣни отдаленной,
Куда-бъ для брата онъ не двинулся, не звалъ
На падшаго небесъ благословенья.

Даръ благодати онъ во всемъ предполагалъ
И вѣрилъ сну, въ порывѣ ослѣпленья.

Я мнилъ значеніе словамъ и звукамъ дать

И въ образы одѣтъ людей дѣянья,
Крылатымъ помысломъ стремился все обнять,

До горнихъ силъ, до млечныхъ тѣлъ созданья!
Зане — мнѣ грезился какой-то чудный сонъ,
Волшебные дары сулилъ онъ, ложный,

И какъ не много то, чѣмъ разрѣшился онъ,
И малое, какъ бѣдно и ничтожно!

На жизненномъ пути толпилися за мной

Видѣнія, знакомою семьёю:

Честное знаніе, съ почетною клюкой,

И счастье, съ алмазною звѣздою,

Небесная любовь, съ наградою своею,

И красота въ побѣдной колесницѣ,

Малютки — радости и слава, и за ней

Свѣтъ-Истина, въ сіяніи денницы.

И что-жь? невѣрная, воздушная семья,

Не совершивъ еще и пол-дороги,

Отстала отъ меня, и красота ушла

И радости умчались быстроноги;

Дружился съ знаніемъ напрасно, и оно

Алкающей души не утолило;

Свѣтильникъ угасалъ, и истины чело

Сомнѣнія насмѣшка исказила.

И видѣлъ я, какъ дерзкій похищаль

Зеленый лавръ, и какъ передъ невзгодой,

Нѣжнѣйшій цвѣтъ любви, обиженъ, увядалъ . . .

Небесныя умолкли хороводы . . .

И я надъ лирою поникнулъ головой,

И все окрестъ пустынно, тихо стало,

Едва надежда мнѣ, съ небесною сестрой,

Плѣнительнымъ созвѣздіемъ мерцала.

И кто-жъ изъ спутниковъ, когда-то милыхъ намъ,
Кто руку мнѣ съ любовію сжимаетъ?
Кто нынѣ, вѣрный другъ, къ таинственнымъ вратамъ
Въ послѣдній путь меня благословляетъ?
О, дружба вѣрная, товарищъ добрый мой!
Ты лучшую мечту осуществила...
И торжествую я — во имя мысли той,
Что здѣсь не все, не все намъ измѣнило!

Да, онъ еще со мной, волненіе страстей
Смиряющій, мой другъ неоцѣненный, —
Онъ, благородный трудъ томительныхъ ночей,
Ночей моихъ товарищъ неизмѣнный!
Даетъ крупинки онъ, за жизнь платя собой...
Крупинки лишь! за то, потерь не зная,
Предъ вѣчностію онъ, по книгѣ долговой,
Минуты, дни и годы погашаетъ!

А. Струговщиковъ.

4.

ИДЕАЛЫ.

Такъ отъ меня ты мчишься, младость,
И всѣ отрадныя мечты,
Восторгъ и грусть, тоску и радость —
Съ собою вдаль уносишь ты!
Златое время жизни полной —
Постой, еще со мной побудь!
Вотще твои стремятся волны
И въ море вѣчности бѣгутъ!

Потухли ясныя свѣтила,
Предъ мной блиставшія въ тиши;
Мои мечты судьба разбила —
Созданья пламенной души;
И вѣра сладкая — далеко
Въ святыя прежде существа:
Добыча истины жестокой
Всѣ идеалы божества.

Какъ нѣкогда въ объятья камень,
Любя, Пигмаліонъ схватилъ,
И чувства трепетнаго пламень
Холодный мраморъ оживилъ;
Такъ я къ природѣ весь приникнулъ
Умомъ, душою, жизнью всей, —
Пока согрѣлъ ее, подвигнулъ
На пламенной груди моей.

Она любовь мою дѣлила,
Безмолвная — языкъ нашла:
Мнѣ поцѣлуй мой возвратила
И сердца трепеть поняла.
Лѣса и горы стали живы,
Потокъ серебряный мнѣ пѣлъ,
Отвсюду на мои призывы
Отвѣтъ желанный мнѣ летѣлъ.

Вселенная во мнѣ кипѣла,
Тѣснила грудь, и всякой часъ

Въ звукъ, въ образъ, и въ слова и въ дѣло
Жизнь изъ груди моей рвалась.
О, какъ великъ мнѣ міръ явился,
Пока скрывался онъ въ зернѣ!
Но ахъ! какъ мало онъ развился,
Какъ бѣденъ показался мнѣ!

Какъ смѣло съ бодрою охотой,
Мечты надѣясь достигнуть,
Еще не связанный заботой,
Пустился юноша въ свой путь.
Туда невольное стремленье,
Гдѣ хоръ далекихъ звѣздъ горѣлъ;
Нѣтъ высоты, нѣтъ отдаленья,
Куда-бы онъ не долетѣлъ.

Какъ онъ легко впередъ стремился!
Что для счастливца тяжело?
Какой воздушный рой тѣснился
Вкругъ свѣтлаго пути его!
Любовь съ улыбкой благосклонной,
И счастье съ золотымъ вѣнцомъ,
И слава съ звѣздною короной,
И въ свѣтѣ истина живомъ.

Но среди дороги, скоро
Всѣ спутники разстались съ нимъ;
Свернули всторону, отъ взора
Одинъ сокрылся за другимъ.

Умчалось счастье, другъ летучій,
Отрады знанье не нашло,
Сомнѣнье потянулось тучей
И истину заволокло.

Горѣлъ надъ презрѣнной главою

Вѣнецъ и славы и добра,

И скоро скрылась за весною

Любви прекрасная пора.

Все тише, тише становилось,

Пустыннѣй на пути моемъ;

Одна надежда мнѣ свѣтилась

Своимъ блѣднѣющимъ лучемъ.

Изъ шумныхъ спутниковъ стремленья

Остался кто теперь со мной?

Кто подаетъ мнѣ утѣшенье,

Кто до могилы спутникъ мой?

Ты, изцѣляющая раны,

Ты, дружба, всѣхъ отрада золь,

Товарищъ горестей желанный,

Тебя искалъ я — и нашелъ.

И ты ее сопровождаешь,

Ты, трудъ! — души покой хранишь,

Ты никогда не изнуряешь,

Не разрушая, ты творишь;

Слѣпляешь среди силъ природы
Песчинку за песчинкой ты,
За то минуты, дни и годы
У времени тобой взяты.

К. Аксаковъ.

IX.

ЧЕТЫРЕ ВѢКА.

Какъ весело кубокъ бѣжить по рукамъ,
Какъ взоры пирующихъ ясны!
Но входитъ пѣвецъ — и къ земнымъ ихъ дарамъ
Приноситъ даръ неба прекрасный:
Безъ лиры, безъ пѣсенъ, и въ горнихъ странахъ
Не веселы боги на свѣтлыхъ пирахъ.

А въ духѣ пѣвца, какъ въ чистомъ стеклѣ,
Весь міръ отразился цвѣтущій:
Онъ зрѣлъ, что отъ вѣка сбылось на землѣ,
Что вѣкъ сокрываетъ грядущій;
Онъ въ древнемъ совѣтѣ боговъ засѣдалъ,
И тайнымъ движеньямъ созданья внималъ.

Свѣтло и прекрасно умѣетъ развить
Картину роскошную жизни, —
И силой искусства, во храмъ превратить
Земное жилище отчизны;
Онъ въ хижину-ль входитъ, въ пустынный ли край —
Съ нимъ боги и цѣлый божественный рай.

Какъ мощный сынъ Дія, отъ Дія избранъ,
Во щитъ круговидный и тѣсный
Вмѣщаетъ всю землю и весь океанъ
И небо и звѣзды небесны,
Такъ въ звукѣ единомъ любимца харить
Весь міръ отзывается, вѣчность звучить.

Младенчество міра онъ юный видалъ,
Какъ люди въ простыхъ хоровахъ
Играючи жили; онъ всюду бывалъ —
Во всѣхъ временахъ и народахъ.
Четыре ужъ вѣка пѣвецъ проводилъ
И пятый вѣкъ міра при немъ наступилъ.

Вѣкъ первый — сатурновъ, то истины вѣкъ!
Вчера проходило, какъ нынѣ,
И, пастырь безпечный, живалъ человекъ,
Покорствуя доброй судьбинѣ:
Онъ жилъ и любилъ, и къ нему на пиры
Природа обильно носила дары.

Но трудъ возникъ: вызываютъ на бой
Драконы — гиганты полнощны;
И въ слѣдъ за героемъ стремится герой,
И съ слабымъ ратуетъ мощный,
И кровь полилась, Скамандръ запылалъ;
Но міръ красоту и любовь обожалъ.

Побѣда возвысила радостный взоръ:

На брани отгрянулъ отзывный

Звукъ пѣсенъ — и музъ гармоническій хоръ

Міръ создалъ поэзіи дивной.

О, вѣкъ незабвенный небесной мечты!

Исчезъ невозвратно, о, вѣкъ красоты!

И свержены боги съ небесныхъ высотъ,

И пали столпы вѣковые:

Родился отъ Дѣвы Сынъ Божій — грядётъ

Пороки изгладить земные:

И воли нѣтъ чувствамъ, вѣкъ страсти протекъ

И думу замыслилъ въ себѣ человѣкъ.

Ужъ конченъ роскошный юности пиръ, —

И жажда вспыхнула къ бою,

И рыцари скачутъ на пышный турниръ,

Одѣты желѣзной броней;

Но дикая жизнь становилась мрачнѣй,

Хоть солнце любви свѣтило надъ ней.

И музы пѣвали въ укропной тиши

Въ простыхъ и священныхъ напѣвахъ;

И кротость чувствъ и прелесть души

Хранились и въ жёнахъ и въ дѣвахъ:

И пламя поэзіи вспыхнуло вновь, —

Зажгла его прелесть души и любовь.

Поэты и дѣвы ! въ дыханьѣ одномъ
Вы души свои сочетайте;
Вы правды и прелести свѣтлымъ вѣщомъ
Прекрасную жизнь увѣнчайте:
О, пѣснь и любовь ! вами жизнь лишь свѣтла,
И силою вашей душа ожила!

С. Шевыревъ.

Х.

1.

НАЧАЛО НОВАГО ВѢКА.

Вѣрный другъ ! гдѣ сѣищемъ для покою,
Для свободы мирный уголокъ ?
Прежній вѣкъ окончился грозою,
Съ новымъ льётся новой крови токъ:

Царствъ союзъ погибъ въ борьбѣ мятежной
И права вѣковъ сокрушены,
Старый Рейнъ и Нилъ, самъ океанъ безбрежный
Не претятъ свирѣпостямъ войны.

Сильныхъ два народа межъ собою
Цѣлый міръ желаютъ подѣлить;
И, грозя громами и бѣдою,
Царствъ правъ стремятся поглотить.

Злато имъ должны нести народы,
И, какъ Бреннусъ, воинъ давнихъ сѣчь, —
На вѣсы и правды и свободы
Смѣлый Франкъ кладетъ свой мѣдный мечъ.

Распустивъ Британецъ жадный флоты,
Какъ полипъ, хватаетъ все кругомъ;
Амѣитритъ ставитъ онъ оплоты,
Запирая море, какъ свой домъ.

Онъ къ звѣздамъ стремится сокровеннымъ,
Всѣ края земные посѣтилъ,
Къ островамъ, къ пустынямъ отдаленнымъ
Онъ достигъ — но рая не открылъ.

Ахъ! по картѣ не найдешь, конечно,
Гдѣ лежитъ та дивная страна,
Гдѣ свобода процвѣтаетъ вѣчно,
Гдѣ для смертныхъ вѣчная весна.

Безпредѣльно міръ раскрыть предъ нами!
Мореходцы не измѣрятъ свѣтъ;
Въ мірѣ же — на сушѣ, за морями —
Десяти счастливымъ мѣста нѣтъ.

Въ свѣтлое души уединенье
Ты уйди отъ жизненныхъ оковъ!
Красота цвѣтетъ лишь въ пѣснопѣньѣ,
А свобода только въ царствѣ сновъ.

А. Глинка.

НАЧАЛО НОВАГО ВѢКА.

Гдѣ пріютъ для мира уготованъ?

Гдѣ найдетъ свободу человѣкъ?

Старый вѣкъ грозой ознаменованъ,

И въ крови родился новый вѣкъ.

Сокрушились старыхъ формъ основы,

Связь племень разорвалась; богъ Нилъ,

Старый Рейнъ и океанъ суровый —

Кто изъ нихъ войнѣ преградой былъ?

Два народа, молніи бросая

И трезубцемъ двигая, шумять,

И, дѣлежъ всемірный совершая,

Надъ свободой страшный судъ творять.

Злато имъ, какъ дань, несутъ народы,

И, въ слѣпой гордынѣ буйныхъ силъ,

Франкъ свой мечъ, какъ Бреннъ въ былые годы,

На вѣсы закона положилъ.

Какъ полипъ тысячерукій, Бритты

Цѣпкій флотъ раскинули кругомъ,

И владѣнья вольной Амѣитриты

Запереть мечтають, какъ свой домъ.

Слѣдъ до звѣздъ полярныхъ пролагая,
Захватили, смѣлые, вездѣ
Острова и берега; но рая
Не нашли и не найдутъ нигдѣ.

Нѣтъ на картѣ той страны счастливой,
Гдѣ цвѣтетъ златой свободы вѣкъ,
Зимъ не зная, зеленѣютъ нивы,
Вѣчно-свѣжъ и молодъ человѣкъ

Предъ тобою міръ необозримый!
Мореходу не объѣхать свѣтъ;
Но на всей землѣ неизмѣримой.
Десяти счастливымъ мѣста нѣтъ.

Заключись въ святомъ уединеньѣ,
Въ мірѣ сердца, чуждомъ суеты!
Красота цвѣтетъ лишь въ пѣснопѣньѣ,
А свобода — въ области мечты.

В. Курочкинъ.

XI.

ТРИ СЛОВА.

Три слова я молвлю, отъ сердца онѣ,
Великò ихъ на свѣтѣ значенье;
Три слова начало берутъ не извнѣ,
Но завѣщаны намъ отъ рожденья:

Человѣкъ на печальный конецъ обречёнъ,
Если въ эти три слова не вѣруеть онъ.

Онъ вѣровать долженъ, что съ волей рождёнъ,

Долженъ вѣрить въ свое назначенье —

Рабомъ своей воли останется онъ,

Если въ душу проникнетъ сомнѣнье:

Та свобода внѣ силы, внѣ власти земной,

И свободенъ лишь тотъ, кто владѣетъ собой.

Онъ вѣровать долженъ въ небесную дочь,

Добродѣтелью дочь та зовется;

Она не страшится ни бѣдъ, ни потерь,

Ея голосъ на все отзовется:

Это то, чего разумъ разумныхъ нейметъ,

Въ простотѣ же разсудка младенецъ пойметъ.

Есть Богъ! Его воля святая живетъ!

И за жизнью наступить ли тлѣнье —

Изъ тлѣнья начало той жизни встаетъ,

Что почилъ въ началѣ творенья:

Не смущайся же тѣмъ, что глупецъ говоритъ,

Ниже тѣмъ что вседневная мудрость твердитъ.

Три слова я молвилъ, значенье имъ далъ;

Пусть онѣ далекò отзовутся,

И какъ бы кто низко душой ни упалъ,

Тѣ три слова ему остаются:

Человѣкъ не погибъ и всего не лишёнъ,

Если въ эти слова еще вѣруетъ онъ.

А. Струговщиковъ.

ХІІ.

ТРИ ЗАБЛУЖДЕНІЯ.

Есть три заблужденья; отъ вѣка они;

Честная душа ихъ питаетъ!

Напрасно! то призраки только одни,

Ихъ свѣтъ никогда не признаетъ:

Обидная жертва напрасной мечты,

За призраки жизни жертвуешь ты.

Пока будешь вѣрить въ тотъ вѣкъ золотой,

Гдѣ правда неправду заступитъ,

И правда играть не позволить собой,

И врагъ никогда не уступить;

Но ежели правду ты носишь въ себѣ,

Съ неправдою легче бороться тебѣ.

Пока будешь вѣрить, что идолъ земной

Сроднится съ душой благородной —

Тотъ идолъ сроднился съ нечистой душой —

Твое покушение бесплодно.

Ты странница въ мірѣ, ты гость на землѣ:

Ищи же нетлѣннаго блага себѣ.

Пока будешь вѣрить, что разумъ земной

Предъ истиной станетъ открытой, —

Мы только гадаемъ объ истинѣ той,

Что въ нѣдрахъ начала сокрыта:

Небесная въ духъ безплотномъ живётъ,
Её только вѣра твоя обрѣтётъ.

И такъ, откажись, о, честная душа!

Отъ трехъ заблужденій . . . напрасно!

Но все, что въ другихъ обмануло тебя,

То все-таки есть, то прекрасно!

То благо не въ мірѣ, оно не извне,

То благо съ тобою, то благо въ тебѣ.

А. Струговицковъ.

XIII.

1.

НАДЕЖДА.

Какъ много въ теченіе жизни земной

О будущемъ люди мечтаютъ!

И всѣ они цѣли счастливой, златой

Достигнуть скорѣе желаютъ.

Міръ Божій то свянетъ, то вновь разцвѣтѣтъ,

А смертный все ищетъ, все лучшаго ждѣтъ.

Надежда, какъ мать, безотлучно при немъ:

Съ младенцемъ безпечнымъ играетъ,

И юношу манитъ волшебнымъ лучемъ,

И старца при гробѣ питаетъ:

Онъ радостно сходитъ съ земного пути,

Въ надеждѣ за гробомъ покой обрѣсти.

О! нѣтъ, то не вымыселъ лестный, пустой,

Рожденный въ мечтаньяхъ невѣжды:

Мы знаемъ, мы вѣримъ, что есть міръ другой,

Гдѣ сбудутся наши надежды:

То сладостной вѣры таинственный гласъ;

Ужè-ли онъ можетъ обманывать насъ?

Ф. Миллеръ.

2.

НАДЕЖДА.

Надѣются люди, мечтають весь вѣкъ

Судьбу покорить роковую,

И хочеть поставить себѣ человѣкъ

Цѣль счастія — цѣль золотую.

За днями несчастій дни счастья идутъ;

А люди все лучшаго, лучшаго ждуть.

Надежда ведетъ на путь жизни людей:

Дитя уже ей веселится,

Манить она юношу блескомъ лучей,

И съ старцемъ во гробъ не ложится:

Пусть насъ утомленье въ могилу сведётъ,

Надежда для насъ и за гробомъ цвѣтётъ.

Нѣтъ, нѣтъ! не пустымъ, не безумнымъ мечтамъ

Мы духъ предаемъ съ колыбели,

Не даромъ твердитъ сердце вѣщее намъ:

Для высшей мы созданы цѣли!

Что внутренній голосъ намъ внятно твердитъ,

То намъ неизмѣнной судьбою горитъ.

А. Фетъ.

XIV.

1.

ПѢСНЬ О КОЛОКОЛѢ.

Vivos voco. Mortuos plango. Fulgura frango.

Утвердивши форму въ глинь,
Обожженную огнемъ,
Выльемъ колоколъ мы нынѣ;
Ну, живѣй, друзья, начнемъ! —
Если градомъ потъ
Съ жаркихъ лицъ течётъ, —
Мастеръ честь за трудъ находитъ;
Благодать же свыше сходитъ.

Разумный трудъ, начатый нами,
Разумныхъ требуетъ рѣчей:
Работа съ мудрыми рѣчами
Идетъ успѣшнѣй и быстрѣй.
И такъ обдумаемъ прилежно,
Что слабой силою свершимъ;
Презрѣнъ, кто дѣйствуетъ небрежно,
Не думавъ надъ трудомъ своимъ!
Въ томъ человѣку честь и слава,
На то и свѣтлый разумъ въ немъ,
Что-бъ размышлялъ онъ въ сердцѣ здраво
О каждомъ подвигѣ своемъ.

Дровъ давай сюда проворнѣй,
Дровъ сосновыхъ и сухихъ,
Что-бъ огонь, стѣсненный въ горнѣ,
Охватилъ въ минуту ихъ.

Мѣдь дружнѣе плавь,
Олова прибавь,
Что-бы съ силой надлежащей
Мѣдь лилась струей кипящей.

Что съ помощью огня глубоко
Тутъ въ ямѣ сила рукъ создасть,
То звукомъ вѣсть объ насъ далѣко
Съ высокой башни передасть.
И звукъ пойдетъ къ столбѣямъ дальнымъ
И многимъ смертнымъ слухъ плѣнить,
Застонетъ жалобно съ печальнымъ
И въ хоръ мольбы соединить.
Что-бъ земнороднымъ ни послала
Судьба, свершая свой законъ, —
Про все звучить вѣнецъ металла,
И поучителенъ имъ звонъ.

Пузыри блестятъ по сплаву;
Дружно! плавится металлъ.
Поташу прибавь къ составу,
Что-бъ составъ не застывалъ.

Смѣсь въ горну мѣшай,
Пѣну очищай,

Что-бъ металлъ, очищенъ жаромъ,
Чистый звукъ давалъ не даромъ.

Веселый звонъ святаго пира
Встрѣчаетъ милое дитя,
Когда оно въ объятяхъ мира
Вступаетъ въ область бытія.
Покуда жребій неизбѣжный
Почіетъ въ мглѣ грядущихъ лѣтъ,
Лелѣетъ мать съ заботой нѣжной
Златой младенчества разсвѣтъ.
Но дни за днями мчатся вслѣдъ.
Съ подругой дѣтства отрокъ смѣлый
Разстался гордо, въ жизнь влекомъ,
Обходитъ міръ и — мыслью зрѣлый —
Идетъ какъ странникъ въ отчій домъ.
Тамъ въ нѣгѣ юности чудесной,
Какъ дивный образъ неземной,
Въ лицѣ съ стыдливостью прелестной,
Онъ видитъ дѣву предъ собой.
И сердце юноши пылаетъ:
Неизрѣченныхъ полный мукъ,
Онъ слезы льетъ, онъ покидаетъ
Разгульныхъ братій буйный кругъ.
За ней онъ слѣдуетъ, безмолвный,
Ея привѣтомъ онъ согрѣтъ
И въ даръ любви, восторговъ полный,
Съ полей приносить лучший цвѣтъ.
О, нѣга чувствъ, надежды сладость!

О, первой страсти мигъ златой!
Душа вкусила жизни радость,
Для ней открылся рай земной.
Зачѣмъ же мчишься, прелесть мая?
Постой, любви пора младая!

Вотъ ужъ сопла стали рдиться;
Опущу я пруть опять:
Если онъ остеклянится,
Значить — время выливать.

Ну, друзья, живѣй!

Пробуйте скорѣй,
Слилъ ли вмѣстѣ пламень горна
Все, что мягко, что упорно.

Гдѣ строгость съ нѣжностью, гдѣ сила
Съ душою кроткой въ связь вступила,
Тамъ раздается добрый звукъ.
Найдижь, кто ищетъ связи вѣчной,
Для сердца склонности сердечной:
За мигъ мечтанья годы мукъ!

Свѣжъ, душистъ вѣнокъ любовный
У невѣсты вокругъ кудрей
Въ часъ, какъ благовѣсть церковный
Къ торжеству зоветъ гостей.
Ахъ! тотъ праздникъ жизни новый
Губить жизни свѣтлый май:

Поясъ снявъ, сорвавъ покровы,
Молви призракамъ: прощай!

Страсть сердца пройдетъ,
Любовь остается;
Цвѣтокъ отцвѣтетъ,
Но плодъ разовьется.

Мужъ долженъ потѣмъ
Въ бой съ жизнью стремиться,
Творить и трудиться;
Онъ долженъ искать,
Хитрить, добывать,
Дерзать, состязаться —
За счастьемъ гоняться;
И вотъ! полился богатства, какъ волны:
Амбары пожитками дѣ доверху полны;
Сталъ нуженъ просторъ, раздвигается домъ.

А въ нѣдрахъ семейства,
Съ стыдливостью скромной,
И мать и хозяйка
Въ заботѣ всегдашней
Кругъ править домашній,
И дѣвочекъ, мальчиковъ
Учить, смиряетъ,
И, съ мудрой заботой,
Прилежной работой

Порядокъ ведётъ
И множить доходъ,
И копить богатства въ прилавкахъ сосновыхъ,
И нитки съ жужжащихъ прядетъ веретёнъ,
И въ шкафахъ хранить — и опрятныхъ и новыхъ —
Блестящую шерсть, ослѣпительный лёнъ,
И, домъ украшая изяществомъ строя,
Не знаетъ покоя.

И радостнымъ взоромъ отецъ
Съ балкона высоко-стоящаго дома
Не видитъ, гдѣ счастьемъ конецъ.
Предъ нимъ воротныя вздымаются створы,
Въ амбарахъ сокровищъ подъемлются горы,
И закромы гнутся отъ милостей неба,
И нивы волнуются жатвою хлѣба.

И сказалъ онъ съ гордостью:
« Съ незыблемой твердостью,
« Прочнѣе основъ земныхъ,
« Я счастливый домъ воздвигъ. »

Но съ враждебной силой рока
Прочень нашъ союзъ — до срока;
Вотъ и горе настаетъ.

Лить теперь мы можемъ смѣло:
Ужъ зубчатымъ сталъ изломъ.

Но пока начнемъ мы дѣло,
Бога въ помощь призовѣмъ.

Краны отверни!

Боже, домъ храни!

Вотъ по жолобу, сверкая,
Брыжжетъ масса огневая.

Огонь намъ въ пользу, если онъ

У насъ обузданъ, укрощѣнъ;

Что ни творимъ, ни создаемъ —

Огонь союзникъ нашъ во всемъ.

Но страшенъ намъ его союзъ,

Когда, сорвавшись съ крѣпкихъ узъ,

Себѣ онъ путь прорветъ одинъ,

Природы щедрой вольный сынъ.

Горе, если, сбросивъ съ выи

Грузъ цѣпей, свирѣпъ и яръ,

Двинетъ волны огневая

Вдоль по улицамъ пожаръ!

Ненавидятъ въ насъ стихіи

Творчества небесный даръ.

Благодатный

Льется съ тучи

Дождь могучій;

Но и молній страшный лучъ

Съ тѣхъ же тучъ!

Чу! . . на башнѣ бьютъ набатъ:

То пожаръ!
Словно жаръ,
Небо рдѣтъ;
Но не утро то алѣтъ.
Чу! тревога!
Стукъ и громъ!
Дымъ кругомъ!
Столбъ огня взлетаетъ съ блескомъ;
Рядъ строеній, съ громомъ, съ трескомъ,
Пламя мигомъ охватило;
Раскаленъ, какъ изъ горнила,
Воздухъ жжетъ; трещать стропила;
Скрыпъ воротъ, дверей стучанье,
Стеколь трескъ и дребезжанье,
Матерей, дѣтей рыданье,
Стоны, крики,
Безпокойный
Ревъ звѣрей, вой бури дикій —
Все слилось въ гулъ нестройный.
Всѣ бѣгутъ, кричатъ, спасаютъ . . .
Небеса какъ днемъ сіяютъ.
По рукамъ, сквозь дымъ, подъ зноемъ,
Длиннымъ строемъ
Мчатся ведра, — льютъ дугою
Въ пламя волны за волною.
Съ воємъ дунуль вѣтръ грозою
На пылающій пожаръ;
Вотъ на вспыхнувшій амбаръ
Паль — трещать, огнемъ объаты,

Бревна , балки и накаты :
Пламя — будто хочет въ паръ
Превратить земной весь шаръ —
Поднялось великаномъ
До небесъ.
Безъ надежды , смертный здѣсь
Силъ Божьей уступаетъ :
Праздно зреть , какъ погибаетъ
Трудъ его подъ ураганомъ.

Въ запустѣныи
Домъ старинный ,
Дикихъ бурь притонъ пустынный.
Въ окнахъ выбитыхъ гнѣздится
Страхъ могучій ;
Въ нихъ заглядываютъ тучи
Съ высоты.

Грустный взглядъ
На пустое пепелище ,
Счастья прежняго кладбище ,
Человѣкъ стремить назадъ . . .

И взялъ онъ посохъ , жалкій нищій.
Но пусть огнемъ лишенъ всего ,
Онъ вѣрить сладостной надеждѣ :
Онъ счелъ своихъ и вотъ , какъ прежде ,
Всѣ невредимы вкругъ него.

Въ землю влить металлъ горячій:

Неудачь пока намъ нѣтъ;

Но съ такою ли удачей

Честь искусства выйдеть въ свѣтъ?

Ну, какъ вышло въ щель?

Лопнула модель?

Ахъ! какъ знать? быть можетъ, вскорѣ,

Гдѣ не ждемъ нагрянетъ горе.

Земли священной темнымъ нѣдрамъ

Созданье наше вручено:

Такъ сѣетъ сѣятель зерно

И ждетъ, пока въ обилии щедромъ

Въ урочный день взойдетъ оно.

Но, ахъ! еще дороже сѣмя

Въ слезахъ кладемъ мы въ грудь земли,

И вѣримъ, что настанетъ время —

И процвѣтетъ оно изъ тли.

Съ колокольни,

Будто стонъ,

Похоронный,

Льется звонъ.

Грустно стонетъ мѣди звукъ унылый

Надъ отшедшимъ въ дальній путь могилы.

Ахъ! то нѣжная супруга,

Ахъ! то мать молодая въ гробъ:

Изъ семейственнаго круга
Смерть-губительница въ злобѣ
Мчитъ ее въ страну тѣней
Отъ супруга, отъ дѣтей,
Начинавшихъ дни свои
Подъ крыломъ ея любви.

Ахъ! на вѣки разрывается
Дома связь и благодать:
Ужъ въ странѣ тѣней скитается
Благодѣтельница - мать.
Ахъ! прошли минуты счастья,
Нѣтъ заступницы сиротъ;
Безъ любви и безъ участія
Къ нимъ чужая въ домъ войдѣтъ.

Колоколь пока простынетъ,
Пусть, какъ птичка у гнѣзда,
Всякъ изъ васъ заботу кинетъ
Послѣ тяжкаго труда.

Лишь звѣзда взойдетъ,
Часъ зари пробьетъ, —
Вся артель идетъ съ работы;
Мастеру всегда заботы!

Вотъ чрезъ боръ непроходимый,
Ободраясь, шаги торопятъ
Путникъ къ хижинѣ родимой.
Вотъ бѣгутъ съ блеяньемъ овцы;

Вотъ и стадо
Круторогихъ, толстовыйныхъ,
Съ шумомъ, съ рёвомъ,
Подъ роднымъ тѣснится кровомъ.
Съ хлѣбомъ возъ
Ѣдетъ, тяжело
Колыхаясь.
И вѣнками
Возъ съ снопами
Вкругъ цвѣтѣтъ,
И жнецы сплелись руками
Въ хороводъ.
Площадь, улицы стихаютъ;
Къ огоньку собрался мирно
Кругъ домашнихъ, и со скрипомъ
Затворилъ ворота городъ.
Въ міръ нисходитъ
Мракъ; но въ ужасъ
Мирныхъ гражданъ не приводитъ
Часъ ночной —
Часъ, когда губитель бродить:
Ихъ хранить законъ святой.
О, святой порядокъ, чудный
Даръ небесный! правосудный,
Вѣрный, кроткій правъ блюститель,
Городскихъ твердынь зиждитель!
Въ города изъ дебрей тѣмныхъ
Дикарей призвавъ бездомныхъ,

Ты вселился къ нимъ подъ кровы,
Укротилъ въ нихъ нравъ суровый
И нѣжнѣйшую цѣпь жизни
Имъ сковаль — любовь къ отчизнѣ.

Въ дружномъ, пламенномъ стремленьи
Трудъ всѣ руки братски слилъ,
И цвѣтетъ союзъ въ движенъи
Проявленьемъ общихъ силъ.
Мастеръ и работникъ равны,
Каждый гордъ своей судьбой:
Гдѣ законовъ щитъ державный,
Тамъ отпоръ обидѣ злой.
Трудъ есть гражданъ украшенье,
Прибыль — плата ихъ трудамъ,
Честь царямъ за ихъ правленье,
За труды почетъ и намъ.

Миръ прекрасный,
Душъ согласье!
Вѣчно, вѣчно
Охраняйте городъ нашъ!
Да не явится во вѣки
День, въ который громъ оружій
Возмутитъ нашъ мирный край, —
Грозный день, когда сводъ неба,
Гдѣ теперь зари пурпурной
Лучъ горить,

Городовъ и весей бурный
Огнь пожаровъ озарить!

Ну, теперь ломайте зданье:

Въ немъ ужь колоколь отлить.

Пусть изящное созданье

Взоръ и сердце веселить.

Бей же, молотъ, бей!

Что-бъ въ красѣ своей

Колоколь возсталъ предъ нами:

Форма пусть спадетъ кусками.

Разбить лишь мастеръ можетъ форму

Рукою мудрой въ должный срокъ;

Но, горе! если самъ изъ горну

Прорвется пламенный потокъ!

Съ громовымъ трескомъ домъ на части

Взрываетъ мѣди бурный паръ

И, какъ изъ черной адской пасти,

Стремить погибельный пожаръ.

Гдѣ буйныхъ силъ кипить возстанье,

Тамъ гибнетъ каждое созданье;

Гдѣ самовольствуетъ народъ,

Тамъ время бѣдствій настаётъ.

Бѣда странъ, въ которой пламя

Скопится въ нѣдрахъ городовъ,

Гдѣ чернь, поднявъ возстанья знамя,

Съ себя сбиваетъ грузъ оковъ.

Тогда въ рукахъ толпы преступной
Зловѣщій загудитъ металлъ,
И, мира вѣстникъ неподкупный,
Къ насилью первый дастъ сигналъ.
Чу! крики бѣшеной тревоги:
Къ оружью, мирный гражданинъ!
Толпы бѣгутъ; дворцы, дороги
Полны убійственныхъ дружинъ.
Тогда и женщины-гіены
Ликують въ ужасахъ пировъ,
Какъ тигры, рвутъ зубами члены,
Сердца кровавыя враговъ.
Тогда святаго нѣтъ ужь болѣ,
Покинулъ скромный стыдъ людей,
Пороки царствуютъ на волѣ,
Надъ добрымъ высится злодѣй.
Ужасна львица въ пробужденьи,
Ужаснѣй тигровъ злой набѣгъ;
Но что всѣ ужасы въ сравненьи
Съ твоимъ безумствомъ, человѣкъ?
И горе тѣмъ, кто свѣточь рая
Слѣпцамъ отъ вѣчности вручить:
Не свѣтъ, но пламень разливая,
Онъ грады, страны пепелить.

Радость небо мнѣ послало!
Посмотрите! вотъ оно,
Какъ звѣзда сквозь покрывало,
Блещетъ мѣдное зерно.

И горять на немъ
Солнечнымъ огнемъ
И вѣнецъ и гербъ державный,
Какъ желалъ художникъ славный.

Друзья! скорѣй
Въ одинъ кружокъ сольемся съ ликованьемъ,
И окрестимъ нашъ колоколъ названьемъ:
Согласіе, для счастья людей.
Для мирныхъ дѣлъ, для дружескихъ объятій
Пусть весь приходъ сзываетъ онъ, какъ братій.

И вѣчно тѣмъ да будетъ онъ,
На что онъ нами освященъ!
Подъ пологомъ святой лазури,
Надъ низкой жизнію земной,
Да будетъ онъ въ сосѣдствѣ бури
Граничить съ звѣздной стороной.
Да будетъ свѣше онъ глаголомъ
О томъ, какъ звѣздный хоръ поётъ
Гимнъ Богу предъ Его престоломъ
И въ вѣчность сводить старый годъ.
Изъ мѣдныхъ устъ его да льется
Лишь вѣсть о вѣчномъ и святомъ
И время каждый часъ коснется
Въ полетѣ до него крыломъ.
Да будетъ онъ судьбы закономъ,
И, самъ безъ сердца, безъ страстей,

Сопровождать да будетъ звономъ
Игру измѣнныхъ нашихъ дней.
Когда же, грянувъ въ часъ полночный
И слухъ тревожа, замолчить,
Да учить насъ, что все непрочно,
Что все земное отзвучить.

Пусть теперь канатовъ силы
Двинутъ колоколъ святой
Въ царство звуковъ изъ могилы,
Въ Божій свѣтъ изъ тмы густой.

Дружно! сильно!... вотъ

Тронулся, встаётъ!

Пусть зоветъ онъ городъ къ пиру;

Первый звонъ да будетъ къ миру.

Д. Минъ.

2.

ПѢСНЬ О КОЛОКОЛѢ.

Въ землю вroyте, други! тверже

Форму глиняную, — въ ней

Выльемъ колоколъ теперь же;

Ну, товарищи, дружнѣй!

Пусть же отъ работъ

Градомъ льется потъ!

Дѣло — мастеру хваленъе;

Но съ небесъ — благословенъе!

Друзья! за важными трудами
Приличны важныя слова:
Работа съ добрыми рѣчами
Спора, успѣшна и жива.
Размыслимъ же и мы прилѣжно,
Что и отъ скудныхъ нашихъ силъ
Быть можетъ? . . . Прѣзрѣнъ неизбѣжно,
Кто необдуманно творилъ!
Въ томъ человека украшенье,
Ему и разумъ для того,
Что-бъ прежде рукъ его творенье
Въ душѣ созрѣло у него.

Дровъ изъ пихты! — въ нихъ и сила!

Что-бъ лишь сухъ запасъ ихъ былъ;

Что-бъ изъ тѣснаго горнила

Въ жолобъ сжатый пламень билъ.

Мѣдъ скорѣй расплавъ,

Оловомъ добавь,

Что-бъ кипящаго металла

Влага плавно протекала.

Что въ ямѣ мрачной и глубокой

Теперь рука огнемъ творить,

То съ башни нѣкогда высокой

О насъ потомству возвѣститъ;

То будетъ въ позднихъ дняхъ и дальныхъ

Въ слухъ смертныхъ съ силой ударять,

И, раздѣляя скорбь печальныхъ,
Молебный хоръ сопровождать.
И все, что рокъ своимъ закономъ
Устроить для сыновъ земныхъ,
Метальнымъ повторится звономъ —
И будетъ поученьемъ ихъ.

Пузыри кипятъ — смотрите!
Хорошо! растворъ течетъ:
Всыпать щелочь поспѣшите
И литье скорѣй пойдетъ.
Пѣну отбивай,
Плавку очищай,
Что-бъ изъ чистаго металла
Звучность чисто вылетала.

Младенца съ жизнью поздравляетъ
Торжественный, веселый звонъ,
Когда привѣтливо порхаетъ
Надъ гостемъ жизни — жизни сонъ.
Еще во тмѣ таятся дальней
Веселый жребій и печальный,
А лоно матери младое
Лелѣетъ дѣтство золотое;
Но дни летятъ, летятъ стрѣлой;
Съ подругой-сверстницей разетался
Довольный отрокъ самъ собой
И пылко, бурно въ жизнь помчался,
И долго по свѣту скитался.

Къ отцу пришелъ онъ какъ чужой.
Цвѣтущей юностью сіяя,
Съ величьемъ чудной красоты,
Какъ мимолетный Ангелъ Рая,
Какъ образъ съ горней высоты,
Предъ нимъ — и скромно и стыдливо —
Стояла дѣва молчаливо . . .

Для юноши исчезнулъ свѣтъ:
Онъ самъ не свой! . . Онъ цѣпенѣть,
И въ безъимянныхъ чувствахъ млѣть,
И чувствамъ тѣмъ отчета нѣтъ!
Тѣснятся слезы — онъ къ прекрасной
Отъ буйныхъ юношей спѣшитъ;
Заря любви — румянецъ страстной
Въ лицѣ то гаснетъ, то горитъ;
Ея привѣтъ его живить.

Идетъ, волнуемый мечтами,
Въ луга, гдѣ зѣркальный потокъ,
Что-бъ для нея, между цвѣтами,
Сорвать прелестнѣйшій цвѣтокъ.

О, сладость первыхъ упоеній —
Любови первой мигъ златой!
Среди надеждъ и вдохновеній
Тогда, лелѣяся мечтой,
Душа въ отверстый рай летѣла:
Двойная жизнь лилась въ крови . . .
Ахъ! еслибъ вѣчно зеленѣла
Для насъ весна молодой любви! . .

Изъ семейственнаго круга
Смерть-губительница въ злобѣ
Мчитъ ее въ страну тѣней
Отъ супруга, отъ дѣтей,
Начинавшихъ дни свои
Подъ крыломъ ея любви.

Ахъ! на вѣки разрывается
Дома связь и благодать:
Ужъ въ странѣ тѣней скитается
Благодѣтельница - мать.
Ахъ! прошли минуты счастья,
Нѣтъ заступницы сиротъ;
Безъ любви и безъ участія
Къ нимъ чужая въ домъ войдѣтъ.

Колоколь пока простынетъ,
Пусть, какъ птичка у гнѣзда,
Всеякъ изъ васъ заботу кинетъ
Послѣ тяжкаго труда.

Лишь звѣзда взойдетъ,
Часъ зари пробьетъ, —
Вся артель идетъ съ работы;
Мастеру всегда заботы!

Вотъ чрезъ боръ непроходимый,
Ободраясь, шаги торопятъ
Путникъ къ хижинѣ родимой.
Вотъ бѣгутъ съ блеяньемъ овцы;

Вотъ и стадо
Круторогихъ, толстовыйныхъ,
Съ шумомъ, съ рёвомъ,
Подъ роднымъ тѣснится кровомъ.
Съ хлѣбомъ возъ
Ѣдетъ, тяжело
Колыхаясь.
И вѣнками
Возъ съ снопами
Вкругъ цвѣтѣтъ,
И жнецы сплелись руками
Въ хороводъ.
Площадь, улицы стихаютъ;
Къ огоньку собрался мирно
Кругъ домашнихъ, и со скрипомъ
Затворилъ ворота городъ.
Въ міръ нисходитъ
Мракъ; но въ ужасъ
Мирныхъ гражданъ не приводитъ
Часъ ночной —
Часъ, когда губитель бродить:
Ихъ хранить законъ святой.
О, святой порядокъ, чудный
Даръ небесный! правосудный,
Вѣрный, кроткій правъ блюститель,
Городскихъ твердынь зиждитель!
Въ города изъ дебрей тѣмныхъ
Дикарей призвавъ бездомныхъ,

Вотъ ужъ трубки стали рдяны;
Трость спущу на пробу я,
Если приметъ видъ стеклянный —
Близко время для литья.

Ну, теперь мы здѣсь

Испытаемъ смѣсь:

Все-ль удачно съединилось,
Съ твердымъ мягкое смѣсилось?

Гдѣ сила съ кроткимъ, строгость съ нѣжнымъ
Союзомъ связаны надежнымъ,
Раздастся тамъ согласный звукъ.
И кто себя на вѣки вяжетъ,
Спроси, что сердце сердцу скажетъ:
Мечта кратка, — но сколько мукъ!

Въ дѣвственномъ вѣнкѣ прекрасномъ
Вотъ невѣста въ храмъ идѣтъ;
Слышимъ радость въ звонѣ ясномъ:
Онъ гостей на пиръ зовѣтъ.
Праздникъ жизни длится мало,
Мая жизни скорь полетъ.
Сняли поясъ, покрывало —
И мечты ужъ болѣ нѣтъ!..

Пыль страсти пройдетъ,
Любовь остается;
Цвѣтокъ отцвѣтѣтъ
И плодъ развернется.

Мужъ долженъ, съ трудомъ,
Въ бой съ жизнью стремиться,
Искать, суетиться,
Садить, упражняться,
Хитрить, домогаться,
Въ удачи пускаться,
За счастьемъ гоняться;
Тутъ скоро богатство польется ручьями:
Пожитки въ амбарѣ лежатъ за замками;
Расширилось мѣсто, просторнѣе домъ.
Въ немъ, въ скромной заботѣ,
Хозяйка въ работѣ,
Въ семейственномъ кругѣ,
Всегда въ недосугѣ;
И дѣвушекъ учить,
И мальчиковъ съ ними;
Трудомъ не наскучить:
Руками своими,
Черезъ свой оборотъ,
Умножаетъ доходъ;
Въ лари накопляетъ драгіе пожитки;
Жужжа вертено выпрядаетъ ей нитки;
И въ шкафы запасы собираетъ она
И шерсти волнистой и бѣлаго льна:
Такъ пользу съ довольствомъ она соединяетъ,
Покоя не знаетъ.
Съ сердцемъ веселымъ хозяйнѣ глядитъ

Съ верхней свѣтлицы високаго дома;
Счастье, довольство его веселить:

Онъ крѣпкіе видитъ изъ бревенъ накаты;
Его кладовыя товаромъ богаты,
И зѣкромы гнутся, запасами полны;
На нивахъ златыя колышутся волны...
Тогда самохвально уста изрекли:

«Твёрдо, какъ будто основа земли,
«Домъ мой, богатствомъ блистая, стоитъ,
«Буря несчастья меня не страшить!»
Но намъ съ судьбою враждебной и странной
Связи устроить нельзя постоянной;
Смотришь: несчастье вдругъ налетитъ!

Ну, теперь литье начнется:
Ужъ зубчатъ и чистъ изломъ.
Но пока металлъ польется,
Мы молитву вознесёмъ,
Краны отверни!
Боже! домъ храни!
Вотъ, дымяся, въ жолобъ чистый
Зашумѣлъ потокъ огнистый.

Полезна сила намъ огня,
Когда, стѣсняя и храня,
Владѣетъ ею умъ людской;
Онъ благодаренъ силѣ той!...

Но вмигъ становится страшна,
Когда, расторгнувъ цѣпь, она
Сама себѣ откроетъ дверь,
Природы гибельная дщерь.

Горе, если ей свободной
Возрасти не воспретятъ:
Вмигъ на улицѣ народной
Вкругъ пожары закипятъ . . .
Такъ стихіямъ хищнымъ сродно
Враждовать трудомъ людскимъ!

Съ тучъ полился
Дождь пріятный,
Благодатный;
Съ тѣхъ - же тучъ
Молній лучъ.
Чу! тревога . . . Вотъ звонятъ,
Бьютъ въ набатъ;
Вотъ, какъ кровь,
Небо красно,
Не отъ зноя и жаровъ;
Какъ ужасно
Все трещить,
Дребезжить;
Дымъ валить;
Въ верхъ столпъ огненный взлетаетъ;
Онъ бѣжитъ и вырастаетъ,
Все крутитъ, опламеняетъ:

Какъ въ горнилѣ, яркимъ блескомъ
Рдѣтъ воздухъ; бревны съ трескомъ
Упадаютъ; стекла таютъ;
Дѣти, матери блуждаютъ;
Дымъ, обломки . . .
Вопли громки
Стоны вѣтра заглушаютъ;
Всѣ бѣгутъ, кричатъ, трепещутъ;
Небеса зарею блещутъ;
Цѣпь колодезную мещутъ:
Цѣпь бряцаетъ,
Съ ней взлетаетъ
Въ верхъ ведро; — и вотъ, дугою,
Бьетъ разсыпчатой волною
Водный токъ на встрѣчу зною.
Огнь все ярче и быстрѣй . . .
Ревъ животныхъ и звѣрей . . .
Съ свистомъ яростный борей
Налетѣлъ . . . Въ порывахъ дикихъ
Носить, вѣетъ огонь . . . и крики
Слышны: « житницы горятъ! »
Зерны брызжутъ и трещать;
Двери хлопаютъ, бренчатъ;
И губительная сила
Ломить балки и стропила.
Все скрыпить, шумить, грохочетъ,
Пламень роетъ — будто хочетъ
Горы съ строжней ихъ сорвать
И какъ пухъ съ собой умчатъ.

И до неба взросъ могучій,
И челомъ раздвинулъ тучи —
Исполинъ.

Властелинъ,
Смертный, предъ Творцемъ въ смиренъѣ,
Смотрить, какъ его творенье
Безпощадно погибаетъ.

Въ пеплѣ все;
Въ дома, въ кровы,
Вѣтеръ ломится суровый.
Ужасъ, страхъ въ пустыхъ окошкахъ
Ужъ гнѣздятся;
Облака, летя, глядятся
Сверху въ нихъ.

На жилище,
Пепелище
Горькій взглядъ
Человѣкъ стремить назадъ,
Подымая посохъ свой.

Хотя огнемъ лишенъ всего,
Но онъ отраднымъ чувствомъ полонъ:
Всѣхъ близкихъ сердцу тотчасъ счёлъ онъ —
И ни единой у него
(Въ семейномъ счетѣ оказалось)
Главы драгой не затерялось...

Въ должномъ весь составъ смѣшеньѣ,
Весь удачно въ форму влить;
Иль желаній исполненье
Насъ за трудъ не наградить?
А напасть придетъ?
Форму разорветъ?
Сколько разъ душа ласкалась
Счастьемъ... вдругъ бѣда подкралась.

Утробѣ мы земли священной
Труды ввѣряя рукъ своихъ,
Съ волненьемъ ждемъ плодовъ отъ нихъ,
Какъ жатвы ждетъ благословенной
Оратай отъ небесъ благихъ.
И человѣкъ драгое сѣмя
Землѣ, съ печалью, передаетъ;
Но чаешь, что настанетъ время —
Оно изъ гроба процвѣтетъ!

Слышенъ съ башни
Звукъ густой,
Звукъ унылой,
Гробовой;
Звонъ протяжный, звонъ печальный:
Чу! то вѣстникъ погребальный!

Ахъ! то нѣжную супругу,
Милостивую подругу
Князь тѣней, дыша злодѣйствомъ,

И съ супругомъ и съ семействомъ
Разлучилъ . . . Гдѣ мать дѣтей,
Что въ разсвѣтѣ раннихъ дней,
Въ счастіѣ, вокругъ родной росли,
Подъ крыломъ у ней цвѣли? . .
Смерть — всеобщій разлучитель —
Связь расторгла сладкихъ узъ,
И сошла тѣней въ обитель
Та, кѣмъ цвѣль семьи союзъ.
Гдѣ-жь заботливость прямая . . .
Дѣти мать найдутъ-ли въ комъ?
Безъ любви войдетъ чужая
Къ сиротамъ въ отцовскій домъ!

Но пока составъ хладѣетъ,
Можно трудъ оставить намъ;
Какъ на волѣ птичка рѣетъ,
Вольно всѣмъ идти къ домамъ.

Дождались звѣзды,
Кончились труды!

Къ ночи всякой отдыхаетъ;
Мастеръ отдыха не знаетъ!

Шагъ удвоя, ставъ бодрѣе,
Странникъ дикой боръ минуетъ:
Онъ спѣшитъ въ свой мирный домикъ.
Вотъ овецъ блеющихъ стадо,
И телицъ широко-выйныхъ
Идетъ тучная станица;

Вотъ ихъ ревы
Вѣсть даютъ, что близко клевы;
Тяжкій возъ,
Колыхаясь,
Ѣдетъ съ скрыпомъ,
И съ вѣнками
Надъ снопами . . .
Дѣвъ и женъ,
И молодыхъ жнецовъ на пляску
Рой летитъ.
Городъ спитъ,
Въ рынкахъ, въ улицахъ затихло.
Вкругъ свѣчи семейной мирно
Всѣ домашніе тѣсняются;
И врата градскія стража
Запираетъ;
Исчезаетъ
Свѣтъ дневной;
Тишиной
Добрыхъ гражданъ не пугаетъ
Темный часъ:
Пусть онъ злыхъ и пробуждаетъ;
Но законъ не сводитъ глазъ.

О, порядокъ благодатной!
Ты гармоніей пріятной
Равно - мыслящихъ сближаешь,
Грады зиждешь, устрояешь.
Изъ пустынь, лѣсовъ глубокихъ,

Дикарей созвавъ жестокихъ,
Поселилъ въ нихъ, далъ уставы,
Умягчилъ крутые нравы
И даръ — высшій всѣхъ даровъ —
Далъ къ отчизнѣ имъ любовь!

Сотни рукъ въ соединенье,
Въ общій трудъ сопряжены;
И въ ихъ пламенномъ движеньи
Силы всѣ разочтены;
Мастеръ и работникъ воленъ, —
Всякъ закономъ защищенъ;
Всякъ судьбой своей доволенъ:
Умъ насмѣшливый презрѣнъ.

Трудъ — для гражданъ украшенье,
Онъ имъ долженъ въ даръ принести
Отъ небесъ благословенье;
Царскій санъ — царямъ почтенье,
Намъ — нашъ трудъ приносить честь.

Миръ безцѣнный,
Душъ единство!
Будьте, будьте
Какъ друзья надъ градомъ симъ!
Да не будетъ дня, въ который
Орды ратниковъ суровы
Въ мирной явятся долинь,
Въ коей небо
Тихимъ вечера закатомъ —

Пышнымъ пурпуромъ и златомъ —
Такъ блестить!
Пусть насъ зарево пожаровъ
Въ весяхъ, въ градѣ не страшить.

Зданье, други! разломайте,
Ожиданіе сбылось!
Очи, сердце улаждайте:
Намъ въ работѣ удалось!
Молоть — начинай —
Форму разбивай!
И лишь колоколъ взовьется —
Форма въ части распадется.

Съ металла узы мастеръ сниметъ
Во время мудрою рукой;
Но, горе! коль внезапно хлынетъ,
Вскипѣвши, мѣдь сама - собой;
Она, ярясь, дробить на части
Съ громовымъ трескомъ утлый домъ;
И, какъ изъ адской, страшной пасти,
Зіяетъ пагубой и зломъ.
Гдѣ силы дикія въ бореньи,
Тамъ всюду гибель и смятенье.
Въ странѣ, гдѣ буйствуетъ народъ,
Не созрѣваетъ счастья плодъ!

О, горе! если въ градахъ ковы
Духъ возмутительный сплететь:

Народъ, разбивъ свои оковы,
Безумно къ гибели поидеть.
Металль послушный заставляетъ
Гудѣть набатомъ бунтовщикъ;
Звонъ прежній, мирный, умолкаетъ;
Звонъ вѣча пасмуренъ и дикъ.
Раздоръ пылаетъ повсемѣстно;
Оружье граждане берутъ;
На улицахъ, на рынкахъ тѣсно,
Толпы неистово бѣгутъ.
И стали женщины — гіены:
Съ улыбкой дикаго лица,
Онѣ, какъ тигры разъяренны,
Грызутъ растерзанныхъ сердца!
Святаго нѣтъ — и расторгаетъ
Послѣдни узы скромный стыдъ;
Добро злу мѣсто уступаетъ,
Развратъ ужъ больше не закрыть!
Левъ пробужденный намъ опасенъ,
Погибель — въ тигровыхъ зубахъ;
Но кто-жъ всѣхъ болѣе ужасенъ? —
То человѣкъ въ своихъ мечтахъ!
Бѣда слѣпому отъ рожденья
Небесный факель въ руки дать:
На мѣсто пользы и освященья,
Онъ станетъ все испепелять.

Богъ мнѣ радость посылаетъ,
Вотъ — чего я ждалъ давно:

Изъ коры звѣздой сіяетъ
Ярко мѣдное зерно;

И вѣнецъ блеститъ —

Весь, какъ жаръ, горитъ!

И гербовъ изображенъе . . .

Все — художнику хваленъе!

Свершёнъ, свершёнъ!

Сомкнемся въ дружномъ соединеньи —

Да колоколъ, въ своемъ крещеньи,

Согласнымъ будетъ наречёнъ:

Пусть онъ сердца соединяетъ,

Пусть весь приходъ къ любви сзываетъ!

Употребленъ да будетъ онъ

На то къ чему опредѣлёнъ!

Надъ низкою земною жизнью,

Въ шатрѣ небесномъ, голубомъ,

Пусть плаваетъ громовъ въ отчизнѣ,

Гранича съ міромъ звѣздъ — челомъ;

Пусть возвѣщаетъ онъ протяжно,

Какъ звѣздъ блестящій хороводъ

Гласитъ торжественно и важно

Свой гимнъ Творцу, и старый годъ

На лоно вѣчности ведётъ.

Лишь то, что вѣчно, что прекрасно,

О, колоколъ нашъ, прославляй!

И, неусыпный, ежечасно

Намъ вѣсть о времени давай!

И ставъ орудіемъ судьбины —
Безчувственный подобно ей —
Ты возвѣщай, съ своей вершины,
Игру невѣрной жизни сей!
Когда - же звукъ твой скоротечно,
Встревожа, слухъ нашъ поразить,
Учи, что въ мірѣ все не вѣчно,
И все земное отзвенить!

Съ силою прострите руки —
Колоколъ изъ ямы вонъ!
Гдѣ владычествуютъ звуки
Пусть туда восходитъ онъ!
Ну, тяните!... Вотъ,
Двигается, плывётъ!
Въ радость граду будь! съ эфира
Первый гласъ его — гласъ мира.

А. Глинка.

И старая орудия сдвинула —
Безответный подобно ей —
Ты познания, с своей вершины
Нры неяркой жизни сей!
Когда же зреть твой светоточный
Встревожа, слух наш поразила
Уж, что в мире все не равно,
И все земное отзвучит!
Ся силою простираете руки —
Ноловом на ямы века!
Тю вавилонская зрела
Пусть туда восходят они!
Ну, таяте! . . . Вот!
Движете, павыте!
В радости твоей буди с сирот
Первый шаг — к свету миру
А. Е. Тихонов
Глаголющий к нам и к вам
Пусть слышат, кто услышит
Как жила вавилонская
Глаголющий к нам и к вам
Сей гласи Творца, в старину
На том знамени злата
Доме, что тихо, что прекрасно,
С жемчужной нитью, прославленной
В вавилонской, вавилонской
Нам и есть о прелесть гласи

ПѢСНИ И РОМАНЫ.

ИЗДАНИЕ В ПОСЛЕДНЕМ

АНДРОМАХА

Не плачь, мой друг, не плачь,
Пылаешь ты, мой друг, пылаешь ты,
Пусть руки мои твои
Искать ищут, ищут, ищут,
Пусть к тебе, мой друг, придет любовь!

1.

1.

ПРОЩАНИЕ ГЕКТОРА.

АНДРОМАХА.

Для чего стремится Гекторъ къ бою,
Гдѣ Ахиллъ безжалостной рукою
За Патрокла грозно мститъ врагамъ?
Если Оркъ угрюмый насъ разлучить,
Кто малютку твоего научить
Дротъ метать и угождать богамъ?

ГЕКТОРЪ.

Слезъ не лей, супруга дорогая!
Въ поле битвы пыль свой устремляя,
Этой дланью я храню Пергамъ.
За боговъ священную обитель
Я паду и — родины спаситель —
Отойду къ Стигійскимъ берегамъ.

АНДРОМАХА.

Не гремѣтъ твоимъ доспѣхамъ болѣ;
Ржавый мечъ твой пролежитъ въ неволѣ,
И Пріама оскудѣетъ кровь:
Въ область мрака ты сойдешь отнынѣ,
Гдѣ Коцитъ слезится по пустынѣ . . .
Канетъ въ Лету Гектора любовь!

ГЕКТОРЪ.

Весь мой пылъ, всѣ мысли и стремленья
Я залью волной рѣки забвенья,
Но не пламенникъ любви . . .
Чу! дикарь у стѣнъ ужъ кличетъ къ бою:
Дай мнѣ мечъ и не томись тоскою —
Леты нѣтъ для Гектора любви.

Л. Мой.

2.

ПРОЩАНІЕ ГЕКТОРА.

АНДРОМАХА.

О, Гекторъ, супругъ мой, уже ли меня ты покинешь?
Пойдешь ли туда, гдѣ Ахиллъ безпощадной рукою
Приноситъ кровавыя жертвы Патроклу? Кто будетъ
Малютку учить твоего — покоряться безсмертнымъ
И дротикъ метать? О мой Гекторъ, что станется съ
нами,
Когда ты потонешь въ пучинѣ туманнаго Орка?

ГЕКТОРЪ.

Не плачь, дорогая супруга! отри свои слезы!
Пылаеть въ груди моей мщенье врагамъ за отчизну...
Пусть руки мои защитою будутъ Пергама;
Пускай я въ сраженьи паду за пенатовъ священныхъ;
Пусть къ Стиксу сойду защитителемъ стѣнъ иліон-
скихъ!

АНДРОМАХА.

Не буду внимать я звуку доспѣховъ супруга,
И праздный твой мечъ будетъ ржавчина грызть, и съ
тобою
Погибнетъ на вѣки геройское племя Пріама!
Пойдешь ты туда, гдѣ и дня не бывало отъ вѣка,
Гдѣ страшный Коцитъ катить волны, рыдая въ пу-
стынѣ...
О, Гекторъ, супругъ мой, любовь твоя въ Летѣ по-
тонетъ!

ГЕКТОРЪ.

Всѣ страсти, всѣ думы мои въ тихой Летѣ потонуть;
Любовь же моя не погибнетъ въ пучинѣ забвенья.
Но, слышишь!... ужь варваръ примчался къ стѣнамъ
Иліона!

Мечемъ опояшь меня!... Плачь свой оставь ты, и вѣруй:
Любовь моя вѣчная въ Летѣ погибнуть не можетъ!

М. Михайловъ.

II.

НЕЗНАКОМКА.

Когда весна, благоухая,
Сзывала первый хоръ пѣвцовъ,
Являлась дѣва молодая
Въ долину бѣдныхъ пастуховъ.

Она родилась не въ долину,
Никто семьи ея не зналъ;
И слѣдъ скрывался, какъ въ пустыни,
Лишь милый призракъ исчезалъ.
И, чуя дѣвы приближенъе,
Стремилось все на встрѣчу къ ней;
Хотя внушалъ благоговенъе
Холодный блескъ ея очей.

Она съ плодами приносила
Цвѣты чарующей весны:
Иное грѣло ихъ свѣтило
Иной счастливой стороны.

И возвращались съ плодами,
Съ цвѣтами пышными домой —
И отрокъ съ свѣтлыми кудрями,
И старецъ немощный съ клюкой.

Привѣтомъ всѣхъ она встрѣчала;
Но для любящейся четы
Подарокъ лучшій сберегала:
Дарила лучшіе цвѣты.

Н. Гербель.

III.

1.

ТОСКА ПО МИЛОМЪ.

Дубрава шумить;
Собираются тучи;
На берегъ зыбучій
Склонившись, сидитъ
Въ слезахъ, пригорюнясь, дѣвица - краса;
И полночь и буря мрачатъ небеса;
И черныя волны, вздымаясь, бушуютъ;
И тяжкіе вздохи грудь бѣлу волнуютъ.

« Душа отцвѣла;
Природа уныла;
Любовь измѣнила,
Любовь унесла
Надежду, надежду — мой сладкій удѣлъ.
Куда ты, мой Ангелъ, куда улетѣлъ?
Ахъ, полно! я счастьемъ мірскимъ насладилась;
Жила, и любила . . . и друга лишилась.

«Теките струей

Вы, слезы горючи;

Дубравы дремучи,

Тоскуйте со мной.

Ужь болѣ не встрѣтитъ мнѣ радостныхъ дней;

Простилась, простилась я съ жизнью моей:

Мой другъ не воскреснетъ; что было — не будетъ...

И бывшего сердце во вѣкъ не забудетъ?

» Ахъ! скоро ль пройдутъ

Унылые годы?

Съ весною — природы

Красы расцвѣтутъ...

Но сладкое счастье не дважды цвѣтетъ.

Пускай же драгое въ слезахъ оживетъ;

Любовь, ты погибла; ты, радость, умчалась;

Одна о минувшемъ тоска мнѣ осталась. »

В. Жуковский.

2.

ЖАЛОБА ДѢВУШКИ.

Собираются тучи, лѣсъ глухо шумить;

Склонясь надъ рѣкою, дѣвица сидитъ.

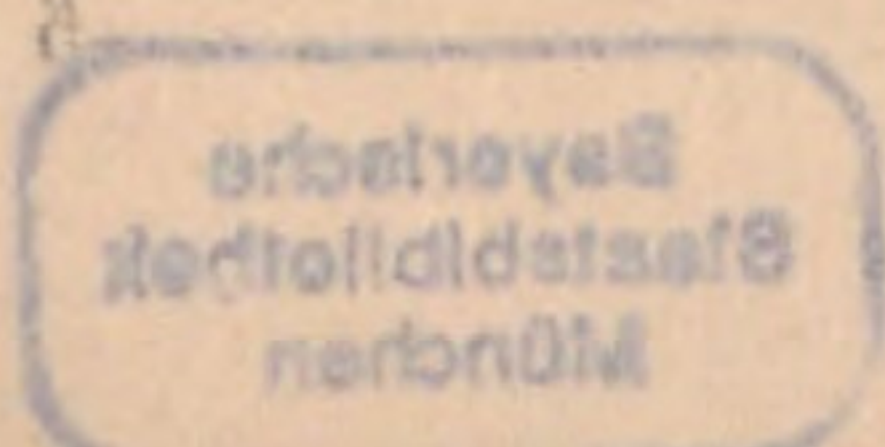
Вздымаются волны сильнѣй и сильнѣй

И слезы невольно бѣгутъ изъ очей.

И пѣснь ея льется уныло:

«Разбилось сердце и міръ опустѣлъ!

Мнѣ счастья нѣтъ больше, свершенъ мой удѣлъ.

О, Матерь Святая, возьми ты меня!

Все счастье земное извѣдала я:

Жила я и въ жизни любила!»

— Напрасныя слезы ты льешь изъ очей:

Не слышитъ ихъ милый въ могилѣ своей.

Скажи мнѣ, что, послѣ восторговъ любви,

Исцѣлитъ сердечныя раны твои?

И все для тебя ниспошлю я. —

«Пусть слезы напрасно бѣгутъ изъ очей,

Пусть другъ ихъ не слышитъ въ могилѣ своей.

Есть послѣ восторговъ прекрасной любви,

Есть высшее счастье — то слезы мои:

Въ нихъ прошлую жизнью живу я.»

В. Лялинъ.

IV.

ЮНОША У РУЧЬЯ.

Надъ ручьемъ пастухъ печальный

Рвалъ поблекшій свой вѣнокъ,

И глядѣлъ, какъ торопливо

Уносилъ цвѣты потокъ.

Такъ и дни мои уходятъ,

Будто волны за волной,

Такъ и юность увядаетъ,

Какъ вѣнокъ мой полевой.

О, не спрашивайте болѣ,
Что такъ сердце тяготитъ! —
Обновленная природа
Всѣхъ надеждой веселитъ;
Но и этотъ внятный голосъ
Пробудившейся весны —
Пробуждаетъ лишь страданья —
Сердце рветъ до глубины.

Что мнѣ въ этихъ дняхъ роскошныхъ,
Полныхъ внешней красоты?
Вѣчно близкой и далёкой —
Ей одной мои мечты.
Къ *ней* я руки простираю,
Къ *ней* стремлюся всей душой,
Но она не уловима,
И бѣжитъ меня покой.

Позабудь свои чертоги!
Припади ко мнѣ на грудь!
Я весенними цвѣтами
Скрашу жизненный твой путь.
Въ рощѣ пѣсни раздаются,
Ключъ стремится съ высоты:
Вѣдь и въ хижинѣ просторно
Для любящейся четы!

Н. Гербель.

V.

А М А Л І Я.

Свѣтлый образъ жителя Валгаллы,
Другъ мой былъ всѣхъ юношей милѣй!
Очи — моря синіе кристаллы
Въ майскомъ блескѣ солнечныхъ лучей!

Поцѣлуй друга — обаянье! —
Какъ двѣ искры, вспыхнувшія вдругъ,
Какъ два тона арфы, при сліянѣхъ
Въ одностройный, неразрывный звукъ,
Пламенѣли, дѣшу сплавивши съ душою,
На устахъ звуча сливались...
Сердце рвалось къ сердцу... Небеса съ землею
Вкругъ счастливецѣвъ растоплялися...

Друга нѣтъ! напрасно, ахъ, напрасно
Звать его въ кручинѣ и слезахъ:
Нѣтъ его — и всё, что въ жизни красно,
Всё звучить мнѣ безнадежнымъ: *ахъ!*

Л. Мей.

VI.

1.

КЪ ЭММѢ.

Ты вдали, ты скрыто мглою
Счастье милой старины;
Неприступною звѣздою
Ты сіяешь съ вышины.

Ахъ! звѣзды не приманить!
Счастьемъ бывшему не быть!

Если бъ жадною рукою
Смерть тебя отъ насъ взяла,
Ты бъ была моей тоскою,
Въ сердцѣ всё бы ты жила.
Ты живешь въ сіяньѣ дня,
Ты живешь не для меня.

Тò, что насъ одушевляло,
Эмма, какъ то пережить?
Эмма, тò, что миновало,
Какъ тому любовью быть?
Небомъ въ сердце зажжено,
Умираетъ ли оно?

В. Жуковскій.

2.

КЪ ЭММѢ.

Туманъ далёкій затымѣваетъ
Былую радость навсегда;
И только взоръ еще плѣняетъ
Одна прекрасная звѣзда.
Но звѣзды прелестью своей —
Лишь блескъ одинъ во тмѣ ночей.

Когда бъ ты въ гробъ охладѣла,
Уснула непробуднымъ сномъ,
Тобой тоска бъ моя владѣла,
Жила бы въ сердцѣ ты моёмъ.
Но, ахъ! собою свѣтъ плѣня,
Ты въ нёмъ живешь не для меня!

Иль сладость нѣжности сердечной,
О, Эмма! можно позабыть?
Тому, что гибнетъ, что не вѣчно,
О, Эмма! какъ любовью быть?
Уже ль огонь ея святой
Исчезнетъ, будто жаръ земной!

И. Козловъ.

VII.

О Ж И Д А Н І Е.

Чу! скрипнули дверцей садовой?

Чу! брякнула ручка замка?

Нѣтъ, то въ тополи мохровой

Слышенъ лепетъ вѣтерка.

Одѣнься густолиственной красой,

Пышно - зеленый сводъ! торжественный устроимъ

Пріемъ мы въ честь красавицы молодой.

Вы, вѣтви, для нея сплетайтесь покоемъ,

Наполненнымъ таинственною мглой!

Проснитесь, вѣтерки, играйте рѣзвымъ роемъ

Вкругъ розовыхъ ланитъ ея, когда

На зовъ любви прійдетъ она сюда.

Чу! Ктò это тамъ торопливо

Скользить, шелестя по кустамъ?

Нѣтъ, то птица боязливо

Пропорхнула по вѣтвямъ.

День! погаси свой пламенникъ скорѣй!

Ко мнѣ, нѣмая ночь и сумракъ молчаливый!

Укрой насъ въ сѣнь таинственныхъ вѣтвей,

Набрось на насъ свой флёръ пурпурный и ревнивый...

Свидѣтелей, докучныхъ ихъ ушей,

Нескромныхъ взоровъ ихъ бѣжить Амуръ стыдливый,

Лишь Гесперь—стражъ довѣренный любви:
Его, о ночь, на небо призови!

Чу! звукъ издалёка домчался,
Какъ будто кто шепчетъ въ саду?
Нѣтъ, то лебедь расплескался
На серебряномъ пруду.

Мой слухъ обнялъ гармоніи потокъ:
Ручей журчитъ волной; зари живымъ румянцемъ
Лобзаемый, колеблется цвѣтокъ;
Прозрачный виноградъ горитъ янтарнымъ глянцемъ,
И персикъ наливной, припавши за листокъ,
Лепечетъ радостно съ златистымъ померанцемъ,
И вѣтеръ ароматною волной
Съ моихъ ланитъ смываетъ лѣтній зной.

Чу! кажется входятъ въ аллею?
Чу! дѣвственный шагъ прозвучалъ?
Нѣтъ, подъ тяжестью своею
Съ вѣтки спѣлый плодъ упалъ.

День сладко задремалъ и пламенные взгляды
Его угасли; меркнетъ полоса
На западѣ; цвѣты отрадной ждуть прохлады;
Сребристый серпъ взошелъ на небеса;
Міръ растопляется въ спокойныя громады,
И все — краса, волшебная краса,

И каждая изъ нихъ, свой поясъ разрѣшая,
Восторженнымъ очамъ является нагая...

Но что тамъ во мракѣ мелькаетъ,
Не платье ли милой моей?

Нѣтъ, то бѣлый столпъ сверкаетъ
Въ темной зелени вѣтвей.

О, сердце, полно ждать! .. к чему мечту пустую,

Тѣнь счастья въ душѣ своей ласкать?

Мечтой не остудить мнѣ грудь мою больную

И призрака руками не обнять...

О, приведите мнѣ — не тѣнь — ее, живую,

О, дайте ручку нѣжную пожать,

Коснуться хоть слегка краевъ ея мантильи...

И надо - мною сонъ простеръ незримо крылья.

И тихо, незримо, какъ лучъ упованья,

Нежданной зарею блаженного дня,

Она подошла — и лобзанья

Ея пробудили меня.

Л. Мей.

VIII.

ДРУЗЬЯМЪ.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЬ.

Други, было время золотое,
Процвѣтало знаніе благое,
Процвѣталъ счастливѣйшій народъ!
Тò, о чемъ преданья умолчали,
Тò нѣмые камни доказали —
Жилъ — онъ жилъ, счастливѣйшій народъ!

Но не прошлымъ красенъ день цвѣтущій;
Красенъ цвѣтъ, который днесъ цвѣтетъ.
Мы живемъ! и трижды правъ живущій,
Если настоящимъ онъ живетъ.

Други, сѣверъ намъ бываетъ вреденъ,
Солнце скупо, уголокъ нашъ бѣденъ;
Но онъ теплъ тепломъ высокихъ думъ!
Тò, чѣмъ насъ природа обдѣлила,
Тò живое чувство замѣнило,
И свѣтлѣе солнца свѣтитъ умъ!

Если мирта здѣсь не расцвѣтаетъ,
Не цвѣтутъ гранаты и лимонъ, —
Бахусъ краснощекій насъ вѣнчаетъ,
За трапезой полногрудыхъ жонъ.

Громче насъ — въ странѣ иноплеменной,
Гдѣ стеклись, со всѣхъ концовъ вселенной,
На всесвѣтный рынокъ корабли,
Гдѣ британецъ всѣмъ и все торгуетъ —
Громче тамъ звенить и торжествуетъ
Золотая деньга, богъ земли.

Но не Темзѣ, не водѣ нечистой,
Отразить святыя небеса:
Только свѣтлыхъ думъ потокъ серебристый
Отражаетъ Божьи чудеса!

Слаще насъ, дѣтей зимы суровой,
Лазарони спить въ тѣни лавровой,
Подъ навѣсомъ божьяго шатра.
Тамъ когда-то было царство Феба,
Въ небо тамъ ушло второе небо —
Дивный домъ Апостола Петра.

Но и Римъ, во всемъ его сіяньѣ,
Только гробъ минувшаго... Живетъ
Только то, что полное дыханья,
Изъ ключа живой минуты пьетъ!

Не смущайте жь, други, сихъ мгновений
Скорбнымъ звукомъ скорбныхъ пѣснопѣній —
Прошлаго отъ праха не спасти;
Вѣчнаго и солнце не видало;

Тò лишь вѣчно, чтò не расцвѣтало
И чему подъ солнцемъ не цвѣсти.

Други, други, мало ль что бывало
И чему ужь болѣ не бывать? —

Вѣчно только вѣчное начало
И Его святая благодать!

А. Струговицковъ.

IX.

1.

Ж Е Л А Н І Е.

Озарися долъ туманный;
Разступися мракъ густой;
Гдѣ найду исходъ желанный?
Гдѣ воскресну я душой?
Испещренные цвѣтами,
Красны холмы вижу тамъ...
Ахъ, зачѣмъ я не съ крылами?
Полетѣлъ бы я къ холмамъ.

Тамъ поють согласны лиры,
Тамъ обитель тишины;
Мчатъ ко мнѣ оттоль зефиры
Благовонія весны;

Тамъ блестятъ плоды златые
На сѣнистыхъ деревьяхъ;
Тамъ не слышны вихри злые
На пригоркахъ, на лугахъ.

О, предѣлъ очарованья!
Какъ прелестна тамъ весна!
Какъ отъ юныхъ розъ дыханья
Тамъ душа оживлена!
Полечу туда . . . напрасно!
Нѣтъ путей къ симъ берегамъ;
Предо мной потокъ ужасной
Грозно мчится по скаламъ.

Лодку вижу . . . гдѣ жь вожатый?
Ѣдемъ! . . . будь, что суждено . . .
Паруса ея крылаты
И весло оживлено.
Вѣрь тому, что сердце скажетъ;
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ;
Намъ лишь чудо путь укажетъ
Въ сей прелестный край чудесъ.

В. Жуковскій.

СТРЕМЛЕНІЕ.

Грустно жить въ долинь скрытой,
Подъ туманною скалой;
Но дороги не прорыто
Изъ обители пустой.
Тамъ холмы заповѣдныя
И не вянуть ихъ красы . . .
Были бъ крылья золотыя —
Полетѣлъ бы на холмы.

Звуки дивныя слетають,
Мира горняго полны:
Вѣтры легкіе свѣвають
Райскій воздухъ съ вышины.
Тамъ плоды златыя спѣють,
Подъ завѣсою густой;
Тамъ цвѣты на радость зрѣють,
Не пожатыя грозой.

Солнце грѣетъ веселѣе
Въ вѣчно - пламенныхъ лучахъ:
Воздухъ чище и свѣтлѣе
На чудесныхъ высотахъ.
Но потокъ сердитый воетъ
Неумолчною волной:
Взоръ дороги не откроетъ
Надъ шумящей глубиной.

Вдругъ забилося вѣтрило,
Челнъ плыветъ, но безъ гребца . . .
Съ Богомъ въ путь! нога ступила —
И подуло въ паруса.
Вѣруй въ промыселъ небесный:
Онъ залога не даетъ . . .
Въ край прекрасный, въ край чудесный
Только чудо донесетъ.

Э. Губеръ.

Х.

1.

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПѢСНЬ ИНДІЙЦЕВЪ.

Вотъ сидитъ онъ на рогожѣ;
Какъ смотрѣлъ на свѣтъ,
Тотъ же видъ, величье тоже,
Но ужъ жизни нѣтъ.

Гдѣ жъ избытокъ прежней мочи?
Гдѣ тотъ сердца пылъ,
Какъ, бывало, духу ночи
Трубку онъ курилъ?

Сердце въ немъ разорвалось,
Свѣтлый взоръ угасъ —
Взоръ, которымъ слѣдъ онъ лося
Узнавалъ не разъ.

Гдѣ проворство ногъ, которымъ
На горахъ, въ снѣгу,
Съ горной ланью, съ лосемъ скорымъ
Споришь на бѣгу?

Гдѣ могучесть рукъ, о Боже!
Гнувшихъ лукъ тугой?
Вотъ сидитъ онъ на рогожѣ,
Блѣдный и нѣмой!

Счаствливъ воинъ знаменитый!
Ты идешь въ края,
Гдѣ нѣтъ снѣга, гдѣ покрыты
Маисомъ поля;

Гдѣ полны дубравы дичью,
Гдѣ хоръ птицъ поѣтъ,
Гдѣ кипитъ твоей добычью —
Рыбой лоно водъ.

Тамъ пируй, съ духами равный!
— Мы же здѣсь въ слезахъ,
Вспоминая подвигъ славный,
Погребемъ твой прахъ.

Такъ начнемъ же погребальный
Хоръ среди могилъ;
Принесемте въ даръ прощальный
Все, что онъ любилъ:

Лукъ положимъ къ изголовью,
А топоръ на грудь,
Въ ноги мѣхъ съ медвѣжьей кровью
Другу въ дальній путь.

Ножъ отточимъ, что-бъ безъ страха,
Свергнувъ вражій трущъ,
Съ головы его въ три взмаха
Могъ онъ срѣзать чубъ.

Краски огненнаго цвѣта
Бросимъ на ладонь,
Что-бъ предсталъ онъ въ безднѣ свѣта
Красный, какъ огонь.

Д. Минъ.

2.

НАДОВЕССКІЙ ПОХОРОННЫЙ ПЛАЧЪ.

Посмотрите! вотъ — посаженъ
На плетеный одръ, —
Какъ живой, сидитъ онъ, важенъ,
Величавъ и бодръ.

Но ужъ тѣло недвижимо,
Бездыханна грудь:
Въ трубкѣ жертвеннаго дыма
Ей ужъ не раздуть.

Очи, гдѣ вашъ взоръ орлиный?
Не вглядитесь вы
По долинь въ слѣдъ звѣриный
На росѣ травы.

Ты не встанешь, легконогій,
Не направишь бѣгъ,
Какъ олень вѣтвисторогій,
Черезъ горный снѣгъ.

Не согнешь, какъ прежде, смѣло
Свой упругій лукъ . . .
Посмотрите! отлетѣла
Жизнь изъ сильныхъ рукъ.

Миръ душъ его свободной —
Тамъ, гдѣ нѣтъ снѣговъ,
Тамъ, гдѣ маисъ самородный
Зрѣетъ средь луговъ;

Гдѣ въ кустахъ щебечуть птицы,
Полонъ дичи боръ,
Гдѣ гуляютъ вереницы
Рыбъ по дну озёръ.

Уходя на пиръ съ духами,
Насъ оставилъ онъ,
Что-бы здѣсь, воспѣтый нами,
Былъ похороненъ.

Трупъ надъ вырытой могилой
Плачемъ огласимъ;
Все, что было другу мило,
Мы положимъ съ нимъ:

Въ головахъ облитый свѣжей
Кровью томагòкъ;
Сбоку окорокъ медвѣжій, —
Ибо путь далёкъ.

Съ нимъ и ножъ — надъ вражымъ трупомъ
Онъ не разъ сверкалъ,
Какъ, бывало, кожу съ чубомъ
Съ черепа сдиралъ.

Алой краски въ руки вложимъ,
Что-бъ, натершись ей,
Онъ явился краснокожимъ
И въ страну тѣней.

М. Михайловъ.

XI.

1.

ГОРНАЯ ДОРОГА.

Надъ страшною бездною дорога бѣжить,
Межъ жизнью и смертію мчится;
Толпа великановъ ее сторожить;
Погибель надъ нею гнѣздится.
Страшисъ пробужденья лавины ужасной:
Въ молчаньѣ пройди по дорогѣ опасной.

Тамъ мостъ черезъ бездну отважной дугой
Съ скалы на скалу перегнулся;
Не смертною былъ онъ поставленъ рукой —
Кто смертный къ нему бы коснулся?
Потокъ подъ него разъяренный бѣжить;
Сразить его рвется и ввѣкъ не сразить.

Тамъ, грозно раздавшись, стоятъ ворота;
Мнишь: область тѣней предъ тобою;
Пройди ихъ — долина, долинъ красота;
Тамъ осень играетъ съ весною.
Пріютъ сокровенный! желанный предѣлъ!
Туда бы отъ жизни ушелъ, улетѣлъ.

Четыре потока оттуда шумятъ —
Не зрѣли ихъ выхода очи.
Стремятся они на востокъ, на закатъ;

Стремятся къ полудню, къ полночи;
Рождаются вмѣстѣ; родясь, расстаются;
Бѣгутъ безъ возврата и ввѣкъ не сольются.

Тамъ въ блескѣ небесъ два утеса стоятъ,
Превыше всего, что земное,
Кругомъ облака золотыя кипятъ,
Эaira семейство младое;
Ведутъ хороводы въ странѣ голубой;
Тамъ не былъ, не будетъ свидѣтель земной.

Царица сидитъ высоко и свѣтло
На вѣчно - незыблемомъ тронѣ;
Чудесной красой обвиваетъ чело,
И блещетъ въ алмазной коронѣ;
Напрасно тамъ солнцу сіять и горѣть:
Ее золотить, но не можетъ согрѣть.

В. Жуковскій.

2.

ГОРНЫЙ ПУТЬ.

Надъ пропастью путь недоступный лежитъ,
Межъ жизнью и смертью мелькая;
Толпа исполиновъ тотъ путь сторожить,
Погибель тебѣ предвѣщая.
Страшись пробужденья заснувшей лавины,
И молча пройди средь ужасной тѣснины.

Тамъ мостъ, переброшенный смѣлой дугой,
Надъ бездною страшной согнулся;
Но онъ былъ воздвигнутъ не смертной рукой —
Къ нему бы никто не коснулся.
Ревущій потокъ, протекая подъ нимъ,
Увлечъ его хочетъ стремленьемъ своимъ.

Врата растворились, и царство тѣней
Является вдругъ предъ тобою;
А дальше свѣтлѣетъ долина, и въ ней
Смѣняется осень весною.
О, еслибъ въ томъ краѣ укрыться я могъ
Отъ жизни волненій, отъ вѣчныхъ тревогъ!

Четыре потока, свергаясь, шумятъ —
Никто не дошелъ къ ихъ истоку;
Они во всѣ страны текутъ — на закатъ,
На сѣверъ, на югъ и къ востоку.
Родившись въ журчаньѣ, всѣ вмѣстѣ несутся,
Все дальше бѣгутъ, и на вѣкъ разстаются.

Вдали два утеса стоятъ; высока
Ихъ область надъ всѣми земными,
И носятся дѣти небесъ — облака,
Въ парахъ золотистыхъ, надъ ними.
Играютъ они въ поднебесьѣ толпой;
Ихъ игръ не увидитъ свидѣтель земной.

Царица сидитъ въ высотѣ голубой,
На свѣтломъ незыблемомъ тронѣ;
Чело молодое, дыша красотой,
Блится въ алмазной коронѣ;
Надъ нею льетъ солнце сіянье свое,
Но только сіяетъ, не грѣя ее.

В. Гаевскій.

XII.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Дней моихъ еще весною
Отчій домъ покинулъ я;
Все забыто было мною —
И семейство и друзья.

Въ ризѣ странника убогой,
Съ дѣтской въ сердцѣ простотой,
Я пошелъ путемъ - дорогой —
Вѣра былъ вожатый мой.

И въ надеждѣ, въ увѣренъ
Путь казался не далѣкъ.

«Странникъ — слышалось — терпѣнье!

«Прямо, прямо на востокъ.

«Ты увидишь храмъ чудесной;

«Ты въ святилище войдешь;

«Тамъ въ нетлѣнности небесной

«Все земное обрѣтешь.»

Утро вечеромъ смѣнялось;
Вечерь утру уступалъ:
Неизвѣстное скрывалось;
Я искалъ — не обрѣталъ.

Тамъ встрѣчались мнѣ пучины;
Здѣсь высокихъ горъ хребты;
Я взбирался на стремнины;
Черезъ потоки стлалъ мосты.

Вдругъ рѣка передо мною —
Водъ склоненье на востокъ;
Вижу зыблемый струёю
Подлѣ берега челнокъ.

Я въ надеждѣ, я въ смятенѣ;
Предаю себя волнамъ;
Счастье вижу въ отдаленѣ;
Все что мило — мнится — тамъ!

Ахъ! въ безвѣстномъ океанѣ
Очутился мой челнокъ;
Даль по-прежнему въ туманѣ;
Брегъ невидимъ и далёкъ.

И во вѣки надо мною
Не сольется, какъ поднесъ,
Небо свѣтлое съ землею...
Тамъ не будетъ вѣчно здѣсь.

В. Жуковский.

XIII.

ВЕСНѢ.

Привѣтъ, прелестный отрокъ,
Отрада бытія!
Съ цвѣтчною корзиной,
Къ тебѣ взываю я!

Ты снова между нами,
Прекрасенъ и любимъ;
И вновь тебѣ на встрѣчу
Мы радостно спѣшимъ.

Склони къ моей подругѣ
Мечты свои и взоръ:
Она меня любила,
И любить до сихъ поръ.

Ты далъ ужъ ей однажды
Фіялокъ полевыхъ,
Теперь прошу я снова —
И ты даешь мнѣ ихъ.

Привѣтъ, прелестный отрокъ,
Отрада бытія!
Съ цвѣтчною корзиной,
Къ тебѣ взываю я!

Н. Гербель.

XIV.

КЪ ЦВѢТАМЪ.

Дѣти солнечнаго восхода,
Пестрыхъ нажитей цвѣты,
Васъ взлелѣяла природа
Въ честь любви и красоты.
Ваши яркіе уборы,
Подъ перстомъ прозрачнымъ Флоры,
Такъ нарядно - хороши;
Но, любимцы нѣги вешней,
Плачьте: прелесть жизни внѣшней
Не вдохнула въ васъ души.

Вслѣдъ за жаворонкомъ, нѣжно
Соловьи о васъ грустятъ;
На листахъ у васъ небрежно,
Колыхаясь, сѣльфы спятъ;
Ваши пышныя короны
Превратила дочь Діоны
Въ брачный пологъ мотыльковъ.
Плачьте, плачьте, дѣти свѣта!
Въ васъ тоска понятна эта —
Вамъ невѣдома любовь.

Но томленіе разлуки
Выношу я не скорбя;
Другъ мой Нанни! эти руки

Вьютъ подарокъ для тебя.
Жизнь и душу, страсть и рѣчи —
Сердца нѣжныя предтечи,
Вамъ теперь передаю,
И сильнѣйшій межъ богами
Здѣсь подъ скромными листьями
Скрылъ божественность свою.

А. Фетъ.

XV.

ПѢСНЬ РЫБАКА.

Съ озера вѣтъ прохлада и нѣга —
Отрокъ заснулъ, убаюканъ у берега.

Блаженные звуки

Онъ слышитъ во снѣ:

То ангеловъ лики

Поютъ въ вышинѣ.

И весь онъ очнулся отъ райскаго сна,
Его, обнимая, ласкаетъ волна;

И слышитъ онъ голосъ,

Какъ ропотъ струи:

« Приди, мой красавецъ,

Въ объятья мои! »

Ф. Тютчевъ.

Э Л Е Г И И.

ЖАЛОВА ИЕРЕРЫ.

Снова гряди тыя вьста:
Возвратилася твоя
Хочу въ сонмихъ вознестись:
Душъ разрушитъ лавина:
Разрушилось мнѣ
Наше мѣсто дѣла,
И безоблачныя тучи
Въ нѣмъ зрѣлища дѣла:
Все мнѣсть — дѣла, нѣмъ дѣла
Не мнѣсть мнѣ дѣла:
Прозрѣли, Прозрѣли
На землѣ нѣмъ дѣла.

1.

1.

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

Снова геній жизни вѣтъ;
Возвратилася весна;
Холмъ на солнцѣ зеленѣтъ;
Ледъ разрушила волна;
Распустившійся дымится
Благовоніями лѣсъ,
И безоблаченъ глядится
Въ воды зеркальны Зевесъ;
Всѣ цвѣтеть — лишь мой единый
Не взойдетъ прекрасный цвѣтъ:
Прозерпины, Прозерпины
На землѣ моей ужъ нѣтъ.

Я вездѣ ея искала,
Въ дневномъ свѣтѣ и въ ночи;
Всѣ за ней я посылала
Аполлоновы лучи;
Но ея подъ сводомъ неба
Не нашелъ всезрящій богъ;
А подземной тмы Эреба
Лучъ его пронзить не могъ:
Тѣ берега недостижимы,
И богамъ ихъ страшенъ видъ...
Тамъ она! неумолимый
Ею властвуетъ Аидъ.

Кто жъ мое во мракъ Плутона
Слово къ ней перенесетъ?
Вѣчно ходитъ челнъ Харона,
Но лишь тѣни онъ беретъ.
Жизнь подземнаго страшится;
Недоступенъ адъ и тихъ;
И съ тѣхъ поръ, какъ онъ стремится,
Стиксъ не видывалъ живыхъ;
Тма дорогъ туда низводитъ;
Ни одной оттуда нѣтъ;
И отшедшій не приходитъ
Никогда опять на свѣтъ.
Сколь завидна мнѣ, печальной,
Участь смертныхъ матерей!
Легкій пламень погребальной

Возвращаетъ имъ дѣтей;
А для насъ, боговъ нетлѣнныхъ,
Что усладою утратъ?
Насъ, безрадостно-блаженныхъ,
Парки строгія щадятъ...
Парки, Парки, поспѣшите
Съ неба въ адъ меня послать!
Правъ богини не щадите:
Вы обрадуете мать!

Въ тотъ предѣлъ—гдѣ, утѣшенью
И веселію чужда,
Дочь живетъ—свободной тѣнью
Полетѣла бъ я тогда;
Близъ супруга, на престолѣ
Мнѣ предстала бы она,
Грустной думою о волѣ
И о матери полна;
И ко мнѣ бы взоръ склонился,
И меня узналъ бы онъ,
И надъ нами бъ прослезился
Самъ безжалостный Плутонъ.

Тщетный призракъ! стонъ напрасный!
Всѣ однимъ путемъ небесъ
Ходить Геліосъ прекрасный;
Всѣ на вѣкъ рѣшилъ Зевесъ;
Жизнью горнею доволенъ,
Ненавидя адску ночь,

Онъ и самъ отдать не воленъ
Мнѣ утраченную дочь.
Тамъ ей быть, доколь Аида
Не освѣтитъ Аполлонъ,
Или радугой Ирида
Не сойдетъ на Ахеронъ!

Нѣтъ ли жъ мнѣ чего отъ милой,
Въ сладкопамятный завѣтъ:
Что осталось все, какъ было,
Что для насъ разлуки нѣтъ?
Нѣтъ ли тайныхъ узъ, что-бъ ими
Снова сблизить мать и дочь,
Мертвыхъ съ милыми живыми,
Съ свѣтлымъ днемъ подземну ночь?..
Такъ, не всѣ слѣды пропали!
Къ ней дойдетъ мой нѣжный кликъ:
Намъ святыя боги дали
Усладительный языкъ.

Въ тѣ часы, какъ хладъ Борея
Губить нѣжныхъ чадъ весны,
Листья падаютъ, желтѣя,
И лѣса обнажены:
Изъ руки Вертумна щедрой
Сѣмя жизни взять спѣшу,
И, его въ земное нѣдро
Бросивъ, Стиксу приношу;
Сердцу дочери ввѣряю

Тайный даръ моей руки,
И, скорбя, въ немъ посылаю
Вѣсть любви, залогъ тоски.

Но когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна:
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена,
И умершіе для взора,
Внявъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ:
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тмы ночной;
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень Стиксовой струей.

Ими таинственно слита
Область тмы съ страной дня,
И приходятъ отъ Коцита
Съ ними вѣсти для меня;
И ко мнѣ въ живомъ дыханьѣ
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается признанье,
Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку улаживаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ:
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцить.

О! привѣтствую васъ, чада
Расцвѣтающихъ полей;
Вы тоски моей услада,
Образъ дочери моей;
Васъ налью благоуханьемъ,
Напою живой росой,
И съ Авроринымъ сіяньемъ
Поравняю красотой;
Пусть весной природы младость,
Пусть осенній мракъ полей
И мою вѣщаютъ радость,
И печаль души моей.

В. Жуковский.

2.

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

Не весна ль молодая въ полѣ?
Не юнѣетъ ли земля?
Треснулъ ледъ, — волна по волѣ
Шумно плещетъ на поля.
Въ голубомъ зеркалѣ водномъ
Улыбается Зевесъ;
Въ царствѣ воздуха свободномъ
Зеленѣетъ юный лѣсъ.
Въ рощахъ пѣсни пробудились;
Ореаду слышу я:
« Всѣ цвѣты твои явились;
« Гдѣ же медлитъ дочь твоя? »

Долго, долго я блуждала,
Тщетно спрашивала свѣтъ,
Всѣ лучи твои послала,
Фебъ, за дочерью во слѣдъ.
Съ сладкой вѣстью не приходитъ
Ни одинъ ко мнѣ посолъ;
День, который все находитъ,
Милой дщери не нашелъ.
Гдѣ она, моя отрада?
Или, прелестью плѣнёнъ,
Черезъ волны, въ бездны ада,
Самъ увлекъ ее Плутонъ?
Кто жь расскажетъ у Плутона
Всю печаль души моей?
О, зачѣмъ ладья Харона
Носитъ въ адъ однѣхъ тѣней?
Взору вѣчному закрыты
Таинства полей ночныхъ,
И не носитъ Стиксъ сердитый
Ни безсмертныхъ, ни живыхъ.
Всѣ идутъ къ нѣмому аду;
Но оттуда нѣтъ вѣстей,
И никто душѣ въ отраду
Не промолвитъ мнѣ объ ней.
О, зачѣмъ я не съ земными
Матерями родилась!
Тратятъ милыхъ, но за ними

Улетятъ онѣ въ свой часъ.
Лишь небесныхъ отвергаетъ
Ада мрачная рѣка;
Только къ нимъ пощаду знаетъ
Парки строгая рука.
Рай — мнѣ темная пустыня;
Дайте адъ мнѣ увидать:
Я — не вѣчная богиня,
Я — страдающая мать.

Гдѣ она съ своимъ супругомъ,
Я туда бы къ ней сошла;
Вмѣстѣ съ легкимъ тѣней кругомъ
Къ трону бѣ дочери пришла.
Вижу: взоръ уныло - слезный
Ищетъ солнца и не зреть;
Смотрить вдаль — гдѣ своды звѣздны?
И на мать не поглядить . . .
Вотъ взглянула . . . мигомъ съ трона
Мнѣ на грудь . . . мы обнялись,
И у грознаго Плутона
Градомъ слезы полились.

Тщетны вздохи! все напрасно!
Равнодушно править Фебъ
Колесницей безопасной:
Вѣчно твердъ законъ судебъ.
Дій спокойно взоръ блаженной
Отвращаетъ отъ тѣней!

Мнѣ дотоль не зрѣть безцѣнной,
Не лобзать ея очей,
Какъ Аврора своды темны
Стикса чернаго зажжетъ,
И Ириса сводъ подземный
Свѣтомъ радугъ оболъетъ.

Развѣ ничего отъ милой
Не осталось мнѣ въ залогъ,
Что и тамъ въ дали унылой
Для любви есть уголокъ?
Между матерью и чадомъ
Развѣ нѣтъ безсмертныхъ узъ?
Развѣ непощаднымъ адомъ
Разорванъ любви союзъ?
Нѣтъ! казня меня утратой,
Не всего лишилъ тиранъ:
Намъ языкъ души богатый
Отъ небесъ въ отраду данъ.

Какъ отъ хладовъ зимнихъ вяли
Дѣти зрѣлыя весны
И лѣса убранство сняли,
Вихремъ бурь обнажены; —
Въ свѣтлый день, въ благое время
У Вертумна я взяла
Жатвы золотое сѣмя,
Стиксу въ жертву обрекла,
Сердцу дочери ввѣряла

Дань печальную мою,
Что бы ей она сказала,
Какъ я плачу и люблю!

Въ слѣдъ за Горами явилась
И весна на пиръ полей:
Что погибло, вновь родилось
Отъ живительныхъ лучей.
Сѣмена отъ ихъ привѣта
Покидаютъ свой пріютъ,
Въ царство радужное свѣта
Изъ могилъ земли растутъ.
Гордый стебель прямо къ небу,
Корень ищетъ мглы ночной;
Жизни даръ — забота Фебу,
Стиксу — пища и покой.

Не они ль соединяютъ
Царство мертвыхъ и живыхъ,
Намъ о милыхъ возвѣщаютъ,
Преселенцы странъ ночныхъ?
Пусть въ сомкнутыхъ безднахъ ада
Парки дочь мою хранятъ:
Мнѣ весны младая чада
О далекой говорятъ,
Что и тамъ отъ Божья свѣта
И отъ матери вдали,
Грудь ея огнемъ согрѣта
Вѣрной къ матери любви.

Расцвѣтайте жь, веселитесь
Дѣти нивы молодой,
Упивайтесь, оживитесь
Неба чистою росой.
Ваши сладостныя чаши
Въ волны солнца погружу;
Нѣжные листочки ваши
Свѣтомъ радугъ распишу.
Расцвѣтетъ ли ваша младость
Иль осыплются листы,
Про печаль мою, про радость
Вы расскажете, цвѣты.

С. Шевыревъ.

3.

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

Вотъ опять весною вѣетъ!
Обновился видъ земной!
Холмъ подъ солнцемъ зеленѣетъ,
Льды разрушены волной;
Въ лонѣ водъ съ высотъ эира
Улыбается Зевесъ;
Крылья нѣжнаго Зефира
Чуть колеблуть юный лѣсъ;
Въ рощахъ хоры пробудились;
Ореада мнѣ поетъ:
«Всѣ цвѣты къ намъ возвратились
«Дочь твоя ужь не придетъ!»

Ахъ! я долго дочь искала,
Обѣжала много странъ;
Вслѣдъ за нею посылала
Всѣ лучи твои, Титанъ!
День приходитъ, день уходитъ —
Нѣтъ ни слѣда милыхъ ногъ!
Онъ, который все находитъ,
Лишь ея найти не могъ!
Ужъ не ты ль, властитель неба,
Скрылъ ее, плѣняясь красой?
Иль въ подземный мракъ Эреба
Взялъ Плутонъ ее съ собой?

Кто же къ ней мой стонъ призывный
Отнесетъ за Ахеронъ?

Челнъ отходить непрерывно;
Но лишь тѣни носить онъ.

Міръ подземный, мрака полный,
Вѣкъ сокрытъ очамъ земныхъ;
Стиксъ, пока струить онъ волны,
Не носилъ еще живыхъ.

Много есть туда тропинокъ;
Но оттуда — ни одной...
Тамъ и токъ ея слезинокъ
Скрытъ для матери родной!

Жены, Пирры поколѣнье!
Вамъ отраденъ смерти часъ:
Огнь священный погребенья

Возвращаетъ къ дѣтямъ васъ.
Лишь для насъ, боговъ блаженныхъ,
Недоступна та рѣка;
Не коснется насъ, нетлѣнныхъ,
Паркъ суровая рука.
Парки! бросьте отъ святыни
Горнихъ странъ меня въ Аидъ!
Не щадите правъ богини:
Мать ихъ бремя тяготить!

Я тогда бы легкой тѣнью
Полетѣла въ тѣ края,
Гдѣ одна, безъ утѣшенья,
Съ мрачнымъ мужемъ, дочь моя,
Истомленная тоскою,
Тщетно ищетъ свѣта дня,
Ищетъ мать — и предъ собою
Вдругъ увидѣла бъ меня!
Снова ласки и лобзанья,
И свиданія восторгъ . . .
О, тогда бъ отъ состраданья
Прослезился самый Оркъ!

Тщетный зовъ! мечта пустая!
Все летитъ путемъ своимъ
Колесница дня золотая;
Зевса судъ не отразимъ!
Онъ, счастливый, отвращаетъ
Взоръ отъ мрака къ небесамъ.

Что однажды похищаетъ
Ночь, то вѣкъ пребудетъ тамъ...
Развѣ только Стикса воды
Лучъ Авроры озарить,
Иль Ирида Орка своды
Яркой радугой пронзить.

Не остался ль мнѣ примѣтный,
Сладкопамятный залогъ,
Что любви цвѣтокъ завѣтный
И въ разлукѣ не поблѣкъ?
Нѣтъ ли сладостныхъ сношеній
Между дочерью и мной?
Нѣтъ ли тайныхъ утѣшеній
У отшедшей и живой?
Нѣтъ! не все для насъ пропало,
Хоть и скрытъ ея мнѣ ликъ:
Небо вѣчное послало
Намъ таинственный языкъ.

Лишь умрутъ питомцы мая,
Лишь Борей, дыханьемъ устъ
И листы и цвѣтъ срывая,
Обнажить печальный кустъ, —
Дастъ мнѣ сѣмя жизни новой
Рогъ Вертумна золотой,
Я же сѣмя это снова
Стиксу жертвою святой
Опущу въ земное лоно,

Къ сердцу дочери моей:
Это въ область Ахерона
Мой сердечный голосъ къ ней.

Но лишь только съ пляской Оры
Вновь весну къ намъ возвратятъ:
Солнца пламенные взоры
Снова мертвыхъ оживятъ.
Сѣмя, скрытое могилой,
Недоступно для очей,
Выйдетъ бодро, съ новой силой,
Въ царство свѣта и лучей.
Корень ищетъ тмы Эреба,
Стебель рвется къ небесамъ:
Имъ отъ Стикса и отъ Феба
Данъ заботы пополамъ.

Вполовину за могилой,
Вполовину межъ живыхъ, —
Ахъ! то вѣстники отъ милой...
Мнѣ отраденъ голосъ ихъ!
Пусть родную Орка своды
Скрыли въ страшной глубинѣ, —
Слышу въ первенцахъ природы
Нѣжный зовъ ея ко мнѣ.
Онъ мнѣ радостно вѣщаетъ,
Что и тамъ, въ странѣ тѣней,
Все любовію пылаетъ
Сердце дочери моей.

Васъ привѣтствую душою,
Чада юныя луговъ!
Да кропитъ на васъ росою
Нектаръ сладостный боговъ!
Краски радости пролью я
Вамъ на нѣжные листы,
И съ Авророй ихъ сравню я
Въ полномъ цвѣтѣ красоты.
Пусть вѣщаетъ блескъ весенній
Всѣмъ восторгъ сердечный мой,
Пусть печальный мракъ осенній
Всѣхъ роднитъ съ моей тоской!

Ф. Миллеръ.

II.

ТАЙНА ВОСПОМИНАНІЯ.

Вѣчно льнуть къ устамъ съ безумной страстью —
Кто не насыщаемому счастью,
Этой жаждѣ пить твое дыханье,
Слить съ твоимъ свое существованье,
Дастъ истолкованье?

Не стремятся ль, какъ рабы, охотно,
Отдаваясь власти безотчетно,
Силы духа быстрой чередою
Черезъ жизни мостъ, что бы съ тобою
Жизнью жить одною?

О, скажи: владыку оставляя,
Не въ твоёмъ ли взглядѣ память рая
Обрѣли разрозненные братья,
И, свободны вновь отъ узъ проклятья,
Въ немъ слились въ объятя!

Или мы когда то единились —
Иль за тѣмъ сердца въ насъ страстью бились?
Не въ лучѣ ль погасшихъ звѣздъ съ тобою
Были мы единою душою,
Жизнью одною?

Да, мы были; — внутренно была ты,
Въ тѣхъ зонахъ, имъ же нѣтъ возврата,
Связана со мною . . . Такъ въ скрижали
Мнѣ прочесть въ той довременной дали
Вдохновенья дали.

Нектора источники предъ нами
Разливались свѣтлыми волнами —
Смѣло мы печати разрѣшали,
Въ свѣтозарной правды вѣчной дали
Гордо возлетали.

Отъ того то вся преданность счастью —
Вѣчно льнуть къ устамъ съ безумной страстью,
Эта жажда пить твое дыханье,
Слить съ твоимъ свое существованье
Въ вѣчное лобзанье.

Отъ того то, какъ рабы, охотно,
Предаваясь власти безотчетно,
Силы духа быстрой чередою
Черезъ жизни мостъ бѣгутъ съ тобою
Жизнью жить одною.

Отъ того, владыку оставляя,
У тебя во взглядѣ память рая
Обрѣли — и, тяжкій гнетъ проклятья
Позабывъ, сливаются въ объятья
Вновь они, какъ братья.

Ты сама . . . пускай глаза сокрыты,
Но горять зарей твои ланиты —
Мы родные — изъ страны изгнанья
Въ край родной летимъ мы въ мигъ сліянья
Въ пламени лобзанья.

А. Григорьевъ.

III.

Н Е Н І Я.

Смерть суждена и прекрасному, — богу людей и без-
смертныхъ!

Зевса стигійскаго грудь, мѣди подобно, тверда.
Разъ лишь достигла любовь до властителя сумрачныхъ
тѣней,

Но при порогѣ еще строго онъ отнялъ свой даръ.

Не усладить Афродитѣ прекраснаго юноши рану:
Вепрь безпощадно красу тѣла его разтерзалъ.
И бессмертная мать не спасла великаго сына:
Паль онъ у скейскихъ воротъ волей державныхъ
судебъ...

Но она вышла изъ моря въ сонмѣ дочерей Нерей:
Въ жалобахъ ожилъ опять славный дѣлами герой.
Видишь: боги рыдаютъ и плачутъ богини Олимпа,
Что совершенному — смерть, смерть красотѣ суж-
дена.

Даже и пѣсню печали славно въ устахъ быть люби-
мыхъ:
Только ничтожное въ Оркѣ сходить безъ звуковъ
любви.

М. Михайловъ.

IV.

1.

ТЕКЛА.

ГОЛОСЪ ДУХА.

Гдѣ теперь я, что теперь со мною,
Какъ тебѣ мелькаетъ тѣнь моя?
Я ль не все закончила съ землёю,
Не любила, не жила ли я?

Спросишь ты о соловьяхъ залётныхъ,
Для тебя мелодіи свои
Расточавшихъ въ пѣсняхъ беззаботныхъ? —
Отлюбивъ, исчезли соловьи.

Я нашла ль потерянное снова?
Вѣрь, я съ нимъ соединилась тамъ,
Гдѣ не рознать ничего родного,
Тамъ, гдѣ мѣста нѣтъ уже слезамъ.

Тамъ и ты увидишь наши тѣни,
Если любишь, какъ любила я —
Тамъ отецъ мой чистъ отъ преступлений,
Защищенъ отъ бѣдствій бытія.

Тамъ его не обманула вѣра
Въ роковыя таинства свѣтилъ;
Тамъ всему по силѣ вѣры мѣра —
Тотъ, кто вѣрилъ, къ правдѣ близокъ былъ.

Есть въ пространствахъ оныхъ безконечныхъ
Упованьямъ cadaго отвѣтъ:
Ройся ты въ своихъ сомнѣньяхъ вѣчныхъ —
Смысль глубокій — въ грѣзахъ дѣтскихъ лѣтъ.

А. Григорьевъ.

2.

ТЕКЛА.

ГОЛОСЪ ДУХА.

Знать ты хочешь, что сбылось со мною,
Отъ тебя гдѣ скрылась тѣнь моя?
— Развѣ я не разочлась съ землею,
Не любила, не жила ли я?

Отъ чего съ такимъ одушевленьемъ,
Ты спроси, весною соловьи
Пропоютъ — но пѣсня ихъ — мгновенье! . .
Вся ихъ жизнь — есть время ихъ любви!

Я нашла ль, кого я здѣсь лишилась? —
Не разлучны тамъ мы съ нимъ — повѣрь:
Тамъ все, на вѣкъ что соединилось,
Тамъ ни слёзъ не знаютъ, ни потерь! . .

Тамъ увидѣться ты можешь съ нами,
Коль съ моей сходна твоя любовь:
Тамъ отецъ не связанъ ужь грѣхами,
Не прольютъ его убійцы кровь.

Онъ узналъ, что не мечталъ напрасно,
Взоръ стремя доверчиво къ звѣздамъ:
Какъ здѣсь взвѣсишь — взвѣсятъ тамъ безстрастно:
Съ вѣрою — святое близко къ намъ.

Сдержать слово тамъ, коль погружался
Съ вѣрой ты въ высокое душой.
Вѣрь, мечтай! — Не рѣдко сокрывался
Важный смыслъ подъ дѣтскою игрой.

А. Глинка.

Отъ что съ тѣмъ отънесеньемъ
Ты спроси, вѣрною сознанъ
Прощенья — по праву ли — ищущаго!
Вся изъ жизни — есть время изъ жизни!

Я пришла въ, когда я въперъ начинаю? —
Не разлучишь тѣхъ, кто съ нами — не разлучишь!
Тамъ все, въ этотъ въ единствѣнствѣ
Тамъ въ сѣнѣ не знаетъ, ни потерю!

Тамъ уединенъ ты можешь съ нами
Ноль съ мной сознанъ твой животъ:
Тамъ отъ не снаться уже прѣзрѣнъ,
Не прощенья въ единствѣнствѣ.

Она пришла, что не могла въразно,
Взоръ ея въ доверенно въ заставилъ:
Какъ заперъ въперъ — въперъ тѣхъ безвѣстно:
Ея въперъ — святое, святое въ перъ.

Сдѣлать слово твое, когда поужасъ
Съ върой ты въ высшее дѣломъ.
Въперъ, мертвъ! — Не прѣзрѣнъ
Важный съмыслъ подъ дѣломъ върой.

А. Е. Е. Е.

Застыть ты можешь, когда въперъ
Отъ твоего въперъ въперъ въперъ
Разъ въперъ въперъ въперъ въперъ
Не прѣзрѣнъ, когда въперъ въперъ

ЭЛЕВЗИНСКИЙ ПРАЗДНИКЪ

БАЛЛАДЫ И РАЗСКАЗЫ.

Собрайтесь плести на погостъ дубовый,

И дивомъ благую Переру встрѣтите:

Цорера саружила врандѣбныхъ людей!

Жестокія врандѣбныя счастчя:

И въ долъ востановилъ весь дикъ и нелъ

Шатеръ полнѣхонъ бѣдъ!

Волось, вѣсь и дѣсь, саружила

Трагедію въ врандѣбныхъ счастчя

Не полнѣхонъ востановилъ

И вѣсь опустошилъ

Заброшенъ съ вѣсь, саружила

Грозный бѣдъ въ дѣсь,

Горѣ брандѣбныхъ врандѣбныхъ

Къ врандѣбныхъ врандѣбныхъ

ЕВАНГЕЛІЙ Н ПАСХАЛІЙ.

I.

ЭЛЕВЗИНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

Свивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ;
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ,
И пѣньемъ благуу Цереру встрѣчайте.
Церера сдружила враждебныхъ людей;
Жестокіе нравы смягчила;
И въ домъ постоянный межъ нивъ и полей
Шатеръ подвижной обратила.
Робокъ, нагъ и дикъ, скрывался
Троглодитъ въ пещерахъ скалъ;
По полямъ Номадъ скитался
И поля опустошалъ;
Звѣроловъ съ копьемъ, стрѣлами,
Грозень бѣгалъ по лѣсамъ . . .
Горе брошеннымъ волнами
Къ непріютнымъ берегамъ!

Съ Олимпійскія вершины
Сходитъ мать Церера въ слѣдъ
Похищенной Прозерпины:
Дикъ лежитъ предъ нею свѣтъ.
Ни угла, ни угощенья
Нѣтъ нигдѣ богинѣ тамъ;
И нигдѣ богопочтенья
Не свидѣтельствуеть храмъ.

Плодъ полей и грозды сладки
Не блистаютъ на пирахъ;
Лишь дымятся тѣлѣ остатки
На кровавыхъ алтаряхъ;
И куда печальнымъ окомъ
Тамъ Церера не глядитъ —
Въ униженіи глубокомъ
Человѣка всюду зритъ.

«Ты ль, Зевесовой рукою
Сотворенный человѣкъ?
Для того ль тебя красою
Олимпійскою облекъ
Богъ боговъ и во владѣнье
Міръ земной тебѣ отдалъ,
Что бъ ты въ немъ, какъ въ заточеньѣ
Узникъ брошенный, страдалъ?»

«Иль ни въ комъ между богами
Сожалѣнья къ людямъ нѣтъ,

И могучими руками
Ни одинъ изъ бездны бѣдъ
Ихъ не вырветъ? Знать, къ блаженнымъ
Скорбь земная не дошла?
Знать, одна я огорченнымъ
Сердцемъ горе поняла?

«Что бѣ изъ низости душею
Могъ подняться человѣкъ,
Съ древней матерью землею
Онъ вступи въ союзъ навѣкъ;
Чти законъ временъ спокойной;
Знай теченье лунъ и лѣтъ,
Знай, какъ движется подъ стройной
Ихъ гармоніею свѣтъ.»

И мгновенно разступилась
Тма, лежавшая на ней,
И небесная явилась
Божествомъ предъ дикарей:
Кончивъ бой, они, какъ тигры,
Изъ черепьевъ вражыхъ пьютъ,
И ее на звѣрски игры
И на страшный пиръ зовутъ.

Но богиня, съ содраганьемъ
Отвратясь, рекла: «богамъ
Кровь противна; съ симъ даяньемъ
Вы, какъ звѣри, чужды намъ;

Чистымъ чистое угодно;
Даръ, достойнѣйшій небесъ:
Нивы колось первородной,
Сокъ оливы, плодъ древесъ.

Тутъ богиня исторгаетъ
Тяжкій дротикъ у стрѣлка;
Остріемъ его пронзаетъ
Грудь земли ея рука;
И беретъ она живое
Изъ вѣнца главы зерно,
И въ пронзенное земное
Лоно брошено оно.

И выводитъ молодые
Класы тучная земля;
И повсюду, какъ златыя
Волны, зыблются поля:
Ихъ она благословляетъ,
И, колосья въ снопы сложивъ,
На смиренный возлагаетъ
Камень жертву первыхъ нивъ.

И гласить: «прими даянье,
Царь Зевесъ, и съ высоты
Намъ подай знаменованье,
Что доволенъ жертвой ты.
Вѣчный богъ, сними завѣсу
Съ нихъ, незнающихъ тебя:

Да поклонятся Зевесу,
Сердцемъ правду возлюбя.

Чистой жертвы не отринуть
На олимпѣ Царь-Зевесъ;
Онъ во знаменіе кинулъ
Громъ излучистый съ небесъ:
Вмигъ алтарь воспламенился;
Къ небу жертвы дымъ взлетѣлъ,
И надъ ней горѣ явился
Зевсовъ пламенный орелъ.

И чудо проникло въ сердца дикарей;
Упали во прахъ передъ дивной Церерой;
Исторгнулись слезы изъ грубыхъ очей,
И сладкой сердца растворилися вѣрой.
Оружіе кинувъ, тѣснятся толпой
И ей воздаютъ поклоненье;
И, съ видомъ смиреннымъ, покорной душой
Приемлютъ ея поученье.

Съ высоты небесъ нисходитъ
Олимпійцевъ свѣтлый сонмъ;
И Фемида ихъ предводитъ,
И своимъ она жезломъ
Ставить грани юныхъ, жатвой
Озлатившихся полей,
И скрѣпляетъ первой клятвой
Узы первыя людей.

И приходитъ благъ податель,
Другъ пировъ, веселый Комъ;
Богъ, ремесль изобрѣтатель,
Онъ людей дружить съ огнёмъ;
Учить ихъ владѣть клещами;
Движетъ мѣхомъ, млатомъ бьетъ,
И искусными трудами
Первый плугъ имъ создаетъ.

И во слѣдъ ему Паллада
Копьеносная идетъ,
И боговъ къ строенью града
Крѣпкостѣннаго зоветъ:
Что бѣ пріютно - безопасный
Кровъ толпамъ бродящимъ дать,
И въ одинъ союзъ согласный
Міръ разсѣянный собрать.

И Богиня утверждаетъ
Града новаго чертежъ;
Ей покорный, означаетъ
Терминъ камнями рубежъ;
Цѣпью смѣрена равнина;
Холмъ глубокимъ рвомъ обвить;
И могучая плотина
Гранью бурныхъ водъ стоитъ.
Мчатся Нимфы, Ореады,
(За Діаной по лѣсамъ,

Чрезъ потоки, водопады,
По долинамъ, по холмамъ,
Съ звонкимъ скачущія лукомъ);
Блещетъ въ ихъ рукахъ топоръ,
И обрушился со стукомъ
Побѣжденный ими боръ.

И, Палладою призванный,
Изъ зеленыхъ водъ встаётъ
Богъ, осокою вѣнчанный
И тяжелый строить плотъ;
И, сіяя, низлетаютъ
Оры легкія съ небесъ,
И въ колонну округляютъ
Суковатый стволъ древесъ.

И во грудь горы вонзаетъ
Свой трезубецъ Поссидонъ;
Слой гранитный отторгаетъ
Отъ ребра земнаго онъ;
И въ рукъ своей громаду,
Какъ песчинку, онъ несетъ;
И огромную ограду
Во мгновенье создаетъ.

И вливаетъ въ струны пѣнье
Свѣтлоглавый Аполлонъ:
Пробуждаетъ вдохновенье
Ихъ согласно - мѣрный звонъ;

И веселыя Камены
Сладкимъ хоромъ съ нимъ поють,
И красивыхъ зданій стѣны
Подъ напѣвъ ихъ возстаютъ.

И творить рука Цибелы
Створы вратъ городовыхъ:

Держать петли ихъ дебелы,
Утвержденъ замокъ на нихъ,
И чудесное творенье
Довершаетъ въ честь богамъ
Совокупное строенье
Всѣхъ боговъ, великій храмъ.

И Юнона, съ окомъ яснымъ
Низлетѣвъ отъ высоты,
Сводитъ съ юношей прекраснымъ
Въ храмъ дѣву красоты;
И Киприда обвиваетъ
Ихъ гирляндю цвѣтовъ,
И съ небесъ благословляетъ
Первый бракъ отецъ боговъ.

И съ торжественной игрою
Сладкихъ лиръ, поющихъ въ ладъ,
Вводятъ бога за собою
Новыхъ гражданъ въ новый градъ;
Въ храмъ Зевсовомъ царица
Мать Церера тамъ стоитъ,

Жжетъ куренія, какъ жрица,
И пришельцамъ говоритъ:

« Въ лѣсѣ ищетъ звѣрь свободы,
« Правитъ всѣмъ свободно богъ:
« Ихъ законъ — законъ природы.
« Человѣкъ, пріавъ въ залогъ
« Зоркій умъ — звѣно межъ ними —
« Для гражданства сотворѣнь:
« Здѣсь лишь правами одними
« Можетъ быть свободенъ онъ. »

Свивайте вѣнцы изъ колосьевъ златыхъ;
Ціаны лазурныя въ нихъ заплетайте;
Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ;
И съ пѣньемъ благую Цереру встрѣчайте:
Всю землю богининъ приходъ измѣнилъ;
Признавши ея руководство,
Въ союзъ человѣкъ съ человѣкомъ вступилъ,
И жизни постигъ благородство.

В. Жуковский.

II.

ГЕРО И ЛЕАНДРЪ.

Золотясь подь солнцемъ юга,
Смотрять замки другъ на друга,
И, шумя подь ихъ пятой,
Геллеспонтъ легко и смѣло
Сквозь утесы Дарданела
Катить волны чередой.
Волны прыгаютъ на берегъ,
Стонуть, воютъ и кипятъ,
Рвутъ отъ Азіи Европу,
Но любви не устрашатъ.

Богъ любви — Эроть могучій —
Сердце Гѣро страстью жгучей
И Леандра уязвилъ.
Геро — будто день прекрасный...
А Леандръ, охотникъ страстный,
Лѣсъ и пажити любилъ.
Но вражда отцовъ жестокихъ
Тяготѣла надъ четой,
И любовь ихъ колебалась
Надъ бездонной глубиной.

Тамъ, на башнѣ у обрыва,
Подъ которой горделиво
Геллеспонтъ ревѣлъ и билъ,

Геро друга поджидала, —
Къ Абидосу взоръ склоняла,
Гдѣ любимецъ сердца жилъ.
Нѣтъ моста на дальній берегъ,
Челнъ не мчится средь валовъ;
Но любовь нашла дорогу,
И безъ лодокъ и мостовъ.

Въ лабиринтъ она вступаетъ
И выходитъ; превращаетъ
Тупоумныхъ въ мудрецовъ;
Подъ ярмо звѣрей склоняетъ, —
Въ плугъ алмазный запрягаетъ
Огнедышащихъ воловъ.

— Даже ярость Стикса злого —
Для отважныхъ не страшна:
Мощно любящихъ спасаетъ
И изъ Тартара она.

Даже въ морѣ пламень страсти,
Полный нѣги, полный власти,
Духъ Леандра возбуждалъ.

И едва лишь день кончался,
Онъ отважно устремлялся
Въ бездны волнъ и уплывалъ,
Разсѣкая ихъ руками, —
Къ дорогой ему скалѣ,
Гдѣ мерцалъ привѣтный факель,
И манилъ его во мглѣ.

Позабывъ свой путь опасный,
На груди ея прекрасной
Согрѣвалъ младую кровь,
И вкушалъ душой отраду,
Ту, которую въ награду
Лишь дарить одна любовь,
День пока не пробуждалъ ихъ
Изъ мечтаній неземныхъ,
И не гналъ его въ пучину
Изъ объятій огневыхъ.

Такъ, смѣняясь то и дѣло,
Тридцать солнцевъ пролетѣло
Ихъ любви, въ тиши ночей,
Какъ — предметъ боговъ мечтаній —
Нѣга брачныхъ лобызаній,
Вѣчно юныхъ для людей.
Кто, съ несчастьями сдружившись,
Плодъ небесный не срывалъ
Съ береговъ рѣки Аида,
Тотъ блаженства не вкушалъ.

Такъ прошли, смѣняясь скоро,
Поздній Гесперь и Аврора, —
Быстро шли за днями дни;
Но ни стужи приближенья,
Ни листовъ сухихъ паденья
Не замѣтили они,
И лишь видѣли съ восторгомъ

Уменьшенье круга дней,
Вмѣстѣ радуясь счастью
Продолжительныхъ ночей.

Вотъ вѣсы надъ небесами
Уравняли ночи съ днями,
И печальна и грустна
Видитъ Геро коней Феба,
Подходящихъ къ краю неба,
Ожиданія полна.
Море сгладилося, стихло —
Свѣтлымъ зеркаломъ легло;
Не сгибаетъ вѣтеръ знойный
Водъ упругое стекло.

Беззаботные дельфины,
Средь серебряной равнины,
Пьютъ воду подъ собой,
И безмолвныя дружины
Мирныхъ жителей пучины
Вышли черною толпой
Только рыбы ихъ свиданья
Подмѣчали иногда,
Но Геката ротъ беззвучный
Имъ зажала навсегда.

И любуясь, какъ игриво
Билось море, Геро льстиво
Изливалась въ мольбѣ:

« Свѣтлый богъ! ты не коварень?

« Нѣтъ, тотъ лживъ, не благодарень,

« Кто не ввѣрится тебѣ.

« Только люди вѣроломны, —

« Дышетъ холодомъ ихъ кровь;

« Ты же кротокъ, милосерденъ —

« И зоветъ тебя любовь.

« Безъ тебя, одна съ тоскою,

« За высокою стѣною

« Я бѣ увяла въ тишинѣ;

« Но ты милаго хранило

« И безъ лодокъ приносило

« На зыбяхъ своихъ ко мнѣ.

« Глубока твоя пучина,

« Страшенъ ревъ твоихъ валовъ,

« Но отвага побѣждаетъ,

« Не боится ихъ любовь.

« И тебя, морей властитель,

« Поражалъ Эроть - мучитель:

« Хороша и весела,

« Надъ блистающимъ чертогомъ,

« На волѣ золоторогомъ

« Гелла по морю плыла.

« Быстро вышелъ ты изъ моря,

« Побѣжденный красотой,

« И въ пучину съ плечъ могучихъ

« Ты увлекъ ее съ собой.

« Грозный богъ! и ты богиня!

« Вы, живущіе въ пучинѣ,

« Вы, любовниковъ покровъ! —

« Друга милаго введите

« Въ пристань, или усмирите

« Ярость пѣнистыхъ валовъ!

« Гелла — добрая богиня!

« Снизойди къ моимъ мольбамъ:

« Принеси его сегодня

« Снова къ этимъ берегамъ! »

Туча небо омрачаетъ . . .

Геро факель раздуваетъ ,

Что бъ онъ ярче освѣтилъ

Мракъ таинственной пустыни ;

Что бъ онъ милому въ пучинѣ

Знакомъ дружественнымъ былъ.

Но, шумя и угрожая ,

Море стонетъ и реветъ ;

Въ небѣ звѣзды потухаютъ . . .

Въ морѣ буря настаетъ .

Мракъ нависнулъ и сгустился

Надъ пучиной , и полился

Дождь шумливою рѣкой ;

Въ мракѣ молніи сверкаютъ ;

Изъ ущелій вылетаютъ

Вихри шумною гурьбой :

Роютъ гибельныя бездны

На пространствѣ водяномъ
И, какъ челюсти Аида,
Разверзаютъ ихъ кругомъ.

Въ страхѣ Геро восклицала:
«Зевсѣ! о чемъ я умоляла?...»
«Не внимай моимъ мольбамъ,
«И избавь меня отъ горя!
«Можетъ быть, ужъ въ безднахъ моря
«Онъ стремится по волнамъ...»
«Вотъ и птицы водяныя,
«Съ крикомъ, на берегъ летятъ,
«И суда, предвидя бурю,
«Къ вѣрнымъ пристанямъ спѣшатъ.

«Вѣрно онъ, неустрашимый,
«Страстью пылкою гонимый,
«Ужъ теперь сюда плыветъ.
«Онъ въ томъ клялся предо мною
«Страсти клятвою святою, —
«Сдержитъ, если доживетъ!
«Ахъ! теперь, быть можетъ, близко
«Волны съ нимъ борьбу ведутъ,
«И его въ свою пучину,
«Безпощадныя, влекутъ.

«Понтъ коварный! Понтъ презрѣнный!
«Твой покой дышалъ измѣной:
«Ты, какъ зеркало, сіялъ...

« Разстился пеленою ,
« И коварной тишиною
« Несчастливца привлекаль ;
« Но едва въ свои объятья ;
« Приняль друга моего , —
« И всѣ ужасы пучины ,
« Ты обрушилъ на него ! »

Буря стонетъ — завываетъ ,
Море волны подымаетъ ;
Ихъ могучая гряда
Бьется въ скалы — и боятся
Къ этимъ скаламъ приближаться
Крѣпкорѣбрыя суда.
Вотъ и факель потухаетъ —
Знакъ условный на скалѣ.
Дико , страшно воетъ море ,
Такъ — что страшно на землѣ.

И несчастная молила ,
Что бь Венера упросила
Укротить свирѣпость водъ.
« Будетъ , вихри , вамъ награда :
« Вамъ за то — тельца изъ стада
« Въ жертву Геро принесетъ ! »
И за тѣмъ всѣ силы моря
Началà она молить —
Усмиряющее масло
Въ море бурное пролить .

« О! услышь меня и нынѣ »

« Водъ блаженная богиня! »

« Выдь изъ храмины своей... »

« Гелла! ты, чье появленье »

« Служить вѣстникомъ спасенья »

« Посреди морскихъ зыбей. »

« Кинь свой, вытканый волшебю, »

« Кинь покровъ ему ты свой:

« И спасетъ его безвредно »

« Онъ изъ бездны роковой! »

Вихри буйные стихаютъ,

И на небо выѣзжаютъ

Кони Феба — изъ лучей;

Волны моря снова льются

Въ ложе прежнее; смѣются

Воздухъ съ моремъ веселѣй;

Волны въ берегъ каменистый,

Чуть колеблясь, тише бьютъ,

И, сверкая и играя,

Тѣло къ берегу несутъ.

Это онъ! — и безъ дыханья

Онъ исполнилъ обѣщанье...

И на трупъ его она

Взоръ безжизненный вперяетъ,

Но не стонетъ, не рыдаетъ:

Недвижима, холодна,

Безутѣшно въ волны моря,

На луну она глядит . . .

И румянецъ благородный

На щекахъ ея горить.

« Узнаю васъ , силы злыя !

« Какъ ужасно , роковыя ,

« Гнѣвъ исполнили вы свой !

« Рано нить его порвалась . . .

« Но я счастьемъ наслаждалась ,

« Былъ прекрасенъ жребій мой .

« Я жила одной любовью ;

« Наслаждаясь и любя ,

« А теперь — погибну жертвой ,

« Афродита , за тебя ! »

И , взбѣжавши на стремнину ,

Геро бросилась въ пучину . . .

Властелинъ зыбей морскихъ

Принялъ трупы ихъ святыя

Въ воды темно - голубыя —

Онъ могилой сталъ для нихъ .

И , гордась своей добычей ,

Онъ ихъ бережно несетъ ,

И изъ урны , вѣчно полной ,

Воды пѣнистыя льетъ .

Н. Гербель.

III.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ.

На Посидоновъ пиръ веселый,
Куда стекались чада Гелы
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шель Ивикъ, скромный другъ боговъ.
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ:
И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шель, вдохновенный, къ Истму онъ.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринѣ и горы,
Сліянны съ синевой небесъ.
Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ.
Все тихо: листъ не колыхнется;
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.

« О спутники, вашъ рой крылатый,
« Досель мой вѣрный провожатый,
« Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ.
« Сказавъ: прости! родной странѣ,
« Чужаго брега посѣтителъ,
« Ищу пріюта, какъ и вы;

« Да отвратитъ Зевесъ - хранитель

« Бѣду отъ странничьей главы. »

И, съ твердой вѣрою въ Зевеса,

Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;

Идетъ заглохшею тропой...

И зреть убійцъ передъ собой.

Готовъ сразиться онъ съ врагами;

Но часъ судьбы его приспѣлъ:

Знакомый съ лирными струнами,

Напрячь онъ лука не успѣлъ.

Къ богамъ, ко смертнымъ онъ взываетъ...

Лишь эхо стоны повторяетъ —

Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.

« И такъ погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,

« Истлѣю здѣсь безъ погребенья

« И не оплаканъ отъ друзей;

« И симъ врагамъ не будетъ мщенья

« Ни отъ боговъ, ни отъ людей. »

И онъ боролся ужъ съ кончиной...

Вдругъ... шумъ отъ стаи журавлиной;

Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)

Ихъ жалобно - стелящій гласъ.

« Вы, журавли подъ небесами,

« Я васъ въ свидѣтели зову!

« Да грянетъ, привлеченный вами,

« Зевесовъ громъ на ихъ главу. »

И трупъ узрѣли обнаженный:
Рукой убійцы искаженны
Черты прекраснаго лица.

Коринѣскій другъ узналъ пѣвца.
«И ты ль недвижимъ предо мною?»
«И на главу твою, пѣвецъ,
«Я мнилъ торжественной рукою
«Сосновый положить вѣнецъ.»

И внемлютъ гости Посидона,
Что палъ наперсникъ Аполлона...
Вся Греція поражена;
Для всѣхъ сердець печаль одна.
И, съ дикимъ ревомъ изступленья,
Притановъ окружилъ народъ,
И вопить: «старцы, мщенья, мщенья!»
«Злодѣямъ казнь, ихъ сгибни родъ!»

Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
Лицо врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ.
И кто жь — разбойникъ ли презрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Геліосъ то зрѣлъ священный,
Все-озаряющій съ небесъ.

Съ подъятой, можетъ быть, главою,
Между шумящею толпою,

Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ,
И хладно внемлетъ скорби гласъ;
Иль въ капищѣ, склонивъ колѣни,
Жжетъ ладонь гнусною рукой;
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра за толпой,

Гдѣ, устремивъ на сцену взоры,
(Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры),
Пришедъ изъ ближнихъ, дальнихъ странъ,
Шумя, какъ смутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы;
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небесъ.

И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?
Пришли отсюда: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,
Съ предѣловъ Азіи далёкой,
Съ Эгейскихъ водъ, съ Оракійскихъ горъ . . .
И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ.

По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окружёнъ,
Обходить вкругъ театра онъ.

Не шествуютъ такъ персти чада;
Не здѣсь ихъ колыбель была;
Ихъ стана дивная громада
Предѣль земнаго перешла.

Идутъ съ поникшими главами,
И движутъ тощими руками
Свѣчи, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ;
Ихъ мертвы лица, очи впалы;
И, свитыя межъ ихъ власовъ,
Эхидны движутъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ.

И стали вкругъ, сверкая взоромъ;
И гимнъ запѣли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающій боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ: казнь!
Гроза души, ума смутитель,
Эринній страшный хоръ гремитъ;
И, цѣпенѣя, внемлетъ зритель;
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ:

«Блаженъ, кто не знакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ;
Ему чужда дорога бѣдъ...
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь за вами всюду мы,

Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тмы.

« Не мните скрыться — мы съ крылами;
Вы въ лѣсъ, вы въ бездну — мы за вами;
И, спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье не защита;
Вашъ стонъ, вашъ плачъ — веселье намъ;
Терзать васъ будемъ до Коцита,
Но не покинемъ васъ и тамъ. »

И пѣснь ужасныхъ замолчала;
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой, тишина.
И тихой, мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.

И зритель — зыблемый сомнѣньемъ
Межъ истиной и заблужденьемъ —
Со страхомъ мнить о силѣ той,
Которая, во мглѣ густой
Скрываясь, неизбѣжима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.

И все, и все еще въ молчаньѣ...

Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:

« Парѣній, слышишь? .. Крикъ вдали

« То Ивиковы журавли! .. »

И небо вдругъ покрылось тмою;

И воздухъ весь отъ крылъ шумить;

И видятъ — черной полосою

Станица журавлей летить.

« Что? Ивикъ! .. » Все поколебалось —

И имя Ивика помчалось

Изъ устъ въ уста ... шумить народъ,

Какъ бурная пучина водъ.

« Нашъ добрый Ивикъ! нашъ, сраженный

Врагомъ незнаемымъ, поэтъ! ..

Что, что въ семь словъ сокровенно?

И что сихъ журавлей полеть? »

И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,

Какъ будто свыше откровенье,

Блеснула мысль: « убійца тутъ;

То Эвменидъ ужасныхъ судъ;

Отмщенье за пѣвца готово:

Себѣ преступникъ измѣнилъ ..

Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,

И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ. »

И блѣдень, трепетенъ, смятенный

Незапной рѣчью обличенный,

Исторгнуть изъ толпы злодѣй:

Передъ сѣдалище судей

Онъ привлеченъ съ своимъ клеветомъ;

Смущенный видъ, склоненный взоръ,

И тщетный плачъ былъ ихъ отвѣтомъ;

И смерть была ихъ приговоръ.

В. Жуковский.

IV.

1.

КУБОКЪ.

« Кто, рыцарь ли знатный, иль латникъ простой

« Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?

« Бросаю мой кубокъ туда золотой:

« Кто сыщеть во тмѣ глубины

« Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,

« Тому онъ и будетъ наградой побѣдной. »

Такъ царь возгласилъ, — и съ высокой скалы,

Висѣвшей надъ бездной морской,

Въ пучину бездонной, зіяющей мглы

Онъ бросилъ свой кубокъ златой.

« Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?

« Кто сыщеть мой кубокъ и съ нимъ возвратится? »

Но рыцарь и латникъ недвижны стоятъ;

Молчанье — на вызовъ отвѣтъ;

Въ молчаньѣ на грозное море глядятъ;

За кубкомъ отважнаго нѣтъ.

И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:

« Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасный? »

И всѣ безотвѣтны . . . вдругъ пажъ молодой

Смиренно и дерзко впередъ ;

Онъ снялъ епанчу и снялъ поясъ онъ свой ;

Ихъ молча на землю кладеть . . .

И дамы и рыцари мыслятъ , безгласны :

« Ахъ ! юноша , кто ты , куда ты прекрасный ? »

И онъ подступаетъ къ наклону скалы ,

И взоръ устремилъ въ глубину . . .

Изъ чрева пучины бѣжали валы ,

Шумя и гремя , въ вышину ;

И волны спирались , и пѣна кипѣла !

Какъ будто гроза , наступаая , ревѣла .

И воетъ , и свищетъ , и бьетъ , и шипитъ ,

Какъ влага , мѣшаясь съ огнѣмъ ,

Волна за волною ; и къ небу летитъ

Дымящимся пѣна столбомъ ;

Пучина бунтуетъ , пучина клокочетъ . . .

Не море ль изъ моря извергнуться хочетъ ?

И вдругъ , успокоясь , волненье легло ;

И грозно изъ пѣны сѣдой

Разинулось черною щелью жерло ;

И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева;
И глубь застонала отъ грома и рева.

И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя - Бога призывалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ:
« Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ! »
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасетъ никакая ужъ сила!

Надъ бездной утихло . . . въ ней глухо шумить . . .
И каждый, очей отвести
Не смѣя отъ бездны, печально твердить:
« Красавецъ отважный, прости! »
Все тише и тише на днѣ ея воетъ . . .
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.

« Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
« Сказавъ: кто вѣнецъ возвратить,
« Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной —
« Меня твой престолъ не прельститъ.
« Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
« Ничья здѣсь душа не расскажетъ живая.

« Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
« Глотала ея глубина:
« Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой

« Съ ея неприступнаго дна . . . »
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалёкой.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнёмъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ . . .
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.

Вдругъ . . . что то, сквозь пѣну сѣдой глубины,
Мелькнуло живой бѣлизной . . .
Мелькнула рука и плечо изъ волны —
И борется, спорить съ волной . . .
И видать — весь берегъ потрясся отъ клича —
Онъ лѣвою править, а въ правой добыча.

И долго дышалъ онъ, и тяжело дышалъ,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ . . .
И каждый съ весельемъ: « онъ живъ! » повторялъ . . .
« Чудеснѣе подвига нѣтъ!
« Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной
« Спасъ душу живую красавецъ отважной. »

Онъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ толпой;
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ,
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;

И дочери царь приказалъ
Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда,
И въ сладость была для него та награда.

« Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ,
Тотъ жизнью земной веселись!

Но страшно въ подземной таинственной мглѣ . . .

И смертный предъ Богомъ смирись:
И мыслью своею не желай дерзновенно
Знать тайны, имъ мудро отъ насъ сокроенной.

« Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда . . .

И вдругъ мнѣ на встрѣчу потокъ;
Изъ трещины камня лилася вода;

И вихорь ужасный повлѣкъ
Меня въ глубину съ непонятною силой . . .
И страшно меня тамъ кружило и било.

« Но Богу молитву тогда я принесъ,

И Онъ мнѣ Спасителемъ былъ:
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ

И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
Въ бездонное влага его не умчала.

« И смутно все было внизу подо мной,

Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;

Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двигались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины несказанныя чуды.

« Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ,
Въ громадный свиваяся клубъ,
И млатъ водяной, и уродливый скатъ,
И ужасъ морей однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокдой ненасытный, гіена морская.

« И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой,
Отъ взора людей далекò;
Одинъ межъ чудовищъ съ любящей душой,
Во чревѣ земли, глубоко
Подъ звукомъ живымъ человѣчьяго слова,
Межъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмова.

« И я содрогался . . . вдругъ слышу: ползѣтъ
Стоногое грозно изъ мглы,
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ . . .
Я въ ужасѣ прочь отъ скалы!
То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ,
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ. »

Чудесенъ рассказъ показался царю:

« Мой кубокъ возьми золотой;

« Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,

« Въ которомъ алмазъ дорогой ,
« Когда ты на подвигъ отважишься снова ,
« И тайны всѣ дна перескажешь морскаго. »

То слыша, царевна съ волненьемъ въ груди,

Краснѣя, царю говоритъ :

« Довольно, родитель, его пощади !

« Подобное кто совершить ?

« И если ужъ должно быть опыту снова ,

« То рыцаря вышли, не пажа младаго. »

Но царь, не внимая, свой кубокъ златой

Въ пучину швырнулъ съ высоты :

« И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой ,

« Когда съ нимъ воротишься, ты ;

« И дочь моя, нынѣ твоя предо мною

« Заступница, будетъ твоею женою. »

Въ немъ жизнью небесной душа зажжена ;

Отважность сверкнула въ очахъ ;

Онъ видитъ : краснѣетъ, блѣднѣетъ она ;

Онъ видитъ : въ ней жалость и страхъ . . .

Тогда, неописанной радостью полный ,

На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны . . .

Утихнула бездна . . . и снова шумить —

И пѣною снова полна . . .

И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ . . .

И бьетъ за волною волна...
Приходить, уходитъ волна быстротечно:
А юноши нѣтъ и не будетъ ужь вѣчно.

В. Жуковскій.

2.

В О Д О Л А З Ъ.

« Удѣлый ли витязь иль отрокъ отважный
« Обрушится въ бездну съ обрывистыхъ скалъ?
« Я въ черныя челюсти пропасти влажной
« Бросаю изъ чистаго злата бокаль.
« Кто царскую волю исполнить мою —
« Тому я въ награду бокаль отдаю!... »

Такъ царь говоритъ, и бокаль свой бросаетъ
Съ утрюмой, надъ моремъ нависшей скалы,
Въ глубь грозной харибды — и онъ исчезаетъ
Въ свинцовой пучинѣ зіяющей мглы.
« Безстрашные сердцемъ, послушные мнѣ!
« Отыщеть ли кто мой бокаль въ глубинѣ?... »

И витязь и отрокъ, отъ страха нѣмѣя,
Въ глубокомъ смущеньѣ стоятъ вкругъ царя,
Ввѣряться гремучимъ обваламъ не смѣя,

Они содрогнулись, взоръ въ море вперя.
И царь обращается въ третій къ нимъ разъ:
«Уже ли не сыщется смѣлый изъ васъ?»

Но все, какъ и прежде, — нѣмое молчанье.
И вотъ молодой щитоносецъ идетъ:
Онъ поступью гордой раздвинулъ собранье,
Сорвалъ онъ свой поясъ и плащъ скидаётъ;
Смутилось собранье, — въ немъ жалость не спить,
Боязнь и надежда на сердцѣ кипить.

Вотъ онъ по уступамъ на скаты выходитъ,
И въ бездну съ подмытыхъ навѣсовъ глядитъ:
Тамъ влага, какъ омутъ надъ омутомъ бродитъ,
Харибда, какъ боръ въ непогоду, гудитъ,
И, словно далекой раскатъ громовой,
Вздымаясь, дробить свой напѣвъ роковой.

Бунтуетъ, клокочетъ, визжитъ, завываетъ,
Какъ будто вся влага смѣшалась съ огнемъ,
Въ пыль стертыя брызги къ звѣздамъ отбиваетъ
И волны тѣсняются, какъ холмъ надъ холмомъ.
Сшибается глухо съ грядою гряда
И рвется, какъ море изъ моря, вода.

Но вотъ улеглась одичалая сила,
И грозно, чернѣя межъ пѣны сѣдой,
Разщелина алчную пасть растворила

Бездонную, словно самъ адъ, подъ водой.
И видно, какъ зѣвъ за волною волну,
Глотая, вбираетъ въ свою глубину.

И быстро, пока не вскипѣли приливы,
Младой щитоносецъ въ пучину нырнулъ;
И замерли въ воздухѣ стоновъ отзвѣвы:
Адъ черный струистую ткань развернулъ;
Подернулась гранью суровая мгла,
И бездна надъ отрокомъ челюсть свела.

У молкла гроза надъ харибдой ужасной;
Лишь въ сумрачныхъ нѣдрахъ уныло реветъ,
И слышны возванья: «о витязь прекрасный,
«Кто къ жизни изъ бездны тебя воззоветъ?»
Чу! въ дальнихъ обвалахъ, не ясно слышна,
Все глуше и глуше гудить глубина.

«И если ты бросишь вѣнецъ свой въ пучину
«И скажешь: кто мнѣ мой вѣнецъ возвратитъ —
«Тотъ будетъ мнѣ равень, — я санъ твой отрину —
«Меня блескъ награды земной не прельститъ:
«Что скрыто отъ насъ въ глубинѣ роковой,
«Того не расскажетъ никто намъ живой.

«И даже суда, водокрута кругами
«Объятыя, мчатся ко дну, какъ стрѣла,
«И бревна и мачты всплываютъ щепами

« Растертыя дикою силой жерла. »
Но вотъ ужъ слышишь, какъ бури полетъ,
Все ближе и ближе гроза тамъ реветъ.

Бунтуетъ, клоочетъ, визжитъ, завываетъ
Какъ будто вся влага смѣшалась съ огнемъ,
Въ пыль стертыя брызги къ звѣздамъ отбиваетъ
И волны тѣсняются, какъ холмъ надъ холмомъ —
И, словно далекій раскатъ громовой,
Вздымаясь, дробить свой напѣвъ роковой.

И вотъ — изъ клоочащей, черной стихіи,
Сквозь пѣну, лебяжьей блестя бѣлизной,
Свѣтлѣютъ плеча и округлости выи
И борется тѣло съ холодной водой.
То онъ! вотъ онъ поднялъ высоко бокаль
И тихо доплылъ до уступистыхъ скаль.

Глубоко и тяжко онъ духъ переводить,
Небесный привѣтствуя радостно свѣтъ,
И громко изъ усть вѣсть въ уста переходитъ:
« Онъ живъ, онъ спасенъ, подъ нимъ пропасти нѣтъ!
« Изъ гроба, изъ алчныхъ, клоочащихъ волнъ
« Онъ выплылъ безвреденъ, отважности полнъ! »

Идетъ онъ, его ужъ толпа окружаетъ;
Предъ сильнымъ безстрашный колѣна склонилъ —
И кротко бокаль свой царю онъ вручаетъ.

Царь къ дочери радостный взоръ обратилъ —
И льется въ бокаль, какъ янтарь съ жемчугомъ,
Живое вино, — и всѣ смолкли кругомъ!

« Да здравствуетъ царь и созданья блаженны,
Привыкшія въ солнечномъ свѣтѣ дышать!
Въ той пропасти ужасъ, судьбой заключенный,
И смертный безсмертныхъ страшись искушать.
И — нѣтъ, не срывай ты съ тѣхъ мѣстъ пелены,
Гдѣ тайны туманомъ и мглой затканы.

« Я молній быстрѣе ко дну опускался,
Тамъ, змѣемъ скользя изъ разщелины скалъ,
Въ холодныя кольца протокъ извивался —
И тщетно я волны во мглѣ разсѣкалъ;
Скрученъ и заверченъ въ кругахъ винтовыхъ,
Невольно подумалъ — не быть мнѣ въ живыхъ.

« Но, въ часъ сокрушеній, Богъ внемлетъ моленью:
Онъ длань съ высоты на спасенье послалъ,
И волны меня принесли къ возвышенью
Глубоко вѣдренныхъ въ пучинѣ той скалъ...
Во мглѣ на кораллѣ висѣлъ мой бокаль —
И счастье, что онъ въ глубину не упалъ.

« Тамъ страшная пропасть была подо мною,
Въ багровомъ туманѣ не видѣлъ я дна;
Хоть мертвою занять былъ слухъ тишиною,

Но взорамъ мелькала сквозь мракъ глубина ;
Какъ туча на тучѣ, на гадѣ тамъ гадъ,
И бездна чернѣла, какъ сумрачный адъ.

« Чудовища бродятъ въ смѣшенѣ неясномъ :
Свиваясь въ безвидные мрака клубки,
Зубъ съ колкою рашпелей на скатѣ ужасномъ ;
Подъ ними стадами кипятъ молотки ;
И страшно о скалы тамъ зубы точилъ
Чешуйчатоногій морской крокодилъ.

« И тамъ я висѣлъ и боролся съ бѣдою,
И былъ я отъ помощи вашей далѣкъ ;
Одинъ, межъ чудовищъ, подъ хладной водою,
О жизни я болѣе думать не могъ.
Глубоко, подъ звуками вашихъ рѣчей,
Съ суровыхъ пучинъ не сводилъ я очей.

« И съ трепетомъ вижу : ко мнѣ подползаетъ
Страшилище, двигая тысячью ногъ,
И вотъ — кровожадную пасть разверзаетъ .
Я бросилъ коралль — и какъ трупъ изнемогъ .
Меня обхватила въ порывахъ струя, —
И вдругъ очутился надъ бездною я . . . »

И царь, изумленный ужаснымъ рассказомъ ,
Ему говорить : « Вотъ бокаль дорогой !
« Но, слушай ! — кольцо золотое съ алмазомъ

« Тебѣ я назначилъ за подвигъ другой :

« Отважся ещё разъ . . . и скажешь ты мнѣ ,

« Что скрыто въ бездонной морской глубинѣ . »

То слышала дочь и , со вздохомъ глубокимъ ,

Устами умильными молить отца :

« Довольно , родитель ! потѣхамъ жестокимъ

« Уже ли не будетъ сегодня конца ?

« И , если желаній нельзя отклонить ,

« То рыцари могутъ его замѣнить . »

Царь снова беретъ тотъ бокаль драгоцѣнный

И въ бездну пускаетъ съ крутой вышины :

« Отвѣдай еще разъ , ты , Богомъ спасенный !

« Достань мнѣ бокаль свой со дна глубины ,

« Развѣдай въ жерлѣ томъ закрытую ночь , —

« Съ тобой обвѣнчается царская дочь ! »

Его окрылила небесная сила ;

Отвагою гордой сверкнули глаза .

Онъ смотритъ : она томный взоръ опустила , —

Блѣдна , и дрожить на рѣсницахъ слеза .

И онъ , ободренный высокой цѣной ,

Ударившись въ море , исчезъ подъ волной .

То взроетъ всю бездну , то снова сравниетъ . . .

Приливамъ предшествуетъ гулъ громовой . . .

Умильно толпа взоръ въ пучину склоняетъ :

Дымясь, истощается зѣвъ роковой ;
Бунтуя, летить за волною волна
Но отрока вверхъ не несетъ ни одна.

Ш. Алексѣевъ.

V.

АЛЬПІЙСКІЙ СТРѢЛОКЪ.

« Хочешь ты пасти барашка ?

« Дамъ тебѣ ручного я :

« Щиплетъ травку бѣлый башка

« И играетъ у ручья . . . »

— Нѣтъ, родная ! манить сына ,

На охоту, горъ вершина. —

« Хочешь, съ рогомъ иль свирѣлью ,

« Стадо по лѣсу водить ?

« Тамъ звонкі пѣвучей трелью

« Будутъ слухъ твой веселить . »

— Нѣтъ, родная ! манить сына

Горъ суровая вершина. —

« Подожди, цвѣточки снова

« Запестрѣютъ на грядяхъ . . .

« Сада нѣтъ въ горахъ — сурово

« На суровыхъ высотахъ ! »
— Пусть цвѣточки тѣшатъ взоры !
Отпусти, родная, въ горы !

И пошелъ онъ на охоту —
Все къ вершинѣ, все впередъ,
По скалистому оплоту
Онъ безтрепетно идетъ.
Передъ нимъ, межъ скалъ ущелій,
Пролетѣла тѣнь газели.

По обрывамъ, надъ скалами,
Черезъ пропасти безъ дна,
Легкимъ скокомъ и прыжками
Переносится она;
Но стрѣлокъ, въ упорствѣ смѣломъ,
Мчится вслѣдъ ей съ самострѣломъ.

На утесъ съ крутой вершиной
Перепрыгнула она
И повисла надъ стремниной,
Гдѣ застыла крутизна:
Тамъ подъ ней утесъ громадный,
А за нею врагъ нещадный.

Въ страхѣ взоръ она подьѣмлетъ —
О пощадѣ молить онъ, —
Но напрасно: врагъ не внемлетъ,

Самострѣль ужь наведенъ . . .

Вдругъ возсталъ изъ бездны чѣрной

Духъ ущелій, старецъ - горный.

И газель своей рукою

Оградивши, произнесъ:

« Для чего сюда съ собою

« Смерть и ужасъ ты занесъ ?

« Вамъ ли тѣсно, персти чада!

« Что жь мое ты гонишь стадо ? »

Л. Мей.

VI.

ГРАФЪ ГАБСБУРГСКІЙ.

Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ;

Въ старинныхъ чертогахъ, на пирѣ

Рудольфъ, Императоръ избранный, сидѣлъ

Въ сіяньѣ вѣнца и въ порфирѣ.

Тамъ кушанья Рейнскій Фальцграфъ разносилъ;

Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ;

И семь Избирателей, чиномъ

Устроенный древле свершая обрядъ,

Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,

Предъ новымъ своимъ властелиномъ.

Кругомъ возвышался богатый балконъ,

Ликующимъ полный народомъ;

И клики, со всѣхъ прилетая сторонъ,

Подъ древнимъ сливались сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ; перестала война;
Безцарственны, грозны прошли времена;
Судья надъ землею былъ снова;
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота
Могущимъ во власть безъ покрова.

И кесарь, наполнивъ бокаль золотой,
Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
— Прекрасенъ мой пиръ; все пируетъ со мной;
Все царскій мой духъ восхищаетъ;
Но гдѣ утѣшитель, плѣнитель сердець?
Придетъ ли мнѣ душу разстрогать пѣвецъ
Игрой и благимъ поученьемъ?

Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;
Ставъ кесаремъ, брошу ль обычай святой
Пиръ усладить пѣснопѣньемъ? —

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей
Выходить, одѣтый таларомъ,
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
Младымъ преисполненный жаромъ:

« Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ;

« Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,

« О всемъ, что святаго есть въ мірѣ,

« Что душу волнуетъ, что сердце манитъ...

« О чемъ же властитель воспѣть повелитъ

« Пѣвцу на торжественномъ пирѣ? »

— Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой;
(Пѣвцу отвѣчаетъ властитель):
Онъ высшую силу призналъ надъ собой —

Минута ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумить;
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?

Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зарождаетъ души глубина,
И темное чувство, изъ дивнаго сна
— При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ. —

И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ,
И голосъ пріятный раздался:
« На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ

За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ однимъ выѣзжаетъ самдругъ

Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;

Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ;
Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ;

И слѣдомъ священникъ съ Дарами.
« И набожный графъ, умиленный душой,

Колѣна свои преклоняетъ,
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой

Предъ Тѣмъ, Кто живить и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;

Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;

Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;

И спутнику пастырь дары отдаетъ;
И обувь снимаетъ и смѣло идетъ
Съ священною ношею въ воду.

« — Куда? — » изумившійся графъ спросилъ.
— « Въ село; умирающій нищій
Ждетъ въ мукахъ, что бь пастырь его разрѣшилъ,
И алчетъ небесныя пищи.

Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
Сплетенный изъ сучьевъ для пѣшихъ мостокъ —
Его разбросало водою;
Что бь душу святой благодатью спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
Спѣшу обнаженной стопою. » —

« И пастырю витязь коня уступилъ,
И подалъ ногѣ его стремя,
Что бь онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
Страдальцу грѣховное бремя.
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;
Священникъ же, требу святую
Свершивши, при первомъ мерцаніи дня,
Является къ графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.

« — Дерзну ли помыслить я, графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
Что бь конь сей ничтожной забавѣ служилъ,

Спасителю - Богу служивши ?

Когда ты, отецъ, не пріемлешь коня,

Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня

Отпынь Тому, чье даянье —

Всѣ блага земныя и сила, и честь,

Кому не помедлю на жертву принести

И силу, и честь и дыханье. — »

— « Да будетъ же вышній Господь надъ тобой

Своей благодатью святою ;

Тебя да почититъ Онъ въ сей жизни и въ той,

Какъ днесъ Онъ почтенъ былъ тобою ;

Гельвеція славой сіяетъ твоей ;

И шесть расцвѣтають тебѣ дочерей,

Богатыхъ дарами природы :

Да будетъ же (молвилъ пророчески онъ)

Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ ;

Да славятся въ роды и роды. » —

Задумавшись, голову кесарь склонилъ :

Минувшее въ немъ оживилось.

Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ —

И таинство словъ объяснилось :

Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой ;

И слезы свои отъ толпы золотой

Порфирой закрылъ въ умиленьѣ . . .

Все смолкло, на кесаря очи поднявъ,

И всякъ догадался, — кто набожный графъ,

И сердцемъ почтилъ провидѣнье.

В. Жуковский.

VII.

РАЗДѢЛЪ ЗЕМЛИ.

« Возьмите свѣтъ! — онъ вашъ! » сказалъ благой Зевесъ
Людскому племени, съ высотъ своихъ небесъ:

« Я вамъ дарю его! — въ наслѣдіе возьмите;

« Но межъ собой его по братски раздѣлите. »

Сказалъ — и мигомъ все, кому Богъ руки далъ,

Спѣшить устроиться; хлопочеть старъ и малъ:

Вмигъ пахарь завладѣлъ полями и лугами,

Охотникъ въ лѣсъ ушелъ за хищными звѣрями;

Купецъ товарами набилъ амбары, домъ...

Смиранный жрецъ боговъ бесѣдуетъ съ виномъ;

Владѣлецъ затворилъ дороги и плотины,

И требуетъ со всѣхъ законной десятины.

Затѣмъ, когда раздѣлъ давно былъ совершенъ,

Пришелъ поэтъ, — пришелъ изъ странъ далекихъ онъ...

И овладѣла имъ тяжелая кручина:

Ужъ все на всей землѣ имѣло господина.

— О горе, горе мнѣ! такъ я забыть одинъ,

Одинъ изъ всѣхъ людей, я — твой покорный сынъ? —

Такъ жалобно взывалъ любимецъ Аполлона,

Припавши къ ступенямъ юпитерова трона.

« Не ты ль парилъ душой въ странѣ волшебныхъ сновъ! »

Сказалъ ему Зевесъ: « что жь ропщешь на боговъ? »

« И гдѣ, скажи мнѣ, былъ ты при раздѣлѣ свѣта? »

— Съ тобою! — былъ отвѣтъ смиреннаго поэта:

— Мой взоръ твой свѣтлый ликъ, въ восторгѣ, со-

Мой слухъ гармоніи міровъ твоихъ внималъ;

И, погрузясь душой въ сіянье золотое,

Прости, я потерялъ наслѣдіе земное. —

Зевесъ ему въ отвѣтъ: « вся рѣздана земля,

Ужь больше не мои ни воды, ни поля;

Но если въ небесахъ захочешь жить со мною,

То небо навсегда отверсто предъ тобою. »

И. Гербель.

VIII.

1.

ФРИДОЛИНЪ.

Страхъ Божій Фридолинъ хранилъ

Въ младенческой душѣ;

Какъ вѣрный рабъ, онъ преданъ былъ

Графинѣ, госпожѣ

Савернской. Такъ была она

Добра, такъ кротости полна,

Что даже прихоти вельнѣе

Онъ счелъ бы долгомъ исполненья.

Съ разсвѣта дня, пока съ зарей
Онъ снова угасалъ,
Служилъ графинѣ онъ одной
И отдыхъ забывалъ,
И если «успокойся, другъ!»

Онъ отъ нея услышитъ вдругъ,
Невольно духомъ онъ смущался,
И ревностнѣй служить старался.

За то предъ всѣми въ замкѣ онъ
Графиней молодой

Былъ по заслугамъ отличенъ:
И лаской, и хвалой.

Какъ къ сыну мать, къ нему она
Была заботлива, нѣжна,
И съ чувствомъ радости взирала
На милыя черты вассала.

За это Робертъ, стремянной,
Враждой къ нему вскипѣлъ:

Издавна съ завистью нѣмой
Онъ на пажа глядѣлъ.

Однажды съ графомъ ѣхалъ онъ
Домой, и, злобой увлеченъ,
Въ душѣ супруга, ради мщенья,
Посѣялъ сѣмя подозрѣнья.

«О графъ! вы счастливы вполне;»
Коварно молвилъ онъ, —

« Сомнѣній ядомъ въ тишинѣ

« Вашъ не отравленъ сонъ;

« У васъ достойная жена,

« Любви и вѣрности полна,

« Священный долгъ — ея хранитель:

« Ей не опасенъ искушитель. »

Сердито графъ нахмурилъ бровь:

— Что говоришь ты мнѣ?

Кто вѣритъ въ женскую любовь,

Подобную волнѣ?

Ихъ обольстить не мудрено.

Я твердо вѣрю лишь въ одно:

На честь властителя Саверна

Не посягнетъ никто навѣрно. —

А тотъ ему: « вы правы въ томъ;

« Презрѣнье заслужилъ

« Глупецъ, кто, будучи рабомъ,

« Свой долгъ и родъ забылъ,

« И къ той, которой служить онъ,

« Желаньемъ дерзкимъ воспалёнъ... »

— Что? — графъ воскликнулъ раздраженный:

И живъ онъ, этотъ дерзновенный? —

« Ужели общій гласъ молвы

« Безвѣстенъ только вамъ? »

« И, если скрыть хотите вы,

« Я радъ молчать и самъ. »

— Все говори, иль ты пропалъ! —

Дрожа отъ гнѣва, тотъ вскричалъ,

— Кто смѣетъ думать о графинѣ? —

« Я говорю о Фридолинѣ. »

« Не дурень, правда, онъ собой... »

Предатель продолжалъ;

(А графа между тѣмъ то зной,

То холодъ обдавалъ):

« Ужели не въ примѣту вамъ,

« Какъ, волю давъ своимъ глазамъ,

« Онъ у нея за стуломъ таетъ,

« И дажа васъ не замѣчаетъ? »

« Вотъ и стихи, въ которыхъ онъ

« Въ любви признался ей,

« И просить, страстью ослѣплёнъ,

« Взаимности, злодѣй! »

« Графиня, кроткая душой,

« Молчитъ изъ жалости одной,

« И я сказалъ о томъ напрасно:

« Чтò можетъ вамъ тутъ быть опасно? »

Графъ, молча, въ бѣшенствѣ слѣпомъ

Помчался въ ближній лѣсъ,

Гдѣ у него плавильный домъ

Стоялъ въ тѣни древесъ;

Тамъ подлѣ горновъ цѣлый строй

Рабовъ, недремлющей рукой,

Мѣхами пламя раздуваютъ,
И съ трескомъ искры вверхъ взлетаютъ.

Тамъ силы влаги и огня

Въ союзѣ межъ собой;

Снуетъ тамъ колесо, стена,

Гонимое волной,

И день и ночь тамъ трескъ и стукъ,

И въ тактъ удары крѣпкихъ рукъ;

Металлы тамъ послушно гнутся,

И огненной струею льются.

И графъ, примчавшись на заводъ,

Сказалъ двумъ кузнецамъ:

— Кто первый отъ меня прійдетъ

Съ такимъ вопросомъ къ вамъ:

« — Свершенъ ли графскій вамъ приказъ? — »

Туда въ жерло его сейчасъ,

Что бъ тамъ онъ въ пепель обратился,

И ужъ ко мнѣ бъ не возвратился! —

И звѣрской радостью горятъ

Глаза свирѣпыхъ слугъ:

Сердца ихъ тверды, какъ булатъ,

Убійства жаждетъ духъ.

И принялись они опять

Мѣхами пламя раздувать

Въ печахъ, и ждуть, удвоивъ рвенье,

Желанной жертвы приближенья.

А Робертъ юношѣ, принявъ

Коварный дружбы видъ:

« Тебя зоветь за чѣмъ то графъ! »

Съ улыбкой говорить.

И Фридолину графъ потомъ:

Отправься въ лѣсъ, въ плавильный домъ,

И тамъ узнай: мое велѣнье

Исполнено ль безъ замедленья? —

« Исполню все! » отвѣтилъ онъ,

И бодро въ путь спѣшить;

Вдругъ, новой мыслью озаренъ,

Къ графинѣ онъ бѣжитъ:

« Я посланъ въ лѣсъ, въ плавильный домъ,

« И, если на пути моемъ

« Отъ васъ мнѣ будетъ приказанье, —

« Удвою я свое старанье. »

И та ему отвѣтъ дала

Съ сердечной добротой:

« Охотно бѣ въ церковь я пошла,

« Но сынъ хвораеть мой;

« Зайди жь, мой добрый Фридолинъ,

« Туда, и помолись одинъ,

« И, каясь Богу въ прегрѣшеньѣ,

« И обо мнѣ пошли моленье. »

И въ путь пошелъ онъ въ тотъ же мигъ

Съ веселою душой,

Конца селенія достигъ
Поспѣшною стопой;
Вдругъ съ колокольни слышитъ онъ
Священный, благовѣстный звонъ,
Надежду грѣшникамъ дающій,
Къ святому таинству зовущій.

«Отъ Бога на пути своемъ
«Не должно убѣгать!»

Сказалъ — и входитъ въ Божій домъ:
Все пусто; не слыхатъ
Ни шороха, ни звука тамъ:
Быль занятъ жатвой по полямъ
Народъ, и причетъ не явился;
Одинъ священникъ тамъ молился.

И юноша рѣшился самъ
Исполнить долгъ святой,
Подумавъ: служба небесамъ
Предшествуетъ земной.
Благоговѣйныхъ полный думъ,
Взялъ столу онъ и цингулумъ,
Помогъ усердно облаченью,
И приготовилъ все къ служенью.

И рвениемъ набожнымъ горя,
Служебникъ чинно взялъ,
Какъ министрантъ у алтаря
Священнику предсталъ,

Внимая пастыря словамъ,
Склонялъ колѣно тутъ и тамъ,
И Sanctus возглашая внятно,
Звонилъ при имени трикратно.

Когда же тотъ предъ алтаремъ
Съ молитвою припалъ,
Свершилъ Дары, и съ торжествомъ
Святой сосудъ подъялъ:

Онъ въ колокольчикъ зазвонилъ,
И вѣрнымъ тайны возвѣстилъ, —
И всѣ склонились умиленно
Предъ Искупителемъ вселенной.

Такъ все въ порядкѣ совершилъ,
Какъ должно, Фридолинъ:

Ему давно извѣстенъ былъ

Церковный службы чинъ;

Но вотъ воскликнулъ наконецъ —

« Vobiscum Dominus! » отецъ,

Духовныхъ чадъ благословляя,

И служба кончилась святая.

Тогда все прежде по мѣстамъ

Заботливой рукой

Поставилъ онъ, очистилъ храмъ,

И, съ радостной душой,

Спокойный совѣстью, потомъ

Направилъ путь въ плавильный домъ,

Въ умѣ читая, по обряду,
Двѣнадцать Pater noster сряду.

И горнь дымящій увидавъ,

Рабочимъ онъ сказалъ:

«Друзья! исполнено ль, что графъ

Вамъ сдѣлать приказалъ?»

И тѣ, на раскаленный сводъ

Взглянувъ, скривили смѣхомъ ротъ:

— Онъ прибранъ тамъ и скрытъ отъ свѣта,

И графъ похвалить насъ за это. —

Съ такимъ отвѣтомъ къ графу онъ

Въ обратный путь спѣшить;

Явился въ замокъ; изумлѣнъ

Графъ на него глядитъ.

— Скажи, несчастный! гдѣ ты былъ? —

«Въ плавильнѣ.» — Нѣтъ! ты не ходилъ,

Иль опоздалъ туда явиться? —

«Графъ! я зашелъ лишь помолиться.

«Простите мнѣ: какъ на заводъ

Послали вы меня,

По долгу службы напередъ

Зашелъ къ графинѣ я.

Къ обѣднѣ, графъ, она зайти

Мнѣ повелѣла на пути,

И я исполнилъ повелѣнье:

О васъ, о ней принесъ моленье.»

И графъ — невольно поражёнъ . . .

Смутился онъ душой.

— Скажи, — спросилъ блѣднѣя онъ:

— Отвѣтъ былъ данъ какой? —

« О, графъ! темна была ихъ рѣчь;

Смѣясь, они взглянули въ печь,

Сказавъ: онъ тамъ и скрытъ отъ свѣта,

И графъ похвалить насъ за это. »

— А Робертъ? — графъ спросилъ опять,

И снова задрожалъ:

— Его не могъ ты не видать:

Я въ лѣсъ его послалъ . . . —

« Нѣтъ, не встрѣчался онъ со мной

Ни лѣсомъ, ни дорѣгой той. »

— Ну! — графъ сказалъ, смирясь душою:

— Такъ высшимъ рѣшено Судьею! —

И съ кроткой ласкою беретъ

Онъ за руку его,

Къ супругѣ, тронутый, ведетъ,

Не знавшей ничего,

И говорить: — передъ тобой

Онъ чистъ и праведенъ душой;

Ему не страшны ковы злые:

Съ нимъ Богъ и Ангелы святыя. —

Ф. Миллеръ.

2.

СУДЪ БОЖІЙ.

Былъ непороченъ душой Фридолинъ; онъ въ страхѣ
Господнемъ
Вѣрно служилъ своей госпожѣ, графинѣ Савернской.
Правда, не трудно было служить ей: она добронравна
Своимъ, тиха въ обращеніи была; но и тяжкую
должность
Съ кроткимъ терпѣніемъ онъ исполнялъ бы, покор-
ствуя Богу.
Съ самаго ранняго утра, до поздней ночи, всечасно
Былъ онъ на службѣ ея, ни минуты покоя не зная;
Если жь случалось сказать ей ему: «Фридолинъ, успо-
койся!»
Слезы въ его появлялись глазахъ: за нее и мученье
Было бы сладостно сердцу его, и не службой считалъ
онъ
Легкую службу. За то и его отличала графиня;
Вѣчно хвалила, и прочимъ слугамъ въ примѣръ подра-
жанья
Ставила; съ нимъ же самимъ она обходилась, какъ съ
сыномъ
Мать, а не такъ, какъ съ слугой госпожа. И было
пріятно
Ей любоваться прекраснымъ, невиннымъ лицомъ Фри-
долина.
То примѣчая, сокольничій Робертъ досадовалъ; зависть

Грызла его свирѣпую душу. Однажды, съ охоты
Съ графомъ вдвоемъ возвращаяся въ замокъ, Робертъ,
лукавымъ
Бѣсомъ прельщенный, вѣтъ что сказалъ господину,
стараясь
Въ сердце его заронить подозрѣніе: «счастьемъ завид-
нымъ
«Богъ наградилъ васъ, графъ-государь; онъ далъ вамъ
въ супругѣ
«Вашей сокровище; нѣтъ ей подобной на свѣтѣ; какъ
Ангель
«Божій прекрасна, добра, цѣломудренна; спите спо-
койно:
«Мыслью никто не посмѣетъ приблизиться къ ней.»
Заблистали
Грозно у графа глаза.—Что смѣешь ты бредить? ска-
залъ онъ,
—Женская вѣрность—слово пустое; на ней опираться
Тоже, что строить на зыбкой водѣ; берегися, какъ хо-
чешь:
Все обольститель отыщетъ дорогу къ женскому сердцу.
Вѣра моя на другомъ твердѣйшемъ стоитъ основаньѣ:
Кто помыслить дерзнетъ о женѣ Савернскаго графа!—
«Правда,» коварно отвѣтствовалъ Робертъ; «подобная
дерзость
«Только безумному въ голову можетъ зайти. Лишь
презрѣнья
«Стоитъ жалкій глупецъ, который, воспитанный въ
рабствѣ,

« Сметъ глаза поднимать на свою госпожу и, служа ей,
« Въ сердцѣ развратномъ желанья тaitъ. » — Что слы-
шу! — воскликнулъ

Графъ, поблѣднѣвши отъ гнѣва. — О комъ говоришь ты?

И живъ онъ? —

« Всѣ объ немъ говорятъ, государь; а я, изъ почтенья

« Къ вамъ, полагая, что все вамъ извѣстно, молчалъ:

« что самимъ вамъ

« Въ тайнѣ угодно держать, то должно и для насъ

быть священной

« Тайной. » — Злодѣй, говори! — въ изступленьѣ ужас-

номъ воскликнулъ

Графъ. — Ты погибъ, когда не скажешь мнѣ правды!

Кто этотъ

Дерзкій? — « Пажъ Фридолинъ; онъ молодъ, лицомъ

миловиденъ »

(Такъ шипѣлъ предательски Робертъ, а графа бросало

Въ холодъ и въ жаръ отъ рѣчей ядовитыхъ). « Воз-

можно ль, чтобъ сами

« Вы не видали того, что каждому видно! За нею

« Всюду глазами онъ слѣдуетъ; ей одной, забывая

« Все, за столомъ онъ служить; за стуломъ ея, какъ

волшебной

« Скованный силой, стоитъ онъ и рдѣетъ любовью пре-

ступной.

« Онъ и стихи написалъ, и въ нихъ передъ ней при-

знается

« Въ нѣжной любви. » — Признается! — « И даже мо-

литъ о взаимномъ

« Чувствѣ дерзаетъ. Конечно графиня, по кротости
сердца,

« Скрыла отъ васъ, государь, безумство такое, и самъ я

« Лучше бы сдѣлалъ, когда бъ промолчалъ: чего вамъ
страшиться? »

Графъ не отвѣтствовалъ: ярость душила его. При-
ближались

Въ это время они къ огромной литейной палатѣ:

Тамъ непрестанно огонь, какъ будто въ адской пучинѣ,

Въ горнахъ пылалъ, и желѣзо, какъ лава кипя, кло-
котало;

День и ночь работники тамъ суетились вкругъ горновъ,

Пламя питая; взвивались вихрями искры; свистали

Страшно мѣхи; колесо подъ водою, средь брызжущей
пѣны,

Тяжко вертѣлось, и молотъ огромный, гремя неумолчно,

Самъ, какъ живой, поднимался и падалъ. Графъ, по-
дозвавши

Двухъ изъ работниковъ, такъ имъ сказалъ: — Испол-
ните въ точность

Волю мою: того, кто первый придетъ къ вамъ и спро-
ситъ:

— « Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ? » — безъ вся-
кой пощады

Бросьте въ огонь, что бъ его и слѣдовъ не осталось. —
Съ свирѣпымъ

Смѣхомъ рабы обѣщались покорствовать графскому
слову.

Души ихъ были суровѣй желѣза; рвеніе удвоивъ,

Начали снова работать они, и, убійствомъ заранѣ
Жадную мысль веселя, дожидались обѣщанной жертвы.
Къ графу тѣмъ временемъ хитрый наушникъ позвалъ

Фридолина.
Графъ, увидя его, говоритъ: — Ты долженъ, не медля
ни мало,

Въ лѣсъ пойти и спросить отъ меня у литейщиковъ:
все ли

Сдѣлано то, что я приказалъ? — «Исполнено будетъ,»
Скромно отвѣтствуетъ пажъ; и готовъ ужъ идти, но,
подумавъ —

Можетъ быть дать ему и она порученье какое —
Онъ приходитъ къ графинѣ и ей говоритъ: «Господиномъ
Посланъ я въ лѣсъ; но вы — моя госпожа; не угодно ль
Будетъ и вамъ чего приказать?» Ему, съ благосклон-
нымъ

Взоромъ, графиня отвѣтствуетъ: «Другъ мой, къ обѣднѣ
хотѣлось

Нынѣ сходить мнѣ, но боленъ мой сынъ; сходи, по-
молися

Ты за меня; а если и самъ согрѣшилъ, то покайся.
Весело въ путь свой пошелъ Фридолинъ; и еще изъ
деревни

Онъ не вышелъ, какъ слышитъ благовѣсть: колоколъ
звонкимъ

Голосомъ звалъ христіанъ на молитву. «Отъ встрѣчи
Господней

Ты уклониться не долженъ!» сказалъ онъ, и въ церковь
съ смиреннымъ,

Набожнымъ сердцемъ вступилъ ; но въ церкви пусто и тихо :
Жатва была , и всѣ поселяне работали въ полѣ.
Тамъ стоялъ священникъ одинъ : никто не явился —
Быть на время обѣдни прислужникомъ въ храмѣ. Гос-
поду Богу
Прежде свой долгъ отдай , потомъ господину. Съ такою
Мыслью , усердно онъ началъ служить : священнику ризы,
Столу и сингулумъ подалъ ; потомъ приготовилъ Святые
Чаши ; потомъ , молитвенникъ взявши , сталъ умиленно
Долгъ исправлять министранта : и тамъ и тутъ на ко-
лѣни ,
Руки сжавъ , становился ; звонилъ въ колокольчикъ ,
какъ скоро
Провозглашаемо было великое Sanctus ; когда же
Тайну священникъ свершилъ , предстоя алтарю , и воз-
высилъ
Руку , чтобъ вѣрнымъ явить Спасителя - Бога въ без-
кровной
Жертвѣ , онъ звономъ торжественнымъ то возвѣстилъ ,
и смиренно
Палъ на колѣни предъ Господомъ , въ грудь себя по-
ражая ,
Тихо молитву творя и крестомъ себя знаменуя.
Такъ до конца литургіи онъ все , что уставлено чиномъ ,
Въ храмѣ свершалъ. На послѣдокъ , окончивши службу
святую ,
Громко священникъ воскликнулъ : « vobiscum Dominus ! »
вѣрныхъ

Благословилъ; и церковь совсѣмъ опустѣла; тогда онъ,
Все въ порядокъ приведши — и чаши, и ризы, и утварь,
Церковь оставилъ, и къ лѣсу пошелъ, и въ добавокъ
дорогой

Pater noster двѣнадцать разъ прочиталъ. Подошедши
Къ лѣсу, онъ видитъ огромный, дымящійся горнъ; пе-
редъ горномъ,

Черны отъ дыма, стоятъ два работника. Къ нимъ
обратяся,

«Сдѣлано ль то, что графъ приказалъ?» онъ спросилъ.

И, оскаливъ

Зубы смѣхомъ ужаснымъ, они указали на пламень

Горна. — Онъ тамъ! (прошепталъ сиповатый ихъ го-
лосъ), какъ должно,

Прибранъ, и графъ насъ похвалить. — Съ такимъ ихъ
отвѣтомъ обратно

Въ замокъ пошелъ Фридолинъ. Увидя его издалека,

Графъ не повѣрилъ глазамъ. — Несчастный, откуда
идешь ты? —

«Изъ лѣсу прямо.» — Возможно ль? ты вѣрно про-
мѣшкалъ въ дорогѣ? —

«Въ церковь зашелъ я. Простите мнѣ, графъ-государь;
повелѣнье

«Ваше принявъ, у моей госпожи, по обычному долгу,

«Также спросилъ я, не будетъ ли мнѣ и ея приказанья?

«Выслушать въ церкви обѣдню она приказала. Исполнивъ

«Волю ея, помолился я тамъ и за здравіе ваше.»

Графъ трепеталъ и блѣднѣлъ. — Но скажи мнѣ, спро-
силъ онъ,

Что отвѣчали тебѣ? — «Непонятенъ отвѣтъ былъ
Со смѣхомъ
«Было на горнѣ мнѣ указано. Тамъ онъ! (сказали)
какъ должно,
«Прибранъ, и графъ насъ похвалить!» — А Робертъ? —
спросилъ, леденѣя
Въ ужасѣ, графъ. — Ты съ нимъ не встрѣчался? Онъ
посланъ былъ мною
Въ лѣсъ? — «Государь, ни въ лѣсу, ни въ полѣ,
нигдѣ я не встрѣтилъ
«Роберта.» — Ну! вскричалъ уничтоженный графъ,
опустивши
Въ землю глаза. — Самъ Богъ рѣшилъ правосудный! —
И, съ кроткой
Лаской за руку взявъ Фридолина, съ нимъ вмѣстѣ по-
шелъ онъ
Прямо къ супругѣ и ей (хотя сокровеннаго смысла
Рѣчи его она не постигла) сказалъ, представляя
Милаго юношу, робко предъ нимъ склонившаго очи:
— Онъ, какъ дитя, непороченъ; нѣтъ ангела на небѣ
чище;
Врагъ коваренъ; но съ нимъ Господь и Всевышнія Силы.

В. Жуковский.

IX.

ПЕРЧАТКА.

I.

Передъ своимъ звѣринцемъ,
Съ баронами, съ наслѣднымъ принцемъ,
Король Францискъ сидѣлъ;
Съ высокаго балкона онъ глядѣлъ
На поприще, сраженья ожидая;
За королемъ, обворожая
Цвѣтущей прелестію взглядъ,
Придворныхъ дамъ являлся пышный рядъ.

Король далъ знакъ рукою —
Со стукомъ разтворилась дверь;
И грозный звѣрь
Съ огромной головою,
Косматый левъ
Выходить;
Кругомъ глаза угрюмо водить;
И вотъ, все оглядѣвъ,
Наморщилъ лобъ съ осанкой горделивой,
Пошевелилъ густою гривой,
И потянулся, и зѣвнулъ,
И легъ. Король опять рукой махнулъ —
Затворъ желѣзной двери грянулъ,
И смѣлый тигръ изъ-за рѣшетки прянулъ;

Но видитъ льва, робѣетъ и реветъ,
Себя хвостомъ по ребрамъ бьетъ,
И крадется, косяся взглядомъ,
И лижетъ морду языкомъ,
И, обошедши льва кругомъ,
Рычитъ и съ нимъ ложится рядомъ.

И въ третій разъ король махнулъ рукой—
Два барса дружною четой
Въ одинъ прыжекъ надъ тигромъ очутились;
Но онъ ударъ имъ тяжелой лапой далъ,
А левъ съ рыканьемъ всталъ...
Они смирились,
Оскаливъ зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждуть, что бѣ битва началась.
Вдругъ женская съ балкона сорвалась
Перчатка... всѣ глядятъ за ней...
Она упала межъ звѣрей.
Тогда на рыцаря Делоржа, съ лицемѣрной
И колкою улыбкою глядитъ
Его красавица и говоритъ:
«Когда меня, мой рыцарь вѣрной,
«Ты любишь такъ, какъ говоришь,
«Ты мнѣ перчатку возвратишь.»

Делоржъ, не отвѣчавъ ни слова,
Къ звѣрямъ идетъ,

Перчатку смѣло онъ беретъ,
И возвращается къ собранью снова.

У рыцарей и дамъ при дерзости такой
Отъ страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Какъ будто ничего съ нимъ не случилось,
Спокойно всходитъ на балконъ;
Рукоплесканьемъ встрѣченъ онъ;
Его привѣтствуютъ красавицыны взгляды...
Но, холодно принявъ привѣтъ ея очей,
Въ лицо перчатку ей
Онъ бросилъ, и сказалъ: «не требую награды.»

В. Жуковскій.

Первый, кто оне берет,
И возманился я влюбленю снова,
И влюблен, и влюблен, и влюблен,
У влюблен и влюблен, и влюблен,
От страха сердце неужелю,
А влюблен, и влюблен, и влюблен,
Лавр брало и влюблен, и влюблен,
Словно, влюблен, и влюблен, и влюблен,
Равно, влюблен, и влюблен, и влюблен,
И влюблен, и влюблен, и влюблен,
Но, влюблен, и влюблен, и влюблен,
Влюблен, и влюблен, и влюблен,
Оне брала, и влюблен, и влюблен.

Влюблен, и влюблен, и влюблен,
Влюблен, и влюблен, и влюблен,
Влюблен, и влюблен, и влюблен.

И влюблен, и влюблен, и влюблен,
Влюблен, и влюблен, и влюблен,
Влюблен, и влюблен, и влюблен,
Влюблен, и влюблен, и влюблен,
Влюблен, и влюблен, и влюблен,
Влюблен, и влюблен, и влюблен,
Влюблен, и влюблен, и влюблен,
Влюблен, и влюблен, и влюблен,
Влюблен, и влюблен, и влюблен,
Влюблен, и влюблен, и влюблен,
Влюблен, и влюблен, и влюблен,
Влюблен, и влюблен, и влюблен.

Влюблен, и влюблен, и влюблен,
Влюблен, и влюблен, и влюблен,
Влюблен, и влюблен, и влюблен.

ГРУППА ИЗЪ ТАРТАРА.
АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Словно плоть у меня влюбилась в кровь,
Изъ плоти плоть вышла —
Мертвца жила —

Неслышась зима
Словомъ страшной; влюблен крики
Муромъ изъ вырванъ изъ утѣ;
Что стало; тобою жила безумной
За тобой влюбилась въ чужую
Милота въ жгу — тажеская жерсть влюб.
Влюбленность, влюбленность, влюбленность;
Что то роль изъ чужихъ влюбленность, утѣ?
Ахъ! предъ мной влюбленность влюбленность —
И лоту влюбленность, влюбленность.

Влюбленность, влюбленность, влюбленность, влюбленность.

АНТОЛІЯ СЛІХОВИХ

ГРУППА ИЗЪ ТАРТАРА.

Чу! какъ ревъ взволнованнаго моря,
Словно плачь у скалъ дробимыхъ волнъ,
Изъ пучинъ несутся вопли горя —
Мертвыхъ мчитъ Хароновъ чёлнъ.

Исказились лики
Скорбью страшной; бѣшенные крики
Мукой ада вырваны изъ устъ;
Очи впалы: тщетно взоръ безумной
За волной Коцита вѣчно-шумной
Мчится въ мглу—ужасный берегъ пусть.
Вопрошаютъ шопотомъ братъ брата:
Что то рокъ изъ нашихъ вынетъ урнѣ?
Ахъ! предъ ними вѣчность безъ возврата—
И косу переломилъ Сатурнъ.

Д. Мнѣ.

II.

ГЕРКУЛАНУМЪ И ПОМПЕИ.

Что за диво свершилось? Земля! у тебя мы просили
Чистыхъ источниковъ, что жь лоно твое намъ даетъ?
Или есть жизнь подъ землею? или — подъ лавою
скрыто —

Новое племя живетъ? Видимъ бывшее опять!
Римляне! Греки! сюда! смотрите: вотъ древній Помпеи!
Снова открытъ онъ, и вновь градъ Геркулеса возсталъ.
Своды надъ сводами высятся; портикъ обширный от-
крылъ вамъ

Залы свои: о скорѣй ихъ оживите собой!
Вотъ отворенъ огромный театръ; такъ пусть же рѣкою
Въ семь растворовъ его шумная хлынетъ толпа.
Гдѣ же актеры? сюда! пусть совершается жертва
Сына Атреева, пусть хоръ за Орестомъ войдетъ.
Но куда же ведетъ эта арка побѣды? то форумъ:
Мужи почтенные тамъ въ креслахъ курульныхъ
сидятъ.

Ликторы! выступьте вы съ сѣкирами! Претору должно
Мѣсто на стулѣ занять, судъ и расправу творить.
Какъ широко раздвинулась тутъ мостовая! для пѣшихъ
Есть и дорожки, — онѣ тянутся подлѣ домовъ;
И навѣсомъ впередъ выдались кровли надъ ними,
Комнаты частыя дворъ весь окружаютъ внутри.
Ставни откройте скорѣй и давно завалѣнные двери!
Пусть ужасная ночь яснымъ освѣтится днемъ!
Вотъ, смотрите: кругомъ разставлены стройно скамейки,

Камнями разныхъ цвѣтовъ блещетъ узорчатый полъ.
Свѣжи еще на стѣнѣ эти ярко горящія краски.

Гдѣ же художникъ? давно ль кисть онъ оставилъ
свою?

Тамъ, изъ сочныхъ плодовъ и роскошныхъ цвѣтовъ со-
плетенный,

— Вдоль по карнизамъ коймой тянется чудный фестонъ.
Здѣсь хлопотливые геніи сокъ выжимаютъ пурпурный;

Съ полной корзиною тутъ крадется милый амуръ.
Далѣе скачетъ вакханка, а тамъ ужъ она отдыхаетъ;

Фавнъ любопытный тайкомъ страстно глядитъ на нее;
Здѣсь она мчится на быстромъ кентаврѣ, и посохомъ,
стоя

Лишь на колѣнѣ одномъ, бѣгъ ускоряетъ его.
Отроки! что же вы медлите? вотъ вамъ сосуды, —
возьмите!

Вазы этрурскія здѣсь, — дѣвы! наполните ихъ!
Вотъ и треножникъ стоитъ на сфинксахъ крылатыхъ, —
скорѣе

Угольевъ дайте, рабы, и разведите огонь!
Вотъ вамъ монета могучаго Тита, — ступайте на
рынокъ;

Вотъ и вѣсы тутъ лежатъ, — видите, есть къ нимъ
и вѣсъ.

Вставьте зажженные свѣчи въ красивые эти шандалы,
Масломъ прозрачнымъ скорѣй лампы наполните всѣ!

Что въ этомъ ящикѣ? ахъ! посмотрите-ка, дѣвы, —
запастья

И ожерелья женихъ вамъ золотыя прислалъ:

Такъ отведите жь невѣсту въ душистую баню; вотъ
мази,

Вотъ и румяна лежатъ въ этомъ граненомъ стеклѣ.

Гдѣ же вы, древніе, гдѣ? — еще вашихъ безсмертныхъ
твореній

Рѣдкіе свитки хранитъ нашъ величавый музей.

Вотъ и прутики тутъ для письма и вощеныя доски —

Все уцѣлѣло, — земля, вѣрная, все сберегла.

Также и ваши пенаты всѣ тутъ, и древніе боги

Всѣ на прежнихъ мѣстахъ; что же не видно жрецовъ?

Вотъ взмахнулъ золотымъ кадуцеемъ Гермесъ красивый,

И надъ рукою его гордо побѣда летитъ.

Тутъ, какъ и прежде, стоятъ алтари, — о, придите жь,
придите!

— И забытымъ богамъ жертвы сожгите свои!

Ф. Миллеръ.

III.

ПУТЕВОДИТЕЛИ ЖИЗНИ.

Смертный! два генія чудныхъ ведутъ тебя въ жизни.

Счастливъ ты,

Если они, помогая другъ другу, ведутъ тебя вмѣстѣ!

Рѣзвой игрою одинъ сокращаетъ твой путь: опираясь

На исполинскую руку его, ты судьбу и заботы

Смѣло встрѣчаешь тогда, и, играя, тебя онъ приводитъ

Къ безднѣ, гдѣ человѣкъ, содрогаясь, стоитъ передъ
моремъ

Вѣчности. Здѣсь другой молчаливо тебя принимаетъ,

И черезъ черную бездну гигантской рукой переносить.
Нѣтъ, ты вполнѣ никогда одному лишь изъ нихъ не
ввѣряйся!

Не довѣрай одному своей чести, а счастья—другому!

Н. Гербель.

IV.

РУССО.

Монументъ, возникшій злымъ укоромъ
Нашимъ днямъ и Франціи позоромъ,
Гробъ Руссо, склоняюсь предъ тобой! —
Миръ тебѣ, мудрецъ, ужè безгласный!
Мира въ жизни ты искалъ напрасно:
Миръ нашелъ ты, но въ землѣ сырой.

Язвы міра вѣкъ не заживали:

Встарь былъ мракъ — и мудрыхъ убивали,
Нынче—свѣтъ, а меньше ль палачей?

Палъ Сократъ отъ рукъ невѣждъ суровыхъ,
Палъ Руссо — но отъ рабовъ Христовыхъ,
За порывъ — создать изъ нихъ людей.

Л. Мей.

V.

ПАНОРАМА СВѢТА.

Не хотите ли, отъ скуки,
Въ панораму заглянуть?
Вотъ и ящикъ: въ маломъ видѣ,
Весь большой и малый свѣтъ;
Но съ условіемъ — поближе
И по-пристальный смотрѣть.

Вотъ старый и малый, вотъ нищій и знатный,
И вотъ, въ отдаленьѣ, ихъ общая цѣль;
Къ ней мчатся, одна за другой, колесницы;
Дрожить мостовая и оси трещать.

Всякой хочетъ свои силы
Или счастье испытать;
Но до пристани желанной,
Гдѣ Фортуна госпожа,
Путь ухабишь, и до цѣли
Лишь десятый доскакаль.

Прелестныя жёны стоятъ у буфета,
Съ улыбкой онѣ принимаютъ друзей —
И рѣдкіе гости приемятъ награду
Изъ миленькихъ ручекъ, какъ должную дань.

А. Струговщиковъ.

VI.

ПѢВЦЫ МИНУВШАГО ВРЕМЕНИ.

Гдѣ они? — гдѣ, о скажите, найду я пѣвцовъ вдохновенныхъ,

Чье животворное слово внимавшій народъ чаровало?

Пѣли о небѣ они, людей на землѣ воспѣвали,

И высокѣ возносили нашъ духъ на крыліяхъ пѣсни.

О, еще живы пѣвцы! но нѣтъ подвиговъ, властныхъ
заставить

Смолкшую лиру очнуться; нѣтъ чуткаго уха. Счастливы

Барды счастливаго вѣка! изъ устъ въ уста и изъ рода

Передавалось въ родъ — ихъ, сердцу понятное, слово.

Съ благоговѣньемъ, приличнымъ богамъ, привѣтствовалъ каждый

Все, что словомъ и кистью творилъ все - объемлющій
геній.

Чувствомъ внимавшихъ — пѣвецъ питалъ свой божественный пламень, —

Да, питалъ — очищалъ... Счастливецъ! голосъ народа

Звонко въ себѣ отражалъ его вдохновенныя пѣсни;

И еще на землѣ ему божество представлялось;

Нынѣ жъ и сердцемъ его поэтъ едва постигаетъ.

Н. Гербель.

VII.

1.

ОДИССЕЙ.

Всѣ моря переплылъ Одиссей, возвращаясь въ отчизну:

Сцилла кипѣла подъ нимъ, зрѣлъ онъ Харибды грозу,
Моря враждебнаго злобу и горе на сушѣ извѣдалъ, —

Даже и въ темный Аидъ, долго блуждая, попалъ.

Соннаго, волны его принесли къ берегамъ итакійскимъ;

Скорбный, отъ сна пробудясь, родины онъ не узналъ.

М. Михайловъ.

2.

ОДИССЕЙ.

Всѣ переплавалъ моря Одиссей, что бъ достигнуть от-
чизны:

Сциллы погибельный лай, ужасъ Харибды вблизи,
Страхи враждебныхъ морей, и многіе страхи земные, —

Даже и сходы въ Аидъ встрѣтилъ заблудшій въ
пути.

Сонный судьбой наконецъ принесенъ онъ ко берегу Итаки;

Вотъ пробудился — и что жъ? горькій, ея не узналъ.

М. Дмитріевъ.

3.

ОДИССЕЙ.

Много морей переплылъ Одиссей, что бѣ достигнуть от-
чизны:

Сциллы гортань проминулъ, бездны Харибды про-
шелъ,

Видѣлъ пучины морскія, скитался въ странахъ незна-
комыхъ, —

Даже опаснымъ путемъ въ царство Аида сходилъ.
Вотъ наконецъ его, соннаго, волны приносятъ къ Итакѣ;
Онъ пробудился, — и что жъ? родины онъ не узналъ.

Н. Марковичъ.

VIII.

КАРѢАГЕНЪ.

Выродокъ слабый праматери рода людского,
Римскую ложь съединившій съ хитростью Тира:
Силою тотъ управлялъ покоренной землѣю, а этотъ
Мудростью правилъ вселенной, её обирая. Что скажетъ
Поздній историкъ о славѣ твоей? Какъ Римлянинъ —
сталью

Ты добывалъ себѣ то, чѣмъ золотомъ правилъ по —
Тирски.

Н. Гербель.

IX.

ПРИТЧИ КОНФУЦІЯ.

I.

Троякъ сѣдого времени полеть:

Грядущее идетъ
Медлительной стопою,
Всегда безмолвное прошедшее стоитъ,
А настоящее летитъ
Крылатою стрѣлою.

И никакое нетерпѣнье
Его медлительныхъ шаговъ не окрылитъ;
Ни вѣщій ужасъ, ни сомнѣнье
Не укротятъ его, когда оно летитъ,
И ни раскаянье, ни просьбы, ни рыданья
Заставить вновь идти его не въ состоянѣ.

Когда ты хочешь жизненнымъ путемъ
Пройти легко, безъ горя и волненья,
Совѣтуйся съ медлительнымъ во всемъ,
Но не бери его орудьемъ исполненья;
Быстролетящаго въ друзья не избирай,
А отстающаго врагомъ не называй.

Н. Гербель.

Пространство составили три протяженья:
Длина, ширина, глубина;
Но нѣтъ протяженіямъ тѣмъ измѣренья:
Ихъ мѣрой — безмѣрность одна!
Длина простирается въ даль непрерывно
Все болѣ и болѣ впередъ;
Ни кто до конца этой линіи дивной
И мыслью самою не дойдетъ.
Вездѣ широта безъ границъ разлилась,
По всѣмъ четыремъ сторонамъ;
Съ безбрежностью міра она обнялась
Въ дали, недоступной умамъ.
Глубоко, въ безмѣрныя, темныя бездны,
Ступила пятой глубина;
Высоко, за радужный куполь надзвѣздный,
Челомъ поднялась она.
Тебѣ, человѣкъ, въ указанье блаженства
Богамъ онѣ созданы;
Стремись, достигая въ добръ совершенство,
Все въ даль, по примѣру длины;
Желаешь извѣдать законы вселенной —
Умомъ широтѣ подражай,
Въ тиши, наблюденіемъ природы священной,
Познанья свои расширяй;
Существенность жизни тебя занимаетъ —
Возьми въ образецъ глубину;

Пусть умъ твой отвсюду нашъ быть озираетъ,
Въ него углубится ко дну.

Но помни, что съ твердостью только упорной
Дойдешь ты къ желанной метѣ,
Что истина кроется въ пропасти черной,
Что ясность живетъ въ полнотѣ.

А. Мейснеръ.

Х.

ЭГОИСТУ-ФИЛОСОФУ.

Видѣлъ ли ты, какъ младенецъ, еще не чувствитель-
ный къ ласкамъ

Матери нѣжной своей, дремлетъ въ объятяхъ ея;
Дремлетъ, пока наконецъ онъ, разбуженный голосомъ
страсти,

Бодро воспрянетъ отъ сна—юношей, полнымъ огня?
Видѣлъ ли мать ты, когда она, нѣжно заботясь о
сынѣ,

Ночи проводить безъ сна, сонъ охраняетъ его?
Собственной жизнью питаетъ она молодое растение,
Видитъ отраду себѣ только въ заботахъ о немъ.

Ты ль порицаешь природу, которая — то принимаетъ,
Какъ младенецъ, дары, то раздаетъ ихъ, какъ мать?
Ты ль исключашь, надмѣнный, себя изъ прелестнаго
круга

Дружбы взаимной, святой—лучшихъ созданій земли?
Бѣдный! ты хочешь стоять одинокимъ, одинъ самъ-собою,
Тамъ, гдѣ и вѣчное все общей любовью живетъ!

Ф. Миллеръ.

XI.

1.

КОЛУМБЪ.

Далѣ смѣлый пловецъ! И пусть невѣжды смѣются;
Пусть у руля утомленные руки кормчій опустить —
Далѣ, далѣ къ западу! Долженъ тамъ берегъ явиться.
Развѣ мысленнымъ взорамъ твоимъ не ясно онъ видѣнъ?
Вѣруй вожатаю-разуму! бодро плыви океаномъ!
Если бъ земли тамъ и нѣ было, выйдетъ она изъ пучины:
Въ тѣсномъ союзѣ и были и будутъ природа и геній —
Что обѣщаль тебѣ онъ, вѣрно исполнить другая.

М. Михайловъ.

2.

КОЛУМБЪ.

Плаватель смѣлый, лети! Пускай насмѣхается злоба;
Пусть утомленной рукой кормчій поникнетъ на
руль —
Далѣ и далѣ на западъ! — тамъ вѣрно откроется берегъ!
Видишь же ясно его — ты, созерцая умомъ...
Вѣруй ведущему Богу, и слѣдуй безмолвному морю!
Если и нѣтъ тамъ земли, встанетъ мгновенно изъ
волнъ:
Съ геніемъ мать природа въ вѣчномъ и вѣрномъ
союзѣ —
Если что онъ обѣщаль, вѣрно она совершитъ!

М. Дмитриевъ.

XII.

КУПЕЦЪ.

Куда плыветъ корабль подъ всѣми парусами?
Изъ сѣверной земли, лежащей за морями,
Онъ вамъ везетъ янтарь, желѣзо и свинецъ.
О, волны! вы его лелѣйте, берегите!
А вѣтры къ пристани желанной приведите,
И тамъ ему ручьи живые прошумите!
Вамъ боги, вамъ однимъ принадлежитъ купецъ!
Онъ ѣдетъ торговать — онъ ѣдетъ за добромъ,
Такъ пусть все доброе свершится съ кораблёмъ.

Н. Гербель.

XIII.

ИГРАЮЩІЙ РЕБЕНОКЪ.

Милый ребенокъ, играй на колѣняхъ родной! на свя-
щенномъ
Островѣ этомъ тебѣ не найдутъ ни печаль, ни заботы;
Руки матери держать съ любовью тебя надъ стремниной,
И, улыбаясь, ты, полный невинности, смотришь въ
могилу.

Смѣйся, святая невинность! Аркадья тебя окружаетъ...
Вольный порывъ увлекаетъ твою молодую натуру!
Гордая сила сама создаетъ себѣ въ жизни предѣлы...
Для добровольной рѣшимости нѣтъ еще долга и цѣли.

Смѣйся, играй! скоро трудъ прійдетъ тяжелый и
скудный,
И предъ велѣніемъ долга умрутъ въ тебѣ радость и
бодрость.

Н. Гербель.

XIV.

П Л Я С К А.

Быстро игривой волною кружятся веселыя пары!
Пѣла касаясь едва окрыленной, воздушной ногою.
Что это? — легкія тѣни, тѣлесныя свергшія цѣпи?
Или крылатые эльфы сплетаются въ лунномъ мерцаньѣ?
Словно по воздуху стелется дымъ, колеблемый вѣтромъ,
Какъ на струяхъ серебристыхъ качается легкая лодка:
Прыгаетъ мѣрно нога подъ плѣнительный тактъ музы-
кальный;
Легкое тѣло подьѣмлетъ гармонія струнъ переливныхъ.
Вотъ отдѣлилась и, будто стараясь прорвать вереницу,
Мчится отважная пара къ тѣсно-сомкнѣтому ряду:
Вмигъ передъ ней разступается онъ и смыкается
снова —
Словно волшебная сила открыла имъ путь и закрыла.
Мчится — и вотъ исчезаетъ изъ глазъ; и, въ дикомъ
смятеньѣ,
Рушится чудное зданье воздушнаго міра движенья.
Нѣтъ, она радостно снова несется — распутался узелъ!
Вновь возникаетъ порядокъ! прекрасное лишь измѣ-
нилось!

Въ мірѣ движенія все рушится быстро, что бѣ вновь
созидаться —

Тайный законъ управляетъ измѣнчивой жизни игрою.
Но отчего же вращаются образы, быстро смѣняясь,
И движеніе тѣхъ образовъ чудныхъ такъ полно покоя?
Каждый владѣетъ собой, повинуюсь лишь голосу сердца,
И поспѣшно идетъ своею обычной дорогой.

Это богиня гармоніи! — Это она превращаетъ

Буйный прыжокъ дикаря въ хороводную, стройную
пляску,

И укрощаетъ, подобно самой Немезидѣ, безумный,
Дикій восторгъ и веселье созвучья уздой золотою.

Или напрасно звучитъ предъ тобою гармонія міра,
И не хватаютъ за сердце ни волны плѣнительныхъ
звуковъ,

Ни вдохновляющій тактъ, ни чудесная стройность соз-
даній,

Ни законъ неизмѣнный, который въ безбрежномъ про-
странствѣ

Движетъ блестящія солнцы извитыми смѣло путями?
Какъ же ты, слѣдуя мѣрѣ въ игрѣ, ей не слѣдуешь
въ жизни?

И. Гербель.

2.

П Л Я С К А.

Видишь ли — плавно, какъ волны, несутся легкія пары,
Чуть прикасаясь къ землѣ ногъ окрыленныхъ стопой?
Тѣни ли это летучія, чуждыя тяжести тѣла,

Или не эльфовъ ли тамъ въ свѣтѣ луны хороводъ?...
Точно какъ стелется дымъ въ дуновеніи легкомъ зефира,
Или какъ тихо скользитъ въ влагѣ сребристой ладья:
Такъ ихъ смысленныя стопы подьютъ эфирное тѣло,
Въ тактъ мелодическихъ волнъ, въ тактъ подъ жур-
чаніе струнъ.

Вотъ, какъ бы пляшущихъ цѣпь прорвать порываясь
силой,

Смѣлая пара летитъ въ тѣсно содвинутый кругъ.
Быстро предъ ней открывается путь и за ней исчезаетъ,
Точно волшебной рукой — онъ и открытъ и закрытъ.
Вотъ исчезаетъ сама; и въ дикомъ какомъ-то смѣшенъѣ
Рушится, прелести полнъ, звуками созданный міръ!
Нѣтъ — вылетаетъ веселая вновѣ; вновѣ разпутался
узелъ;

Снова порядокъ возникъ, только въ иной красотѣ.
Рушится вѣчно, и вѣчно рождается это созданье;
Мирный законъ въ немъ хранитъ всѣхъ превраще-
ній игру.

«Какъ же, скажи, обновляется въ вѣчномъ своемъ
колебанъѣ,

«Какъ сохраняется миръ, въ этомъ движенъѣ всего?

« Каждый свободенъ , послушный лишь сердцу , и каждый
находить —

« Вѣрный , единственный путь , въ быстромъ полетѣ
несясь ! »

Хочешь ли это постичь ? — То гармоніи дивная сила
Править , сквозь бурныхъ скачковъ , пляски обще-
ственный строй !

Ритма златою уздою она , Немезидѣ подобно ,
Править волненьемъ однихъ , дикость смягчаетъ
другихъ !

Но — неужели вотще для тебя и гармонія міра ?
Иль не восхититъ твой духъ эта высокая пѣснь ;
Сей восхитительный тактъ , ударяемый сонмомъ соз-
даній ;

Это вращенье міровъ въ вѣчномъ пространствѣ
небесъ ,
Эти летящія солнца , въ ихъ смѣломъ путей пресѣ-
ченьѣ ?

Мѣру ты цѣнишь въ игрѣ ; въ дѣйствіяхъ — мѣры
бѣжишь .

М. Дмитріевъ.

XV.

Т Ъ Н Ъ Ш Е К С П И Р А .

Тамъ явилася мнѣ и великая сила Иракла ,
Призракъ , безплотная тѣнь ; самъ онъ на вѣки исчезъ .
Вкругъ , какъ птицы кричатъ , кричали трагиковъ сонмы ,
И драматурги , какъ псы , стаею лаяли вкругъ .

Мертвый, онъ страхъ наводилъ; натянуть былъ лукъ
неизмѣнный,

Стрѣлы, летя съ тетивы, прямо вонзались въ сердца.
«Что еще предприѣмлешь, смѣлый многострадалецъ?»

«Въ адъ ли дерзаешь сходить, въ область вѣчныя
тмы?»

Я ищу Тирезія здѣсь, да поможетъ провидецъ

Древній найти мнѣ котурнь, болѣ незримый у насъ.

«Если въ природу они и въ Грековъ древнихъ не вѣрятъ,

«Всеу уроковъ отсель книгу къ нимъ принесешь.»

О! природа у насъ является часто на сцену,

Просто, какъ мать родила, голая вся до костей.

«Значить, у васъ онъ, древній котурнь, живымъ еще
мною

«Въ Тартаръ нисшедшимъ за нимъ съ тяжкимъ до-
бытый трудомъ?»

Нѣтъ, трагедію мы забросили вовсе, и развѣ

Въ годъ однажды твой выйдетъ въ латахъ мер-
твецъ.

«Вижу: къ ученію разума ваше направлено чувство,

«Ужасъ и жалость прочь гонять веселость и

«смѣхъ.»

Да, намъ нравятся шутки, лишь были бы дерзки и
сухи;

Любимъ мы и печаль, только была-бы мокра.

«Что же? рядомъ съ шествіемъ важнымъ сестры

Мельпомены

«Талія рѣзвась у васъ легкую пляску ведетъ?»

Нѣтъ ни одной! у насъ христіанское правоученье,

Простонородное все, — быть и хозяйство мѣщанъ.
«Какъ! и на зрѣлищахъ вашихъ Кесарь не смѣетъ
явиться?»

«Нѣтъ Андромахи на нихъ? согнанъ Ахиллъ и
Орестъ?»

Вотъ любимыя лица: пасторъ, торговли совѣтникъ,
Юнкеръ, или секретарь, либо гусарскій майоръ.

«Но, ради Бога, другъ, что можетъ народъ этотъ
жалкій»

«Сдѣлать великаго, что съ нимъ великое быть?»

Мало ли что — плутуютъ, ищутъ съ закладами де-
негъ,

Крадутъ ложки въ карманъ, бойки на все, хоть
повѣсь.

«Гдѣ же, откуда жъ возьмется судьба — исполинская
сила,

«Коею сдавленный въ прахъ къ небу взнесенъ че-
ловѣкъ?»

Старыя сказки! — мы ищемъ въ театрѣ себя и знако-
мыхъ,

Нашу скорбь и нужду: все находимъ мы тамъ.

«Такъ; но это спокойнѣй и легче найдете вы дома;

«Нужно ль бѣжать отъ себя только для встрѣчи
съ собой?»

Просимъ прощенья, Грой! тутъ разница есть пре-
большая:

Счастье слѣпо всегда, авторъ всегда справед-
ливъ.

«Значить, ваша натура, скудная, ходитъ по сценѣ

«Вашей; только большой, только божественной
нѣтъ?»

Авторъ хозяинъ гостинницы; пятый актъ угощенье:

Злымъ какъ гибель придетъ, добрые сядутъ за
столь.

А. Катенинъ.

XVI.

Ф И Л О С О Ф Ы.

УЧЕНИКЪ.

Какъ хорошо, господа, что я вижу васъ въ полномъ
собраньѣ!

Самый нужнѣйшій вопросъ сводить меня къ вамъ
сюда.

АРИСТОТЕЛЬ.

Къ дѣлу скорѣе, мой другъ! Мы здѣсь Іенскія дер-
жимъ газеты:

И потому здѣсь въ аду — мы ужь извѣстны о
всемъ.

УЧЕНИКЪ.

Вотъ и прекрасно! — Такъ дайте же мнѣ — я отъ васъ
не отстану —

Общій, основный законъ, признанный всѣми та-
кимъ.

ДЕКАРТЪ.

Cogito, ergo sum! я мыслю: и такъ — существую.

Ежели вѣрно одно, то и другое по немъ.

УЧЕНИКЪ.

« Мысля: и такъ — существую! » — но мыслить ли
кто непрерывно?

Часто случалось мнѣ *быть*, право не мысля совсѣмъ.

СПИНОЗА.

Ежели есть существо: существо всѣхъ существъ быть
должно же;

Въ этомъ существѣ существѣ — плаваемъ всѣ мы,
какъ есть.

БЕРКЛЕЙ.

Кромѣ меня, говорю я, нѣтъ существа! — Все другое,
Что ни является внѣ, всходитъ во мнѣ, какъ пузырь.

ЛЕЙБНИЦЪ.

Я допускаю два бытія: вселенну и душу.

Оба различны онѣ; оба, по цѣли, — одно.

КАНТЪ.

Что бытіе, что душа — ничего я объ этомъ не знаю;

Оба — лишь кажутся мнѣ; впрочемъ, онѣ не мечта!

ФИХТЕ.

Я существую, какъ «я»; а если себя поставляю

Яко не сущее: то — этимъ я ставлю «не я».

РЕЙНГОЛЬДЪ.

Есть *представленіе*; и такъ — есть и то, что я
представляю!

А *представляющее* — вотъ съ представленіемъ три.

УЧЕНИКЪ.

Этимъ вамъ, господà, изъ подъ печи собаки не выз-
вать.

Общій основный законъ — вотъ добиваюсь чего.

К. Х. ШМИДТЪ.

Больше на полѣ теоріи намъ найти не возможно;

Практика жь такъ говоритъ: если обязанъ — могу.

УЧЕНИКЪ.

Думалъ ли я!... Но когда ничего не находитъ вашъ
разумъ, —

То не возможно ль кому — къ совѣсти вамъ перейти?

ДАВИДЪ ЮМЪ.

Съ этимъ народомъ что толковать! ихъ Кантъ пере-
путалъ.

Слушай меня: самъ себѣ равенъ и здѣсь я, въ аду!

ВОПРОСЪ О ПРАВѢ.

Многіе годы я пользуюсь носомъ для обонянья;

Но — доказано ль мнѣ — право мое на мой носъ?

ПУФФЕНДОРФЪ.

Случай сомнительный! но — такъ какъ давность вла-
дѣнія носомъ,

Кажется, въ пользу твою: можешь владѣть имъ и
впредь!

СОМНѢНІЕ СОВѢСТИ.

Радъ всѣмъ друзьямъ я служить; но къ несчастью во
мнѣ это склонность;

Точитъ мнѣ сердце, какъ червь — мысль: добро-
дѣтель ли то?

РѢШЕНІЕ.

Тутъ есть одинъ лишь совѣтъ: постарайся, нельзя ль
презирать ихъ, —

Что бь съ отвращеньемъ потомъ дѣлать, что долгъ
повелить.

М. ДМИТРИЕВЪ.

XVII.

1.

АНТИКИ ВЪ ПАРИЖѢ.

Что Греки сѡздали рѣзцами,
— То Франки все, отнявъ мечами,
На берегъ Сены увезли, —
И вотъ роскошные музеи
Хранятъ побѣдные трофеи,
Что бѣ имъ дивиться всѣ могли.

Но тамъ безмолвны эти боги,
И не сойти имъ въ мѣръ тревоги
Съ подножій мраморныхъ своихъ...
Нѣтъ, тотъ лишь музами владѣть,
Кто въ сердцѣ тѣпломъ ихъ лелѣть;
Вандаль лишь камни видитъ въ нихъ.

Ф. Миллеръ.

2.

АНТИКИ ВЪ ПАРИЖѢ.

Что искусство создавало
Въ вѣкъ Элады золотой,
Забираетъ онъ, грабитель,
Святотатственной рукой:
Вѣковыми образцами
Наполняетъ свой музей —
И боговъ Олимпа
Кажетъ, какъ трофей.

Но они съ своихъ подножій
На паркеты не сойдутъ ,
И въ сердца безсмертной жизни
Прометея не вдохнуть . . .
Тотъ лишь бога понимаетъ ,
Въ комъ огонь его горитъ —
Музы и Хариты
Вандалу — гранить.

А. Струговщиковъ.

XVIII.

ФОРТУНА И МУДРОСТЬ.

Разставшись съ избраннымъ судьбою ,

Фортуна къ Мудрости пришла :

« За благо быть твоей сестрою

» Тебѣ бѣ всѣ блага я дала !

« Его ли я не осыпала

« Дарами — щедрою рукой ,

« Но ихъ ему не доставало —

« И онъ назвалъ меня скупой.

« Сестра , такъ будемъ же друзьями !

« Забудь труды , оставь свой плугъ ,

« И я обильными дарами

« Тебя осыплю , милый другъ ! »

Но Мудрость бодро, какъ бывало,
Съ лица отерла потъ и прахъ,
И такъ Фортунѣ отвѣчала,
Съ улыбкой ясной на устахъ:

— Ты лучше, прежде — чѣмъ дружиться,
Спаси любимца своего:
Взгляни, онъ хочетъ застрѣлиться,
А мнѣ — не надо ничего. —

Н. Гербель.

XIX.

С ѡ я т е л ь .

Полонъ надежды землѣ ты ввѣряешь зерно золотое —
И ожидаешь весной радостно восхода его.
Что же боишься на полѣ времянь свои сѣять дѣянья?
Мудрости смѣлой посѣвъ тихо цвѣтетъ для
вѣковъ.

М. Михайловъ.

XX.

И л л и а д а .

Рвите вѣнокъ Гомера, считайте отцовъ совершенной,
Вѣчной поэмы его! Мать у нея лишь одна,
Образъ матери въ ней отразился ясно и стройно:
Вѣчной природы черты съ юною-вѣчно красой.

М. Михайловъ.

XXI.

ГЕРКУЛЕСУ.

Нѣтъ, не изъ чаши божественной ты божеству прича-
стился;

Силъ безсмертной твоей некторъ наградою былъ !

А. Струговщиковъ.

XXII.

ЗЕНИТЬ И НАДИРЪ.

Волею выпренъ, великъ, Зенитомъ небесъ досягая,
Ты-же Надиромъ своимъ, къ оси прикованъ зем-
ной;

Духомъ летая въ пространствѣ, въ небо умчишься ль, —
все тоже:

Около оси земной воля вертится твоя

А. Струговщиковъ.

XXIII.

ДИТЯ ВЪ КОЛЫБЕЛИ.

Крошка, счастливецъ! теперь для тебя колыбель без-
гранична;

Мужемъ ты станешь — и міръ цѣлый тебя не вмѣ-
ститъ.

А. Фетъ.

XXIV.

ДВѢ ДОРОГИ.

Тебѣ двѣ дороги открыты на свѣтѣ —
Одна къ идеалу, другая къ могилѣ:
Умѣй же свободно и въ пору на первую выйти,
Пока не принудила Парка идти по другой.

Л. Мей.

XXV.

НЕИЗМѢННОЕ.

«Время летитъ невожджно!» Оно постояннаго ищетъ;
Будь постояненъ и вѣчною цѣпью его окуешь!

Ф. Кони.

XXVI.

ТЕОФАНІЯ.

Видя счастливца, боговъ-небожителей я забываю;
Но предо мною они, когда я увижу страдальца.

Л. Мей.

XXVII.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ.

Какъ достигать совершенства? Этому учить растенье:
Волей стремися къ тому, чѣмъ мимо воли оно!

А. Струговщиковъ.

XXVIII.

ЛОЖНОЕ СТРЕМЛЕНИЕ КЪ НАУКѢ.

Сколько у истины новыхъ враговъ!.. Душа замираетъ...

Къ свѣту тѣснится—увы!—стая незрячая совъ

М. Михайловъ.

XXIX.

КРАСОТА И РАДОСТЬ.

Если тебѣ не случилось печальной красавицы видѣть—

Ты никогда не видалъ красоты;

Если тебѣ не случилось въ прекрасномъ лицѣ читать
радость—

Радости ты никогда не видалъ.

Л. Мей.

XXX.

СУДЪ ЖЕНЩИНЫ.

Женщины! будете дѣйствія мужа судить,—ошибетесь!

Мужа всего, какъ онъ есть, можете только су-
дить.

А. Струговщиковъ.

XXXI.

СУДЪ СЕРДЦА.

Сердцемъ женщина судить, не зная другаго закона;

Гдѣ отреклась отъ любви, тамъ осудила она.

А. Струговщиковъ.

XXXII.

ОЖИДАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ.

Съ тысячью гордыхъ судовъ юноша въ море несется;
Чуть уцѣлѣвшій челнокъ къ пристани править старикъ.

М. Михайловъ.

XXXIII.

ОБЩАЯ УЧАСТЬ.

Мы ненавидимъ, мы споримъ — мы сердцемъ, умомъ
не согласны;

А бѣлѣютъ межъ тѣмъ кудри твои и мои.

М. Михайловъ.

XXXIV.

МАЛЕНЬКІЕ ГЕНІИ.

Годы мастеръ творить, и вѣчно собой недоволенъ;
Маленькимъ геніямъ все даромъ дается, — и что жь?
То, что узнали сегодня, о томъ проповѣдуютъ завтра.
Ахъ, какъ у этихъ господъ скоро желудокъ варить!

А. Струговщиковъ.

XXXV.

ДАНАИДЫ.

Много мы лѣтъ рѣшето наполняемъ водою и грѣемъ
Камень... Все камень, какъ ледъ; всё рѣшето не полно.

М. Михайловъ.

XXXVI.

НАУКА.

Этотъ въ ней видитъ богиню, небесную радость, а этому

Просто корова она: было бы масло ему!

А. Струговщиковъ.

XXXVII.

ТОЛКОВАТЕЛИ КАНТА.

Сколько, подумаешь, бѣдныхъ прокормить богатый заводчикъ!

Ежели строится царь, плотникамъ много хлопотъ . . .

А. Струговщиковъ.

XXXVIII.

МЕЛОЧИ.

I.

ЭПИЧЕСКІЙ ГЕКСАМЕТРЪ.

Быстро несетъ онъ тебя по волнамъ, неусыпно-бѣгущимъ:

Видишь и сзади и спереди — видишь лишь небо, да море.

Н. Гербель.

II.

ГЕКЗАМЕТРЪ И ПЕНТАМЕТРЪ.

Свѣтлымъ потокомъ струится гекзаметра стихъ гра-
ціозный;
Сжать и, глубоко и смѣль — вотъ онъ, пента-
метръ мой!

А. Струговщиковъ.

III.

О К Т А В А.

Стансъ, порожденіе нѣжно-томящейся страсти — стыд-
ливо
Трижды бѣжишь ты, и трижды, желанный, приходишь
обратно.

Н. Гербель.

IV.

П И Р А М И Д А.

Мастеръ поставилъ меня на подножіе собственной
силы:
«Стой!» сказалъ онъ — и я вѣки стою на
пескѣ.

А. Струговщиковъ.

V.

ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА.

Не бойся небеснаго свода, сказалъ мнѣ художникъ, —
Подобно ему, вознесу я тебя въ безконечность.

Н. Гербель.

VI.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МОСТЪ.

Жизни шумящія волны бѣгутъ надо мной, подо мною:
Съ ними къ безсмертью нестись и меня приглашаетъ
художникъ.

Л. Мей.

VII.

В О Р О Т А.

Льстиво маня, воротà дикаря призываютъ къ закону;
Смѣло на вольную жизнь выпускаютъ они гражданина!

Н. Гербель.

VIII.

ЦЕРКОВЬ СВ. ПЕТРА.

Тщетно въ размѣрахъ моихъ безконечнаго ищите. Больше
Сдѣлатъ тебя самого — вотъ чего мастеръ хо-

тѣлъ.

А. Струговщиковъ.

XXXIX.

ПРОЩАНИЕ СЪ ЧИТАТЕЛЕМЪ.

Умолкла мирная богиня пѣснопѣнья,
Умолкла — и тебѣ, краснѣя, предстоитъ,
Что бѣ выслушать твой судъ (въ лицѣ ея смущенье);
Но праведный твой судъ еѣ не устрашить:
Ей близко, дорого святое одобренье
Того, кто сердцемъ чистъ, кто правдой дорожить.
Лишь тотъ, въ комъ для искусствъ трепещетъ ретивое,
Достоинъ увѣнчать чело ея святое!

Напѣвы сладкіе пускай не умираютъ,
Пока еще душа ихъ звуки познаётъ,
Пока они еѣ мечтами окружаютъ
И сторожатъ ея возвышенный полётъ.
Въ потомство перейти они не помышляютъ:
Ихъ звуки пронеслись, для нихъ былъ свой черёдъ.
Ихъ родила на свѣтъ минута вдохновенья —
И улетятъ они, какъ легкія видѣнья.

Проснулася весна: подъ пламеннымъ дыханьемъ
Возникла снова жизнь на дѣвственныхъ лугахъ,
И воздухъ напоёнъ цвѣтовъ благоуханьемъ,
И звучный хоръ пѣвцовъ раздался въ небесахъ;
Очнулись старъ и малъ, и, съ радостнымъ сознаньемъ
Вернувшейся весны, являются въ садахъ;
Прошла весна — цвѣты поблекли и завяли,
И ихъ забыли тѣ, кого они плѣняли.

Н. Гербель.

О РУССКИХЪ ПЕРЕВОДАХЪ

ИЗЪ

ШИЛЛЕРА.

О ВЪСЕСНХЪ НЕПРИБОДЪХЪ

Il copyright © 1997 della National Science Foundation.

Съ самаго появленія въ свѣтъ первыхъ повремен-
ныхъ русскихъ изданій — журналовъ, альманаховъ и
сборниковъ, — страницы ихъ постоянно наполняются
прозаическими и стихотворными переводами, какъ древ-
нихъ, такъ и новыхъ иностранныхъ писателей. Однако,
не смотря на видимое стремленіе — усвоить себѣ образ-
цовыя произведенія иностранныя, словесность наша, по
части переводовъ, сравнительно, гораздо бѣднѣе запад-
ныхъ литературъ. Въ параллель съ полными перево-
дами классиковъ на нѣмецкій, англійскій и французскій
языки, мы можемъ указать единственно на немногіе
труды отечественныхъ дѣятелей; именно — на «Гре-
ческихъ Классиковъ» — Мартынова, «Гомера» въ пе-
реводѣ Гнѣдича, Рубана, Огинскаго и Жуковскаго, на
устарѣлыя переложенія: «Пиндара», «Гезіода», «Сафо»,
«Анакреона» и «басень Федрa», и новый переводъ «Одъ
Горація» г. Фета, — вотъ скромное достояніе русской
словесности, выпавшей на долю изъ умственной сокро-
вищницы древняго міра.

Новѣйшимъ писателямъ Запада посчастливилось, въ этомъ отношеніи, еще менѣе. Не смотря на огромное число переводовъ, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, помѣщаемыхъ, съ незапамятныхъ временъ, въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, въ числѣ которыхъ есть много образцовыхъ, мы, за исключеніемъ «Собранія Сочиненій Геснера» въ переводѣ И. Тимковскаго, не имѣемъ, до сихъ поръ полного перевода ни одного новѣйшаго иностраннаго писателя. Правда, въ послѣднее время были подобныя попытки, но, къ сожалѣнію, ни одна изъ нихъ не приведена къ концу. Такъ, въ 1842 году, было предпринято обществомъ молодыхъ людей изданіе сочиненій «Гёте» въ прозаическомъ, и при томъ неудовлетворительномъ, переводѣ, въ слѣдствіе чего было встрѣчено публикою весьма холодно, и прекратилось на второмъ номерѣ. Въ слѣдующемъ году появились первые выпуски «Испанскаго театра», въ переводѣ К. Тимковскаго, въ составъ котораго должно было войти полное собраніе драматическихъ произведеній Кальдерона, Лопе-де-Веги и нѣкоторыхъ другихъ испанскихъ драматурговъ, но также не пошло далѣе первыхъ выпусковъ. Въ 1845 году началось печатаніе полного собранія «Романовъ Вальтеръ-Скотта»; но и это полезное, и при томъ добросовѣстно-исполненное, предпріятіе не имѣло ожидаемаго успѣха, и должно было ограничиться изданіемъ, вмѣсто обѣщанныхъ тридцати одного, всего четырьмя романами (Квентинъ Дорвардъ, Антикварій, Айвенго и Гей-Меннерингъ). Наконецъ, въ началѣ 1846 года, стали выходить отдѣльными

книжками драматическія произведенія «Шекспира» въ прекрасномъ переводѣ Н. Х. Кетчера, но также остановились на восемнадцатомъ выпускѣ.

Слѣдя за переводами великихъ европейскихъ поэтовъ, каковы Шекспиръ, Шиллеръ, Гёте, Байронъ и многіе другіе, я нашёлъ, что большая часть ихъ произведенийъ уже давно переведена на русскій языкъ. Правда, не всѣ переводы удачны; многіе изъ нихъ даже слабы до послѣдней степени; но за то ихъ такъ много, что на каждую капитальную піэсу подлинника можно смѣло положить по нѣскольку переводовъ, въ числѣ которыхъ всегда найдется одинъ или два — удачные. Такъ, напримѣръ, мы имѣемъ три перевода шекспирова «Гамлета» (Вронченки, Полеваго и Кронеберга) и двѣ передѣлки той же піэсы, *обработанныя для російскаго театра* Сумароковымъ и Висковатовымъ; пять переводовъ его «Макбета» (Вронченки, Кронеберга, Кетчера, Лихонина и Ротчева); три перевода «Фауста» Гёте (не считая странной передѣлки г. Овчинникова), сдѣланные Губеромъ, Вронченкою и Струговщиковымъ. «Манфредъ» Байрона переведенъ четыре раза; «Клавиго» Гёте — четыре раза (г. К.... (*), Струговщиковымъ, Кони и неизвѣстнымъ (**); драмы Шиллера: «Разбойники» переведены два раза (Сандуновымъ и Кетчеромъ); «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ» — два раза; «Донъ Карлосъ» — два раза (Лихони-

(*) Клавиго трагедія господина Гёте, переведена съ Нѣмецкаго К.... Въ С. Петербургѣ, 1780 года.

(**) «Сочиненія Гёте», выпускъ I.

нымъ и М. Достоевскимъ); «Вильгельмъ Телль»—два
раза (Ротчевымъ и Миллеромъ), и такъ далѣе. Что
же касается мелкихъ стихотвореній Шиллера, Гёте
и другихъ,—ихъ переводили еще усерднѣе. Такъ на-
примѣръ «Диѳирамбъ» и «Пѣснь Радости» Шиллера
и «Миньона» Гёте—имѣютъ по девяти переводовъ, а
шиллерова «Надежда» переведена двѣнадцать разъ.
Подъ нѣкоторыми изъ этихъ тридцати девяти перево-
довъ поименованныхъ мною стихотвореній встрѣчаются
имена: Жуковскаго, Губера, Тютчева, Дмитріева,
Фета, Мея, Струговщикова, Аксакова, Миллера и
Григорьева. Но такъ какъ эти переводы были помѣ-
щаемы въ разное время и во всевозможныхъ періоди-
ческихъ изданіяхъ, сборникахъ, альманахахъ и собра-
ніяхъ сочиненій разныхъ авторовъ, то и не удивитель-
но, что они прошли почти не замѣченными, а въ на-
стоящее время и вовсе не извѣстны публикѣ. Къ то-
му же подъ многими переводными статьями и мелкими
стихотвореніями даже не было означено, что они пе-
реводныя, вслѣдствіе чего переводы пошли за ориги-
нальныя произведенія и заслужили громкія похвалы
ихъ авторамъ - переводчикамъ.

Эти наблюденія навели меня на мысль—собрать, для
опыта, всѣ существующіе переводы лирическихъ сти-
хотвореній Шиллера, выбрать изъ нихъ лучшіе, а
остальные за тѣмъ перевести самому, при содѣйствіи
нѣкоторыхъ извѣстныхъ литераторовъ, уже давно за-
нимающихся переводами съ нѣмецкаго, и такимъ обра-
зомъ издать *всего Шиллера въ русскомъ переводѣ*.

Едва ли не болѣе всѣхъ другихъ иностранныхъ писателей посчастливилось у насъ Шиллеру, имя котораго пользуется блестящею извѣстностью въ русской словесности, благодаря прекраснымъ переводамъ сдѣланнымъ Жуковскимъ, Шевыревымъ, Тютчевымъ, Фетомъ, Миномъ, Меемъ и другими. Кто не читалъ и не восхищался превосходными шиллеровскими балладами, въ не менѣе превосходныхъ переводахъ Жуковского, полныхъ силы и движенія? Но многіе ли оцѣнили или даже подозрѣвали тѣ трудности, которыя долженъ былъ преодолѣть переводчикъ для достиженія такихъ блистательныхъ результатовъ? Будучи по преимуществу поэтомъ - переводчикомъ, Жуковскій переводилъ не все даже и изъ любимыхъ своихъ поэтовъ, но выбиралъ изъ нихъ только то, сочувствіе къ чему глубоко лежало въ его натурѣ, какъ ея свойство, ея особенность: Жуковскій переводилъ почти изъ всѣхъ писателей Германіи и Англіи, но любимымъ его поэтомъ былъ — Шиллеръ.

Впрочемъ, еще за-долго до появленія первыхъ переводовъ Жуковскаго, русская публика уже была отчасти знакома съ произведеніями Шиллера. Именно: въ 1793 году явилась въ свѣтъ его трагедія «Разбойники», въ переводѣ Сандунова; за тѣмъ, въ 1803 году, Гг. Г. и А. перевели «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ»; въ 1806 году Смирновъ напечаталъ въ Москвѣ свой переводъ трагедіи «Коварство и Любовь»; а въ слѣдующемъ году вышелъ первымъ изданіемъ мистическій романъ Шиллера Духовидецъ. Исторія взятая изъ

записокъ графа О***». Всѣ четыре перевода были прозаическіе. Что же касается стихотворныхъ переложеній, — первымъ опытомъ въ этомъ родѣ были переводы одного изъ слабѣйшихъ стихотвореній Шиллера «Lara am Klavier», выполненные Мерзляковымъ и Державинымъ. Оба эти перевода сдѣланы были почти въ одно время и помѣщены въ «Вѣстникъ Европы» на 1806 годъ. Не скажу ничего о достоинствѣ этихъ вольныхъ переложеній, освященныхъ именами пѣвца «Фелицы» и переводчика «Освобожденнаго Іерусалима», и снова перейду къ В. А. Жуковскому.

Кто не знаетъ, что большую часть своихъ стихотвореній Жуковскій перевелъ съ иностранныхъ языковъ, преимущественно съ нѣмецкаго? но вникните въ его переводы, и вы увидите, что такимъ переводчикомъ надо было родиться. «Его переводы», говоритъ П. А. Плетневъ, «вполнѣ равняются оригинальнымъ сочиненіямъ, какъ по свободному ихъ изложенію на русскомъ языкѣ, такъ и по силѣ дѣйствія ихъ на читателя. Самые извѣстные и болѣе другихъ уважаемые переводчики достигли только того, что со всею вѣрностію передавали на своемъ языкѣ значеніе подлинника; Жуковскій сообщилъ переводамъ своимъ жизнь и вдохновеніе оригиналовъ. Отъ того каждый переводъ его получалъ на нашемъ языкѣ цѣну и силу самобытнаго сочиненія» (*).

(*) Жизнь и Сочиненія Василія Андреевича Жуковскаго. П. А. Плетнева. стр. 5.

Первымъ переводомъ Жуковского изъ Шиллера былъ извѣстный романсъ: «Тоска по Миломъ» (Des Mädchens Klage), написанный имъ въ 1807 году, что видно изъ оглавленія, приложеннаго къ послѣднему (пятому) изданію его стихотвореній, и напечатанный въ слѣдующемъ году въ первомъ номерѣ «Вѣстника Европы», безъ подписи и означенія, что стихотвореніе переводное, какъ это обыкновенно дѣлалось въ то время. Романсъ имѣлъ огромный успѣхъ, былъ нѣсколько разъ перепечатанъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и собраніяхъ стихотвореній, и положенъ на музыку. Въ слѣдующемъ году Жуковскій перевелъ «Кассандру» и «Счастіе»; за ними послѣдовали: «Жалоба», «Желаніе», «Ивиковы Журавли», «Мечты» (Die Ideale), «Путешественникъ», «Голосъ съ Того Свѣта» (Thekla), «Графъ Габсбургскій», «Рыцарь Тогенбургъ», «Горная Дорога» (Berglied), «Орлеанская Дѣва», «Явленіе Боговъ» (Dithyramhe), «Къ Эммѣ», «Торжество Побѣдителей», «Поликратовъ Перстень», «Жалоба Цереры», «Кубокъ» (Der Taucher), «Перчатка», «Сраженіе съ Змѣемъ», «Судъ Божій» (Der Gang nach dem Eisenhammer) и «Элевзинскій Праздникъ».

Всѣ переводы Жуковского выполнены превосходно и въ высшей степени добросовѣстно. Такъ, напри-
мѣръ: «балладу Шиллера «Кубокъ», говоритъ Плетневъ (*), «онъ началъ переводить въ давнюю пору своего стихотворства. Но при самомъ началѣ онъ за-

(*) Idem, стр. 79.

мѣтилъ тогда, что переводъ его не можетъ сравниться съ подлинникомъ. Это и было причиною, что онъ оставилъ свой трудъ не оконченнымъ. Почувствовавъ наконецъ убѣжденіе, что нынѣ (*), послѣ столькихъ опытовъ, достаточно силъ его и искусства на достойное выполненіе ранняго предпріятія, онъ приступилъ къ дѣлу и кончилъ его прекрасно.»

Примѣръ Жуковского не остался безъ подражанія. Въ журналахъ стали появляться болѣе или менѣе удачные переводы шиллеровскихъ балладъ, пѣсенъ и другихъ мелкихъ стихотвореній, съ именами: Шевырева, Дмитріева, Калачевского, Милонова, Мансурова, Писарева, Востокова, Покровскаго и другихъ. Конечно, успѣхъ не всегда соотвѣтствовалъ усиліямъ переводчиковъ, рѣшавшихся знакомить русскую публику съ превосходными произведеніями великаго германскаго поэта; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не поблагодарить, по крайней мѣрѣ, за доброе намѣреніе. Особеннымъ радушіемъ къ помѣщенію на своихъ страницахъ переводовъ изъ Шиллера, отличались — московскіе журналы: «Вѣстникъ Европы», «Атеней», «Московскій Вѣстникъ», «Галатея», «Московскій Телеграфъ» и «Телескопъ» и петербургскій — «Славянинъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ они стали помѣщать цѣлые трактаты о сочиненіяхъ Шиллера (**), его біографіи (***), отрыв-

(*) Въ 1829 году.

(**) «Московскій Телеграфъ», 1827, ч. XIII, стр. 56, и ч. XIV, стр. 283.

(***) Idem, ч. XV, стр. 5.

ки изъ его трагедій и историческихъ сочиненій, критическія и даже полемическія статьи, какъ напримѣръ: «Нѣсколько словъ о критикахъ на переводы Шиллера и Гёте на русскій языкъ» (*), напечатанныя на 23 страницахъ, и отвѣтъ на эти *нѣсколько словъ*, съ подписью М. Л — нъ (**). Однимъ словомъ, рѣдкій номеръ каждаго изъ поименованныхъ мною журналовъ двадцатыхъ годовъ обходился безъ чего нибудь Шиллеровскаго, потому что почти каждый поэтъ считалъ обязанностію перевести что нибудь изъ Шиллера, или хотя упомянуть о немъ. Критики и теоретики наперывъ старались объяснить, или, вѣрнѣе, постигнуть великаго поэта, и, каковы бы ни были ихъ изслѣдованія, а выводъ былъ всегда одинъ и тотъ же, что Шиллеръ — великій, истинный поэтъ! Такъ утвердилось у насъ мнѣніе объ одномъ изъ самыхъ блистательныхъ явленій, не только въ нѣмецкой, но и во всѣхъ литературахъ.

Обозрѣвая литературную дѣятельность двадцатыхъ годовъ, по части переводовъ, нельзя не обратить особеннаго вниманія на переводы С. П. Шевырева, отличающіеся замѣчательною близостію къ подлиннику, бойкостью и гладкостью стиха, чѣмъ не могутъ похвалиться переводчики того времени, и, что всего важнѣе, усвоеніемъ и передачею самаго духа переводимыхъ имъ стихотвореній. Въ этомъ отношеніи пользуется осо-

(*) «Атеней», 1829, ч. IV, стр. 289.

(**) Idem, стр. 513.

бенною извѣстностью его переводъ «Die Grösse der Welt» (Безпредѣльность), изъ Шиллера. Не смотря на то, что надъ нимъ тяготѣетъ почти тридцати-лѣтняя давность, онъ до сихъ поръ поражаетъ читателя чистотою языка и, въ особенности, торжественною звучностью стиха, далеко оставляющею за собою всѣ новѣйшія попытки къ переводу помянутаго стихотворенія.

Съ этого времени сочувствіе къ поэтическимъ произведеніямъ Шиллера стало обнаруживаться замѣтнѣе. Въ 1829 году А. Ротчевъ перевелъ его трагедіи: «Мессинскую Невѣсту» и «Вильгельма Телля»; Н. Х. Кетчеръ, издалъ въ Москвѣ «Разбойниковъ» и «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ»; А. А. Шишковъ напечаталъ, въ 1831 году, въ «Избранномъ Нѣмецкомъ Театрѣ» три трагедіи его: «Пикколомини», «Смерть Валленштейна» и «Марію Стюартъ»; а М. Н. Лихонинъ перевелъ «Донъ Карлоса». Даже стали появляться переводчики, посвящавшіе свои труды, почти исключительно, Шиллеру. Такъ напримѣръ, А. П. Глинка перевела около двадцати его стихотвореній, и, въ томъ числѣ, капитальную піэсу «Пѣснь о Колоколѣ», въ которой философическія идеи соединяются съ вдохновеніемъ. Этотъ переводъ одного изъ лучшихъ произведеній Шиллера, отличающійся замѣчательною близостью къ подлиннику, изданъ былъ, въ 1832 году, отдѣльною брошюрой, и былъ встрѣченъ единодушными похвалами журналовъ.

За тѣмъ, около 1840 года, стали появляться въ журналахъ (преимущественно въ «Отечественныхъ За-

пискахъ ») переводы А. Н. Струговщикова, и, въ короткое время, снискали ему вполне заслуженную известность. Но, къ сожалѣнію, въ послѣдствіи онъ началъ, мало по малу, удаляться въ своихъ переводахъ отъ подлинника и незамѣтно изъ переводчика сталъ подражателемъ, въ чемъ сознается самъ, въ предисловіи къ изданному имъ «Собранію стихотвореній, заимствованныхъ у Гёте и Шиллера»:

«Стараясь», говоритъ онъ, «оставаться вѣрнымъ подлиннику въ поэзіи повѣствовательной и драматической, не допускающей произвола и исключаящей, такъ сказать, въ переводчикѣ всякое творчество, я не могъ и не хотѣлъ покоряться тому же условію, когда вступалъ въ очаровательную область лиризма. Убѣжденіе, что для произведеній лирической поэзіи переводовъ не существуетъ, примирило меня съ чувствомъ ответственности передъ лицомъ геніевъ, избранныхъ мною въ руководители. Здѣсь, забывая и отбрасывая иногда подробности, я былъ напутствуемъ одними главнѣйшими впечатлѣніями подлинника: такъ иногда воспоминанія дѣйствуютъ на душу сильнѣе самыхъ явленій» (*).

Въ 1840 году, вышелъ въ свѣтъ «Лирическій Пантеонъ» А. А. Фета, въ составъ котораго вошли три первые его перевода изъ Шиллера: «Вечеръ», «Надежда» и «Диѳирамбъ». За тѣмъ, въ тридцать пятомъ томѣ «Отечественныхъ Записокъ», помѣщенъ

(*) Собраніе Стихотвореній А. Струговщикова, заимствованныя у Гёте и Шиллера. стр. I.

былъ его художественный переводъ «Семелы»; а въ девяносто третьемъ томѣ того же журнала — также весьма хорошій переводъ небольшой піэсы Шиллера «Къ цвѣтамъ», сдѣланный имъ для моего изданія, о чемъ, въ свое время, было упомянуто въ одномъ изъ «Писемъ Иногороднаго Подписчика» (*).

Черезъ годъ послѣ изданія въ свѣтъ первыхъ стихотвореній Фета, стали появляться въ «Москвитянинѣ» шиллеровскіе переводы О. Б. Миллера, а въ 1849 году вышли отдѣльною книжкою, вмѣстѣ съ другими переводными и оригинальными стихотвореніями, и были встрѣчены большею частью нашихъ журналовъ довольно благосклонно, при чемъ въ «Москвитянинѣ» (**) было сказано, что «стихъ г. Миллера плавень, струистъ, безъ подводныхъ камней и пороговъ, и очень удачно перенесъ на волнахъ своихъ въ Русь произведенія Шиллера...»; а въ «Отечественныхъ Запискахъ» (***) было справедливо замѣчено, что «стихи переводовъ вообще хороши, если отвлечь вниманіе отъ стиховъ подлинника. Они отличаются плавностью, музыкальностью, свободою оборотовъ: видно, что устройство стиха для г. Миллера дѣло привычное, усвоенное, видно, что дѣло боится мастера. Но когда начнешь сличать переводъ съ оригиналомъ, тогда нельзя удовлетвориться исчисленными качествами стиха, и,

(*) «Современникъ», 1854, т. XLIV, отд. V, стр. 104.

(**) 1849 г. № X, кн. 2, отд. IV, стр. 44.

(***) 1849 г., т. LXIV, отд. VI, стр. 101.

дорожа правдою, замѣтишь, что нѣкоторыя піэсы, вѣрныя въ буквальный смыслъ, не напоминаютъ того впечатлѣнія, какое онѣ производятъ въ подлинникѣ, а другія и переданы не совсѣмъ вѣрно.» Съ 1845 года, то есть со времени напечатанія послѣдняго перевода шиллеровскаго стихотворенія «Геркуланумъ и Помпеи», г. Миллеръ въ продолженіе восьми лѣтъ не принимался за Шиллера; и только въ 1853 году напечаталъ въ «Москвитянинѣ» два новыхъ перевода изъ этого писателя: «Жалоба Цереры» и «Фридолинъ» (*Der Gang nach dem Eisenhammer*), въ которыхъ нельзя не замѣтить огромнаго шага впередъ, особенно въ усвоеніи духа переводимыхъ имъ стихотвореній, изъ которыхъ первое можно смѣло назвать неукоризненнымъ.

Кромѣ того, надъ переводами мелкихъ стихотвореній Шиллера трудились: Козловъ, Дмитріевъ, Губеръ, Тютчевъ, К. Аксаковъ, Ободовскій, Шкляревскій, Павлова, Алексѣевъ, Мейснеръ, Михайловъ, Гаевскій, Мей, Григорьевъ, Крешевъ, Лялинъ, Минъ, Данилевскій, Яхонтовъ, Алферьевъ, и многіе другіе. Разсматривая стихотворныя переложенія поименованныхъ поэтовъ, нельзя не обратить особеннаго вниманія на прекрасные переводы: «Поминокъ» (*Das Siegesfest*) и «Пѣсни Рыбака» (изъ Вильгельма-Телля)—Тютчева; «Вечера», «Прощанія Гектора», «Амаліи», «Ожиданія» и «Альпійскаго стрѣлка»—Мея, «*Resignation*»—Данилевскаго, сдѣланнаго имъ для моего изданія и помѣщеннаго здѣсь въ первый разъ, «Идеаловъ»—Лялина, также напечатаннаго здѣсь въ первый

разъ, «Водолаза» — Алексѣева, «Покорности Провидѣнію» (Resignation) — Дмитріева, напечатанное въ предлагаемомъ изданіи въ исправленномъ видѣ, «Безпредѣльности» и «Надовесскаго Похороннаго Плача» — Михайлова, и, въ особенности, «Пѣсни о Колоколѣ» и «Группы изъ Тартара» — Мина, напечатанныхъ въ моемъ изданіи въ первый разъ.

Предпринявъ изданіе «Лирическихъ Стихотвореній Шиллера въ Русскомъ Переводѣ», я предположилъ помѣстить въ своемъ собраніи всѣ лучшія стихотворныя переложенія изъ этого писателя, не ограничивая числа переводовъ одного и того же стихотворенія, хотя бы ихъ было три, четыре и болѣе, а объ остальныхъ упомянуть въ особой библіографической статьѣ, съ подробнымъ означеніемъ мѣста ихъ первоначальнаго напечатанія и перепечатанія въ другихъ изданіяхъ. Здѣсь же положилъ я помѣстить и лучшія подражанія стихотвореніямъ Шиллера.

Съ этою цѣлью я пересмотрѣлъ всѣ наши журналы, сборники и альманахи съ 1800 по 1856 годъ включительно, и почти всѣ существующія собранія сочиненій переводовъ и стихотвореній разныхъ авторовъ, что составило слишкомъ 9000 томовъ, и сдѣлалъ необходимыя выписки.

Приложенный списокъ всѣхъ существующихъ переводовъ изъ Шиллера на Русскомъ языкѣ составленъ мною въ томъ порядкѣ, въ какомъ помѣщены самые переводы въ предлагаемомъ изданіи. При означеніи переводовъ принята мною ниже-слѣдующая форма, отъ кото-

рой я старался не уклоняться по возможности. Именно: въ началѣ помѣщена фамилія переводчика, далѣе, въ скобкахъ, заглавіе перевода и отмѣтка: означено ли или не означено, что стихотвореніе переведено изъ Шиллера, далѣе слѣдуетъ названіе изданія, гдѣ переводъ былъ помѣщенъ первоначально и гдѣ потомъ былъ перепечатанъ, съ подробнымъ означеніемъ года, тома, отдѣла и страницы, и если стихотвореніе является здѣсь въ исправленномъ видѣ, или въ первый разъ, то слѣдуетъ отмѣтка, что переводъ исправленъ, или переведенъ вновь.

СПИСОКЪ

РУССКИХЪ ПЕРЕВОДОВЪ ЛИРИЧЕСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ШИЛЛЕРА.

ГИМНЫ И ОДЫ.

I.

МОГУЩЕСТВО ПѢСНОПѢНІЯ.

1. С. ШЕВЫРЕВА (Сила Пѣснопѣнія, безъ означенія, что подражаніе). «Сочиненія въ Прозѣ и Стихахъ», 1825, ч. V, стр. 285. Двѣ первыя и послѣдняя строфы переведены, а третья и четвертая замѣнены пятью собственными строфами.
2. П. ТЕРЯЕВА (Idem, изъ Шиллера). «Благонамѣренный», 1819, ч. VII, стр. 135.
3. П. ШКЛЯРЕВСКАГО (Могущество Пѣснопѣнія, изъ Шиллера). «Стихотворенія П. Шкляревскаго» (1834), стр. 54.
4. В. РОМАНОВИЧА (Idem). «Стихотворенія В. Романовича» (1832), стр. 149.
5. А. ГЛИНКИ (Idem). «Москвитянинъ», 1844, ч. I, N° I, стр. 19.

6. Н. ГЕРБЕЛЯ (Idem). «Современникъ», 1853, т. XXXVII, отд. I, стр. 329. *Здѣсь стихотвореніе это напечатано въ исправленномъ видѣ.*
7. А. СТРУГОВЩИКОВА (Сила Пѣснопѣнія, изъ Шиллера). *Подражаніе это напечатано здѣсь въ первый разъ:*

СИЛА ПѢСНОПѢНІЯ.

Дебрю , ущельемъ , изъ груди камней ,
Съ горной вершины несется ручей :
Юноша , въ сладкомъ раздумѣ , внимаетъ
Шумнымъ потокамъ ручья , но не знаетъ
Гдѣ ихъ источникъ . Такъ пѣсни валы
Дружно , согласно текутъ чередою . . .
Сердце отрадно наполнять собою , —
Сердце жъ не знаетъ откуда они . . .
Онъ же , чарующій ключъ пѣснопѣнья ,
Бьетъ изъ невѣдомыхъ нѣдоръ творенья !

Грозныя Парки въ союзѣ съ пѣвцомъ !
Все увлекая своимъ волшебствомъ ,
Онъ , какъ наперстникъ таинственный неба ,
Править по волѣ сердцами людей :
То погружаетъ ихъ въ царство тѣней ,
То ихъ уноситъ въ святилище Оеба .
Другъ размышленья , товарищъ искусствъ ,
Пѣснью смиряя волненіе чувствъ ,
Онъ , какъ младенцевъ грудныхъ въ колыбели ,
Ихъ ублажаетъ подъ звуки свирѣли .

Шумной ватагой семья веселится , —
Въ домѣ довольство , и счастливъ старикъ . . .
Смерть неожиданно въ двери стучится , —
И семьянинъ головою поникъ .
Такъ , если въ струны пѣвецъ ударяетъ ,
Онъ , вопіющій о правдѣ святой ,
Маску съ души лицомѣра срываетъ ,
Иль — умиленно-звонящей струной —

Съ нами заплачетъ надъ ранней могилой,
Вѣщій глашатай невѣдомой силы!

Суетны клики и мелкое чувство
Молкнуть предъ гимномъ струны золотой:
Люди, мы лучше, и чудо искусства
Чудо творить, мы во власти святой:
Слухомъ витая въ пространствахъ небесныхъ,
Силою слова — мы равны богамъ;
Вживѣ мы жизнью живемъ безтелѣсныхъ,
Внемля пѣвца вдохновеннымъ словамъ.
Скорби, тревога, душевная мука —
Все потонуло въ гармоніи звука.

Долгой и тяжелой разлукой убить,
Сердцемъ заслышавъ святое признанье,
Сынъ непокорный, въ слезахъ покаянья,
Къ матери нѣжной въ объятья спѣшитъ:
Братья, не такъ ли бѣглець изъ далѣка,
Звуки услышавъ свирѣли родной,
Чуждый предѣлъ оставляетъ до срока,
Родину кличетъ и рвется душой:
Есть, есть какая то чудная сила
Въ пѣсняхъ, что родина наша сложила.

А. Струговщиковъ.

II.

БЕЗПРЕДѢЛЬНОСТЬ ВСЕЛЕННОЙ.

1. С. Шевырева (Безпредѣльность, изъ Шиллера)
«Московскій Вѣстникъ», 1827, ч. III, N° XII,
стр. 314; перепечатана въ «Литературныхъ При-
бавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», 1833, N° 96,
стр. 767, и во всѣхъ шести изданіяхъ «Полной
Русской Хрестоматіи А. Галахова».

2. П. Ободовскаго (Величіе Міра, подражаніе Шиллеру). «Сѣверные Цвѣты», 1827, отд. II, стр. 330.
3. А. Струговщикова (Величіе Вселенной, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 14.
4. М. Михайлова (Безпредѣльность, изъ Шиллера). «Библіотека для Чтенія», 1855, т. СХХІХ, отд. I, стр. 145.

III. СЧАСТІЕ.

В. Жуковскаго (Счастіе, изъ Шиллера). «Вѣстникъ Европы», 1809, ч. XLVII, № 19, стр. 191; перепечатано, безъ означенія, что переводъ, въ «Собраніи Образцовыхъ Русскихъ Сочиненій» (1822), ч. VI, стр. 188, и во всѣхъ изданіяхъ «Стихотвореній Жуковскаго», изъ которыхъ въ III и послѣднемъ (V) съ означеніемъ, что піеса переводная.

IV.

ВЕЧЕРЬ.

(Der Abend. Nach einem Gemälde.)

1. С. Шевырева (Вечерь, изъ Шиллера). «Сѣверные Цвѣты», 1826, стр. 90.

2. Неизвѣстнаго (Idem). «Вѣнокъ Грацій», 1829, стр. 41.
3. К. Аксакова (Idem) «Московскій Наблюдатель», 1839, т. I, стр. 12.
4. А. Фета (Idem). «Лирическій Пантеонъ» (1840), стр. 94.
5. Л. Мвѣя (Idem). «Москвитянинъ», 1849, № XI, отд. I, стр. 72.
6. А. Яхонтова (Idem). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*
7. А. Струговщикова (Закать, изъ Шиллера). *Подражаніе это помѣщено здѣсь въ первый разъ:*

ЗАКАТЬ.

Вызжена зноемъ поляна;

Люди томятся и жаждутъ:

Сойди съ колесницы,

Богъ лучезарный, сойди!

Зеба встрѣчаетъ Зеида;

Вожжи въ рукахъ Купидона . . .

Усталые кони

Тонутъ въ студеныхъ волнахъ.

Ночь невидимкой нисходитъ,

Съ нею любовь и блаженство . .

Любите, покойтесь —

Любящій Зебъ опочилъ.

А. Струговщиковъ.

V.

НЕПОБѢДИМЫЙ ФЛОТЪ.

(Die unüberwindliche Flotte. Nach einem ältern Dichter.)

В. ГЛАВСКАГО (Непобѣдимый флотъ, изъ Шиллера).
«Библиотека для Чтенія», 1843, т. LVIII, отд.
I, стр. 121. *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь
въ исправленномъ видѣ.*

VI.

ДИОИРАМБЪ.

1. Вильгельма (Диѳирамбъ, безъ означенія, что переводъ). «Сынъ Отечества», 1817, ч. XLI, № XLII, стр. 152.
2. В. Жуковскаго (Явленіе Боговъ, безъ означенія, что переводъ). «Славянинъ», 1827, ч. III, стр. 269. *Переводъ этотъ не былъ помѣщенъ ни въ одномъ изъ собраній «Стихотвореній Жуковскаго», и даже пропущенъ въ списокъ произведеній Жуковскаго, составленномъ г. Тихонравовымъ и приложенномъ къ рѣчи г. Шевырева: «О значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи» (*).*
3. В. К. К—ма (Диѳирамбъ, изъ Шиллера). «Астраханская Флора», 1827, стр. 85.

(*) «Москвитянинъ», 1853, № II, отд. I стр. 156.

4. В. ПЕЧЕРИНА (Idem). «Сынъ Отечества», 1831, т. XIX, стр. 57.
5. А. Глинка (Idem). «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1834, № 31, стр. 247.
6. А. ФЕТА (Idem). «Лирическій Пантеонъ» (1840), стр. 98. *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.*
7. А. СТРУГОВЩИКОВА (Олимпійскіе Гости, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова», (1845), стр. 33.
8. В. АЛФЕРЬЕВА (Диѳирамбъ, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*
9. М. МИХАЙЛОВА (Idem). «Отечественныя Записки», 1855, т. CI, отд. I, стр. 316.

ОЛИМПІЙСКІЕ ГОСТИ.

Румяный Вакхъ
Не пьетъ одинъ!
Съ нимъ Галатея
Кудрявый сынъ,
И Немезиды
Младая дочь,
И богъ Киприды
Стучится въ дверь!
И входитъ толпою
Безсмертныхъ семья,
И рѣчи со мною
Заводитъ она.

Но чѣмъ угощу я
Небесныхъ гостей?

О, боги! я бѣденъ,
Такъ вы наградите —

Вы только безсмертьемъ
Меня надѣлите:
На выси Олимпа
Несите скорѣй!

Радость небесная
Съ вами живѣтъ,
И нектора сладость
Лишь равный вамъ пьетъ!

— Поэту, Геба,
Напѣнь бокаль,
Что бѣ равнымъ Зевсу
Себя считалъ!
Увлажь его очи
Небесной росой,
Что бѣ грознаго Стикса
Не зрѣлъ предъ собой!

Струится, играетъ
Златое вино —
И жажда стихаетъ,
И око свѣтло!

А. Струговщниковъ.

VII.

RESIGNATION.

1. М. ДМИТРІЕВА (Покорность Провидѣнію, изъ Шиллера). «Уранія», 1826, стр. 236; перепечатана въ «Стихотвореніяхъ М. Дмитріева», (1830), ч. I, стр. 149. *Здѣсь стихотвореніе это напечатано въ исправленномъ видѣ.*
2. нъ (Всепопреданность, изъ Шиллера). «Галатея», 1829, т. VI, стр. 223.
3. Э. ГУБЕРА (Безъ заглавія и въ прозѣ, но съ означеніемъ, что переводъ). «Библіотека для Чтенія», 1844, т. LXIII, отд. V, стр. 19.

4. Г. Данилевскаго (Resignation, изъ Шиллера).
*Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ первый
разъ.*

VIII.

ИДЕАЛЫ.

1. М. Милонова (Къ юности, подражаніе шиллеровымъ Идеаламъ). «С. Петербургскій Вѣстникъ», 1812, ч. I, стр. 161; перепечатано въ «Сатирахъ М. Милонова» (1819), стр. 35, и въ «Сочиненіяхъ Милонова» (1849), стр. 33, но уже безъ означенія, что подражаніе.
2. П. Шапочникова (Мечтанія, изъ Шиллера). «Чтеніе въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова» (1812), ч. VII, стр. 38.
3. В. Жуковскаго (Мечты, безъ означенія, что переводъ). «Вѣстникъ Европы», 1813, ч. LXX, № 14, стр. 81; перепечатаны въ «Собраніи Образцовыхъ Русскихъ Сочиненій» (1821), ч. II, стр. 215, и во всѣхъ изданіяхъ «Стихотвореній Жуковскаго», изъ которыхъ въ III и V, съ означеніемъ, что піеса переведена изъ Шиллера.
4. В. А...д...ова (Идеалы, изъ Шиллера). «Сѣверная Лира», 1827, стр. 241.
5. И. Петрова (Idem) «Стихотворенія И Петрова» (1833), стр. 20.
6. К. Аксакова (Idem). «Московскій Наблюдатель», 1838, т. XVI, стр. 543.

7. А. Глинки (Idem). «Одесскій Альманахъ», 1839, стр. 228.

8. А. Струговщикова (Idem). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

9. В. Лялина (Idem). *Переводъ этотъ также помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

IX.

ЧЕТЫРЕ ВѢКА.

(Die vier Weltalter.)

1. С. ШЕВЫРЕВА (Четыре вѣка, изъ Шиллера). «Московскій Вѣстникъ», 1827, ч. I, стр. 164; перепечатаны въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», 1833, № 102, стр. 814.

2. Н. КОЛАЧЕВСКАГО (Idem). «Галатея», 1829, ч. VII, стр. 91.

3. Н. КОНШИНА (Idem). «Маякъ», 1841, т. XIX, стр. 25.

X.

НАЧАЛО НОВАГО ВѢКА.

1. А. Глинки (Начало Новаго Вѣка, изъ Шиллера). «Москвитянинъ», 1842, ч. I, № 1, стр. 15.

2. Э. ГУБЕРА (Безъ заглавія и въ прозѣ, но съ означеніемъ, что переводъ). «Библіотека для Чтенія», 1844, т. LXIII, отд. V, стр. 34.

3. В. Курочкина (Idem). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

Что бы дать нѣкоторое понятіе о вѣрности переводовъ А. П. Глики, помѣщаю здѣсь, для сличенія, подстрочный прозаическій переводъ покойнаго Губера:

Благородный другъ! гдѣ найдутъ себѣ убѣжище миръ и свобода? Въ буряхъ кончился вѣкъ протекшій, и смертию являетъ себя новый вѣкъ.

Разорваны связи между народами, сокрушились прежнія формы, и бѣшенства войны не смирili ни океанъ, ни богъ Нила, ни древній Рейнъ.

Два могучіе народа спорятъ о владычествѣ надъ міромъ, и двигаютъ молніями и трезубцомъ, уничтожая свободу всѣхъ другихъ народовъ.

Всѣ должны нести имъ золото, и, какъ древле Бреннъ, Франкъ кладетъ булатный мечъ свой на вѣсы справедливости.

Торговые флоты свои простираетъ по всюду Британецъ, какъ могучій полицъ, и область свободной Амфитриды хочетъ замкнуть, какъ замкнулъ свое царство.

До безвѣстныхъ звѣздъ южнаго полюса простираетъ онъ набѣгъ, захватываетъ острова и побережья, и—ни гдѣ не находитъ рая.

Ахъ! тщетно на картѣ земли будешь ты искать счастливой страны, гдѣ были бы вѣчно зеленѣющіе сады радости и продолжалась прекрасная юность человѣчества.

Безконечно разстилается передъ тобою міръ, и едва можетъ самое мореплаваніе измѣрять его; но на его неизмѣримой поверхности нѣтъ мѣста и десяти счастливымъ.

Въ святое уединеніе сердца долженъ ты бѣжать отъ волненій міра! Радость осталась только въ области мечтаній, а прекрасное цвѣтетъ только въ пѣснопѣніяхъ.

XI.

С Л О В А В Ъ Р Ы.

1. А. Востокова (Три Слова, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Востокова» (1821), стр. 204.
2. А. Струговщикова (Idem). «Стихотворенія А. Струговщикова», (1845), стр. 7.

XII.

С Л О В А З А Б Л У Ж Д Е Н І Я.

- А. Струговщикова (Три Заблужденія, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 91.

XIII.

Н А Д Е Ж Д А.

1. П. Политковскаго (Надежда, изъ Шиллера). «Благонамѣренный» 1818, ч. I, стр. 285.
2. М. Дмитріева (Idem). «Вѣстникъ Европы» 1820, ч. CXI, стр. 247; перепечатана въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности» (1820), т. XVIII, отд. II, стр. 67; въ «Собраніи Образцовыхъ Русскихъ Сочиненій» (1821), т. I, стр. 330; въ «Сынѣ Отечества», 1821, ч. LXVIII, № XII, стр. 227; и въ «Стихотвореніяхъ М. Дмитріева» (1830), ч. I, стр. 91.

3. Н. К — я (Idem). «Вѣстникъ Европы», 1829, ч. VI, № 24, стр. 330.
4. Э. ГУБЕРА (Idem). «Телескопъ», 1831, ч. VI, стр. 42. *Переводъ этотъ не вошелъ въ «Собраніе Стихотвореній Губера».*
5. Ф. (Idem). «Молва», 1833, т. V, № 109, стр. 433.
6. А. МЕЙСНЕРА (Idem). «Стихотворенія А. Мейснера» (1836), стр. 173.
7. А. ФЕТА (Idem). «Лирическій Пантеонъ» (1840), стр. 96. *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.*
8. О. МИЛЛЕРА (Idem). «Москвитянинъ» 1841, ч. V, № 10, стр. 339; перепечатано въ «Стихотвореніяхъ О. Миллера» (1849), стр. 7.
9. НЕИЗВѢСТНАГО (Idem). «Маякъ», 1842, т. III, стр. 14.
10. И. БОЧАРОВА (Idem). «Стихотворенія И. Бочарова» (1842), стр. 38.
11. А. СТРУГОВЩИКОВА (Idem). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 16.
12. А. ГРИГОРЬЕВА (Idem). «Стихотворенія А. Григорьева» (1846), стр. 47.

XIV.

ПѢСНЬ О КОЛОКОЛѢ.

1. А. Глинки (Пѣснь о колоколѣ, твореніе Шиллера. Москва, 1832).

2. А. Давыдова (Пѣснь о Колоколѣ, изъ Шиллера). «Москвитянинъ», 1850, № X, отд. I, стр. 69.
3. Д. Мина (Idem). *Этотъ переводъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*
Кромѣ того мы имѣемъ еще три отрывка изъ «Пѣсни о Колоколѣ»; вотъ они:
4. С. Шевырева (Отрывокъ изъ шиллеровской «Пѣсни о Колоколѣ»). «Вѣнокъ Грацій», 1829, стр. 138, (отъ стиха: «Weh', wenn sich in dem Schooss der Städte», до «Und äschert Städt' und Länder ein»).
6. П. Оводовскаго (Отрывокъ изъ «Пѣсни о Колоколѣ» Шиллера). «Литературная Газета», 1830, т. I. стр. 213; перепечатанъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», 1835, ч. XVII, № 48, стр. 382, (отъ стиха: «Denn mit der Freude Feierklänge», до «Die schöne Zeit der jungen Liebe»).
6. К. Павловой (безъ заглавія, но съ означеніемъ, что переводъ). «Двойная жизнь, Очеркъ К. Павловой. Москва. 1848». Стр. 45, (отъ стиха: «Und diess sey fortan ihr Beruf», до «Dass alles Irdische verhallt»).

I.

Веселый колокола звонъ
Младенца милаго встрѣчаетъ,
Когда впервые жизни сонъ
Его крылами осыняетъ.
Еще изъ урны роковой

Не вылеталъ удѣлъ его земной;
И мать въ сладостномъ покоѣ
Хранить младенца въ утро золотое.
Лѣта уносятся стрѣлой —
И отрокъ съ пылкою душой,
Соскучась, рвется отъ подруги,
Дѣлившей съ нимъ младенчества досуги...
И, съ легкимъ посохомъ въ рукѣ,
Онъ странствуетъ отъ милыхъ вдалекѣ.
И вотъ, въ пути неутомимый,
Неузнанный, приходитъ въ домъ родимый:
И въ полномъ блескѣ красоты,
Румянцемъ дѣвственнымъ пылая,
Предъ нимъ стоитъ подруга молодая,
Какъ ангелъ съ горней высоты.
Вотъ безыменныя желанья
Волнуютъ юношу: одинъ блуждаетъ онъ,
И слезы льетъ, и, въ думу погруженъ,
Бѣжитъ изъ шумнаго товарищей собранья.
Онъ за возлюбленной идетъ, краснѣя, въ слѣдъ:
Блаженство для него одинъ ея привѣтъ!
И лучшіе цвѣты съ луговъ онъ собираетъ,
И трепетной рукой
Онъ розы алыя вплетаетъ
Въ густые локоны подруги молодой.
О, страсти пылъ! надежды сладость!
Златое время первыя любви!
Эдемъ отверстъ очамъ, въ душѣ и грусть и радость,
И пламень сладостный въ крови!
Когда бъ для насъ сіяли вѣчно
Златые дни любви сердечной!

П. Ободовскій.

II.

И будь отнынѣ таковъ
Предназначеніе ево.
Тамъ — средь небеснаго объѣма,
Высоко надъ землею взнесенъ,
Пусть плаваетъ, сосѣдомъ грома,
И съ міромъ звѣздъ граничитъ онъ.

Пусть будетъ свѣше гласъ священной,
Какъ всѣхъ созвѣздій хороводъ;
Пусть славить онъ Творца вселенной,
И щедрый провожаетъ годъ.
Лишь то, что свято, что всевластно,
Гласи онъ мѣднымъ языкомъ;
О мимолетномъ, ежечасно,
Пусть время бьетъ въ него крыломъ.
Да будетъ онъ глаголомъ рока,
Надъ всѣмъ безчувственно стоя,
И возвѣщаетъ издалѣка
Игру земнаго бытія.
И, поражая быстротечно
Могучимъ звукомъ насъ съ высотъ,
Да учитъ онъ, что все не вѣчно,
Что все подлунное пройдетъ.

К. Павлова.

ПѢСНИ И РОМАНСЫ.

I.

ПРОЩАНІЕ ГЕКТОРА.

1. Н. Тютчева (Гекторъ и Андромаха, изъ Шиллера). «Сочиненія въ Прозѣ и Стихахъ» (1822), ч. II, стр. 204.
2. М. Михайлова (Прощаніе Гектора, изъ Шиллера). «Сынъ Отечества», 1847, № III, отд. III, стр. 2. *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.*
3. В. Зотова (Безъ заглавія, съ означеніемъ, что по-

дражаніе). «Пантеонъ», 1853, т. VIII, N° III, (Петербургскій Вѣстникъ), стр. 5.

4. Л. Мѣя (Прощаніе Гектора, изъ Шиллера). «Отечественныя Записки», 1855, т. С, отд. I, стр. 103. *Стихотвореніе это переведено для моего изданія.*

ПРОЩАНІЕ ГЕКТОРА.

« На всегда меня мой Гекторъ покидаетъ!
Онъ туда спѣшитъ, гдѣ тризну совершаетъ
По убитомъ другъ горестный Ахиллъ.
Кто жъ защитой будетъ дѣтямъ отъ злодѣевъ,
Если грозный, кровожадный сынъ Пелеевъ
Умертвитъ того, кто больше всѣхъ мнѣ милъ? »

— Не рыдай, мой другъ, отри слезу печали!
Храбрость, силу мнѣ и твердость боги дали, —
И они однѣ спасаютъ Иліонъ.
Кто умретъ, свою отчизну защищая,
Ждетъ того въ Элизіумѣ жизнь благая, —
И изъ смертныхъ всѣхъ счастливѣй будетъ онъ. —

« Удержать тебя ни разу не старалась,
Если въ бой ты шелъ — въ душѣ я восхищалась;
Но сегодня вѣщій сонъ страшитъ меня:
Истребится родъ царя Пріама славный,
Онъ погибнетъ самъ въ семьѣ своей державной, —
Вотъ что видѣла во снѣ и въ грезахъ я. »

— Не тревожь себя мечтой пустаго страха,
Не забудь, мой милый другъ, — ты Андромаха!
Будь достойною подругою моею.
Боги Гектора супругу не оставляютъ;
Люди память въ битвѣ павшаго прославятъ, —
Будетъ помнить міръ меня до позднихъ дней. —

« Грусть злодѣйка Андромахи сердце гложитъ,
Гекторъ мой! меня и смерть твоя тревожитъ,

И что въ Летѣ вся любовь умретъ твоя.
О, возьми меня изъ города съ собою —
Пусть паду на полѣ битвы я съ тобою,
Пусть въ Аидѣ сойду съ героемъ вмѣстѣ я. »

— Нѣтъ! одинъ съ врагами я иду сражаться!
Ты должна съ Пріамомъ горестнымъ остаться, —
Утѣшать, когда онъ духомъ упадетъ.
Шлемъ и щитъ! . . Вдали я слышу шумъ сраженья
Въ Летѣ всѣ мои потонутъ помышленья,
Но любовь моя и въ Летѣ не умретъ! —

В. Зотовъ.

II.

ДѢВА ИЗЪ ЧУЖБИНЫ.

1. Нечаева (Странница, изъ Шиллера). «Сочиненія въ Прозѣ и Стихахъ» (1825), ч. V, стр. 289.
2. И. Виламова (Дѣвица изъ Чужбины, изъ Шиллера). «Сынъ Отечества», 1820, ч. LXVI, стр. 128
3. П. Межакова (Чудесная Гостя, изъ Шиллера). «Славянинъ», 1827, ч. IV, стр. 298; перепечатана въ «Стихотвореніяхъ П. Межакова» (1828), стр. 156.
4. В. Печерина (Чужеземная Дѣва, изъ Шиллера). «Сынъ Отечества», 1831, т. XVIII, стр. 309.
5. П. Шкляревскаго (Дѣва изъ Чужбины, изъ Шиллера). «Стихотворенія П. Шкляревскаго» (1831), стр. 23.
6. А. Глинки (Явленіе Дѣвы, изъ Шиллера). «Ли-

тературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1834, N° 32, стр. 255.

7. М. Меркли (Дѣва изъ Чужбины, изъ Шиллера). «Стихотворенія М. Меркли» (1837), стр. 35.
8. Н. Гербеля (Незнакомка, изъ Шиллера). «Отечественныя Записки», 1854, т. ХСVII, отд. I, стр. 217.

III.

ЖАЛОБА ДѢВУШКИ.

1. В. Жуковскаго (Романсъ, безъ означенія, что переводъ). «Вѣстникъ Европы», 1808, ч. XXXVII, N° I, стр. 39; перепечатанъ въ «Собраніи Образцовыхъ Русскихъ Сочиненій» (1821), ч. II, стр. 111; «Собраніи Русскихъ Стихотвореній», ч. VI, стр. 243; «Карманной Библіотеки Аонидъ», 1821, стр. 130; «Радугѣ», 1830, (приложенія) стр. I, (въ послѣднихъ двухъ изданіяхъ подъ заглавіемъ: «Тоска по Миломъ»); и во всѣхъ изданіяхъ «Стихотвореній Жуковскаго», изъ которыхъ въ III и послѣднемъ (V) съ означеніемъ, что романсъ переведенъ изъ Шиллера.
2. А (Пѣснь Теклы, безъ означенія, что переводъ). «Невскій Зритель», 1820, ч. II, стр. 167.
3. Баронессы Чувикъ (Тоска Дѣвушки, изъ Шиллера). «Библіотека для Чтенія», 1843, т. LVIII, отд. I, стр. 127.

4. А. Струговщикова (Любовь Людмиллы, подражаніе Шиллеру). «Отечественныя Записки», 1842, т. XXV, отд. I, стр. 2; перепечатана, подъ названіемъ: «Сбиралися тучи», въ «Стихотвореніяхъ А. Струговщикова» (1845), стр. 120.
5. В. Лялина (Жалоба Дѣвушки, изъ Шиллера). «Отечественныя Записки», 1853, т. LXXXVIII, отд. I, стр. 246.
Кромѣ того, мы имѣемъ еще три отрывка изъ этаго стихотворенія (первыя двѣ строфы), вотъ они :
6. В. Г. (Алина, изъ Шиллера). «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1831, № 78, стр. 614.
7. И т (Романсъ Теклы, изъ Шиллера). «Москвитянинъ», 1841, ч. V, № 10, стр. 338.
8. С. Шевырева (Idem). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ:*

РОМАНСЪ ТЕКЛЫ.

Бушуетъ боръ, шумятъ небеса;
По берегу бродить дѣва краса;
И рвется и бѣтъ о камни волна.
На темную ночь взоръ слѣзный она,
Съ печальною думой, вперила.

Ужъ вымерло сердце, и пусть ей свѣтъ:
Въ немъ свѣтло-желаннаго нѣтъ какъ нѣтъ.
«Возьми жь, Пресвятая, меня Ты къ своимъ;
Ужъ я наслаждалась блаженствомъ земнымъ:
Ужъ я отжила, — отлюбила!

С. Шевыревъ.

IV.

ЮНОША У РУЧЬЯ.

1. В. Жуковского (Жалоба, безъ означенія, что подражаніе [первымъ тремъ строфамъ]). «Вѣстникъ Европы», 1813, ч. LXVIII, N°N° III и IV, стр. 199; перепечатана во всѣхъ изданіяхъ «Стихотвореній Жуковского», изъ которыхъ въ III съ означеніемъ, что піеса переведена съ нѣмецкаго, а въ послѣднемъ (V)—изъ Шиллера.
2. А. Мейснера (Отрокъ у Ручья, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Мейснера» (1836), стр. 246.
3. А. (Весна, подражаніе Шиллеру). «Галатея», 1839, т. II, стр. 609.
4. Неизвѣстнаго (Отрокъ у Ручья, изъ Шиллера). «Молодикъ», 1843, стр. 343.
5. Н. Гербеля (Юноша у Ручья, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

I.

ЖАЛОБА.

Надъ прозрачными водами
Сидя, рвалъ Усладъ вѣнокъ;
И шумящими волнами
Уносилъ цвѣты потокъ.
«Такъ бѣгутъ лѣта младыя
Невозвратною струей;
Такъ все радости земныя—
Цвѣтъ увядшій полевой.

« Ахъ! безвременной тоскою
Умерщвленъ мой милый цвѣтъ.
Все воскреснуло съ весною;
Обновился Божій свѣтъ;
Я смотрю — и холмъ веселый
И поля омрачеры;
Для души осиротѣлой
Нѣтъ цвѣтущія весны.

« Что въ природѣ, озаренной
Красотою майскихъ дней?
Есть одна во всей вселенной —
Къ ней душа и мысль объ ней;
Къ ней стремлю, забывшись, руки —
Милый призракъ прочь летить.
Кто жь мои услышитъ муки,
Жажду сердца утолитъ? »

В. Жуковскій.

II.

В Е С Н А.

Въ этомъ небѣ солнце всходитъ,
Свѣтлый катится ручей,
Трель веселую заводитъ
Въ темной рощѣ соловей;
Къ небу жаворонокъ вьется,
Соколъ мчится въ облака,
И въ долину раздается
Стонъ пастушьего рожка.
Всюду говоръ, всюду пѣнье —
Гулъ воскреснувшаго дня,
Но природы пробужденье,
Другъ, не радуется меня.
Не мила мнѣ ясность неба,
Мнѣ не милъ древесный шумъ,
И лучи златаго Феба
Не разгонять мрачныхъ думъ,
Думъ, что въ душу мнѣ запади
Глубоко и тяжело,

Духъ уныньемъ оковали,
Отуманили чело.
И не спрашивай, зачѣмъ я
Такъ унылъ и такъ грущу:
Ахъ, мой другъ, во всей природѣ
Однаго лишь я ищу!
Ахъ, одинъ есть образъ милый! —
Мнѣ онъ близокъ и далѣкъ;
Онъ съ мучительною силой
Духъ унылый мой привлѣкъ;
Онъ всегда передо мною,
Онъ со мной и день и ночь:
Я стремлюсь къ нему душою, —
Онъ летитъ далеко прочь.
О, послушай, другъ мой нѣжный!
Кинь роскошный твой чертогъ;
Мы отыщемъ безмятежный
Въ Божьемъ мірѣ уголокъ:
Скромный домикъ подъ горою,
Огородъ и темный садъ,
Гдѣ надъ свѣтлою рѣкою
Наклонился виноградъ.

А.

V.

А М А Л І Я.

1. Н. Кетчера (Амалія сидитъ на дерновой скамейкѣ, играетъ на лютнѣ и поётъ). «Разбойники, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Шиллера. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1828». Стр. 103.
2. М. Меркли (Пѣснь Амаліи, изъ Шиллера). «Стихотворенія М. Меркли» (1835), стр. 69.
3. Н. Коптева (Безъ заглавія, изъ Шиллера). «Современникъ», 1841, т. XXIII, стр. 176.

4. Неизвѣстнаго (Амалія, изъ Шиллера). «Опечатки» (1843), стр. 28.
5. Л. Мей (Idem). «Библіотека для Чтенія», 1855, т. СХХХ, отд. I, стр. 198. *Стихотвореніе это напечатано здѣсь въ исправленномъ видѣ.*
6. Н. Маркевича (Idem). *Подражаніе это напечатано здѣсь въ первый разъ.*

I.

А М А Л І Я.

Прекрасный, какъ ангелъ прекраснаго рая,
Онъ бѣдную землю на мигъ посѣтилъ;
Прекрасный, какъ солнце прекраснаго мая,
Онъ жизни пустыню мнѣ въ рай превратилъ;

Онъ свелъ мнѣ на землю небесъ наслажденье...
Видали ль: два пламени вьются въ одно...
Слыхали ль: двухъ хоровъ сливается пѣнье...
Чаруетъ въ небесномъ единствѣ оно...

Такъ сердце и сердце однимъ пламенѣли,
Въ небесномъ единствѣ любя и дыша,
Одной съ нимъ прекрасной мы жизнью горѣли...
И плавала въ небѣ съ душою душа.

Но гдѣ жъ онъ? куда жъ онъ? небесныя силы!
Уже ль такъ завиденъ былъ смертныхъ удѣлъ?
Уже ль мой прекрасный добыча могилы?
Какъ духъ его странно одинъ улетѣлъ.

Н. Коптевъ.

II.

А М А Л І Я.

Какъ ангелъ неземной, дышалъ онъ жизнью Рая;
Никто изъ юношей не могъ сравняться съ нимъ;
Небесно-кроткій взоръ сіялъ, какъ солнце мая,
Смягченное морей кристалломъ голубымъ.

Его объятія — восторгъ невыразимый;
Другъ къ другу изъ груди въ огнь рвались сердца,
И отъ земли нѣмой, неслышимой, незримой,
Душа неслась туда, гдѣ нѣтъ любви конца.

Его лобзанія вливали въ сердце муки,
Но муки слаще благъ, какіе знаетъ міръ;
И въ голосъ его мнѣ слышны были звуки,
Какъ серафимовъ хоръ, какъ херувимовъ клиръ.

Немѣли, таяли, пылали, содрагались
Въ живыхъ лобзаніяхъ ланиты и уста;
Какъ растопленные, душа съ душой сливались,
И свѣтъ казался тмой и свѣтомъ темнота.

И нѣтъ, и нѣтъ его! погибъ! и тщетно, тщетно
Молюсь и плачу я. Зову — недозовусь.
И небо и земля мнѣ внемлютъ безотвѣтно;
И даже смерти нѣтъ! . . Я плачу да молюсь.

Н. Маркевичъ.

VI.

КЪ ЭММѢ.

1. В. Жуковского (Къ Эммѣ, изъ Шиллера). «Славянинъ», 1828, ч. VIII, стр. 31. *Переводъ этотъ не былъ помѣщенъ ни въ одно изъ собраній «Стихотвореній Жуковского», и даже пропущенъ въ списокъ произведеній Жуковского, составленномъ г. Тихонравовымъ и приложенномъ къ статьѣ г. Шевырева: «О значеніи Жуковского въ русской жизни и поэзіи.»*

2. И. Козлова (Idem). «Библіотека для Чтенія», 1834, т. IV, отд. I, стр. 109. *Этотъ един-*

ственный переводъ Козлова изъ Шиллера не вошелъ ни въ одно изъ собраній его стихотвореній.

3. В. Кашаева (Жажда Любви, вольное подражаніе шиллерову стихотворенію: An Emma). «Стихотворенія В. Кашаева» (1837), стр. 13.

VII.

О Ж И Д А Н І Е.

1. И. Покровскаго (Ожиданіе, изъ Шиллера) «Благонамѣренный», 1819, ч. VII, стр. 15.
2. А. Мейснера (Ожиданіе, подражаніе Шиллеру). «Стихотворенія А. Мейснера» (1836), стр. 15.
3. Веронова (Idem). «Стихотворенія Веронова» (1838), стр. 206.
4. И. К (Ожиданіе, безъ означенія, что переводъ). «Библіотека для Чтенія», 1843, ч. LXI, отд. I, стр. 74.
5. Л. Мейя (Ожиданіе, изъ Шиллера). «Библіотека для Чтенія», 1855, т. CXXXI, отд. I, стр. 109. *Стихотвореніе это переведено для моего изданія.*

О Ж И Д А Н І Е.

Вотъ скрыпнули дверцы . . . Быть можетъ, она
Идетъ на свиданье, любви полна.
Съ какою горячностью встрѣчу ее,
Какъ вспыхнетъ веселіемъ сердце мое! . . .
Но это не дѣва, а легкій зефиръ,
Летая, нарушилъ полуночи миръ.

Сплетитесь вершинами въ куполъ, берёзы,
И выстройте нѣгою дышащій храмъ.
Падите со стеблей душистыя розы,
И землю покройте, подобно коврамъ, —
Что бѣ могъ я на мѣстѣ, давно ей знакомомъ,
Прекрасную встрѣтить нежданнымъ пріемомъ.

Кто тамъ, въ отдаленіи, сквозь сумракъ древесъ,
На мигъ показался и снова исчезъ?
Не дѣвы ли это атласный покровъ,
Блестящій и бѣлый, какъ лоно снѣговъ?
Нѣтъ это не онъ! — это мѣсяца лучъ
Скользнулъ по деревьямъ, мелькнулъ изъ за тучъ.

Свѣти постояннѣй, ночное свѣтило!
Страшись и на мигъ въ облакахъ потонуть!
Будь горней свѣчею для дѣвы мнѣ милой,
И золотомъ сыпся на сумрачный путь,
Что бѣ, къ другу спѣша потаенной дорожкой,
Она не споткнулася маленькой ножкой.

Мнѣ слышится шорохъ на скатѣ береговъ,
Не робкій ли шелестъ дѣвичьихъ шаговъ?
Быть можетъ мечтаетъ любви херувимъ
Меня испугать появленіемъ своимъ! . . .
Нѣтъ! внятно я слышу — ночная струя
Цѣлуетъ, ласкаяся, берегъ ручья.

Сбери, вѣтерокъ, ароматы растеній
Съ луговъ заповѣдныхъ, съ цвѣтущихъ полей,
И, тайно снеся ихъ въ условныя тѣни,
На мѣстѣ свиданія тихо разлей,
Что бѣ дѣва, усталая въ радостномъ бѣгѣ,
Могла утонуть въ упоительной нѣгѣ.

Чей голосъ такъ сладко въ дали прозвучалъ? —
Не друга ли голосъ меня призывалъ?
Могла заблудиться отрада моя —
Цвѣтокъ наслажденій, звѣзда бытія! . . .
Нѣтъ! это въ просонкахъ пѣвецъ-соловей
Вдругъ свистнувъ, замолкнулъ подъ сѣнью вѣтвей.

О, ночь! распусти по усталому свѣту
Всѣхъ геніевъ сна изъ неволи дневной,
И землю — тревожную нашу планету —
До утра въ покровѣ своемъ успокой:
Любовь любопытнаго глаза не любитъ,
Лишь мракъ одинокій страсть эту голубитъ.

Такъ юноша пламенный нѣжно мечталъ,
И милую сердца избранницу ждалъ;
Но, легкимъ видѣньемъ, одѣяна въ тму,
Незримо она поднеслася къ нему,
И, прежде, чѣмъ дѣву замѣтитъ онъ могъ,
Его поцѣлуй отъ мечтанья отвлѣкъ.

А. Мейснеръ.

VIII.

ДРУЗЬЯМЪ.

А. Струговщикова (Друзьямъ. Застольная пѣсня Шиллера). «Современникъ», 1847, т. IV, отд. I, стр. 109. *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.*

IX.

ЖЕЛАНІЕ.

1. В. Жуковского (Желаніе, безъ означенія, что переводъ). «Вѣстникъ Европы», 1813, ч. LXVIII, N°N° VII и VIII, стр. 197; перепечатано въ «Музѣ Новѣйшихъ Россійскихъ Стихотворцевъ» (1814), стр. 73, и во всѣхъ изданіяхъ «Стихотвореній Жуковского», изъ которыхъ въ III и послѣднемъ (V), съ означеніемъ, что переводъ сдѣланъ изъ Шиллера.

2. М. Загорскаго (Idem). «Литературные Листки», 1824, ч. III, стр. 193.
3. Э. Губера (Стремленіе, изъ Шиллера). «Телескопъ», 1831, ч. V, стр. 43. *Переводъ этотъ не вошелъ въ «Собраніе Стихотвореній Губера.»*
4. В. Печерина (Желаніе Лучшаго Міра, изъ Шиллера). «Сынъ Отечества», 1831, т. XVII, стр. 423.
5. О. Бантыша (Idem). «Лучи», 1853, т. VIII, стр. 289. (Переводъ сдѣланъ не размѣромъ подлинника, а четырехстопнымъ амфибрахіемъ, безъ рима).
6. А. Струговщикова (Чудесный Край, изъ Шиллера). *Подражаніе это помѣщено здѣсь въ первый разъ:*

ЧУДЕСНЫЙ КРАЙ.

Звукъ цѣвницы отдалённый
Въ чудный край меня зоветъ:
Ахъ, туда бы, окрылённый,
Я направилъ мой полетъ!

Свѣтозарныя видѣнья —
Вѣчной жизни вѣчный рай!..
Ахъ, туда бѣ изъ міра тлѣнья...
Но далеку волшебный край!

Предо-мною воетъ море;
Раздѣлила бездна насъ...
И чудесный край, о, горе!
Какъ видѣнье, скрылся съ глазъ.

Будь я духъ, имѣй я крылья —
Я бѣ надъ бездною взвился;
Но, напрасныя усилія,
Остаюсь недвижимъ я.

Вотъ ладья, вотъ чёлнъ спасенья!
Но страшуся ярыхъ волнъ,
Полный страха и сомнѣнья;
И безъ паруса мой чёлнъ.

Прочь раздумье! прочь сомнѣнье!
Подымаю парусъ я,
И, полна одушевленья,
Понеслась моя ладья.

Вижу берегъ, — мнѣ оттуда
Чей то голосъ говоритъ:
« Дѣйствуй! вѣруй! только чудо
Можетъ вѣра совершить.

« Кормчій! челнокомъ спасенья
Только вѣра можетъ быть:
Что мертво для размышленья —
Можетъ чудо совершить.

« Провидѣніе залога
На безсмертье не даетъ:
Лишь чудесная дорога
Въ тотъ чудесный край ведетъ.»

А. Струговщиковъ.

Х.

НАДОВЕССКІЙ ПОХОРОННЫЙ ПЛАЧЪ.

1. К. (Надовесская Похоронная Пѣснь, подражаніе Шиллеру). «Календарь Музъ», 1826, стр. 75.
2. Д. Мина (Погребальная Пѣснь Индейцевъ, изъ Шиллера). «Современникъ», 1854, т. XLVII, отд. I, стр. 10. *Переводъ этотъ сдѣланъ для моего изданія.*
3. М. Михайлова (Надовесскій Похоронный Плачъ, изъ Шиллера). «Библіотека для Чтенія», 1855, т. СXXXI, отд. I, стр. 42. *Стихотвореніе это также переведено для моего изданія.*

XI.

ГОРНАЯ ДОРОГА.

1. В. Жуковского (Горная Дорога, изъ Шиллера). «Для Немногихъ», № IV, стр. 2; перепечатана во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ «Стихотвореній Жуковского», изъ которыхъ въ III и послѣднемъ (V) съ означеніемъ, что переводъ.
2. А. Мейснера (Горская Пѣсня, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Мейснера» (1836), стр. 5.
3. В. Гаевского (Горный Путь, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

XII.

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

- В. Жуковского (Путешественникъ, безъ означенія, что переводъ). «Вѣстникъ Европы», 1810, ч. XLIX, № 4, стр. 289; перепечатанъ въ «Собраніи Образцовыхъ Русскихъ Сочиненій» (1821), ч. II, стр. 125; въ «Цвѣтникѣ Избранныхъ Стихотвореній» (1816), ч. II, стр. 142; во всѣхъ изданіяхъ «Стихотвореній Жуковского», изъ которыхъ въ III и послѣднемъ (V) съ означеніемъ, что піеса переведена изъ Шиллера; и во всѣхъ шести изданіяхъ «Полной Русской Христоматіи А. Галахова.»

XIII.

ВЕСНѢ.

Н. ГЕРБЕЛЯ (ВеснѢ, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

XIV.

ЦВѢТЫ.

А. ФЕТА (Къ Цвѣтамъ, изъ Шиллера). «Отечественныя Записки», 1854, т. ХСІІІ, отд. І, стр. 174. *Стихотвореніе это переведено для моего изданія.*

XV.

ПѢСНЬ РЫБАКА.

1. С. ШЕВЫРЕВА (Маленькій Рыбакъ [поеть въ лодкѣ]). «Московскій Вѣстникъ», 1829, ч. І, стр. 1.
2. А. РОТЧЕВА (Рыбакъ [поеть въ лодкѣ]). «Вильгельмъ Телль. Трагедія Шиллера. Перевелъ А. Ротчевъ. Москва. 1829». Стр. 1.
3. Θ. МИЛЛЕРА (Женни [поеть въ лодкѣ]). «Вильгельмъ Телль. Драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Шиллера. Переводъ Θ. Миллера. Москва. 1843». Стр. 3.
4. Θ. ТЮТЧЕВА (Безъ заглавія, изъ Шиллера). «Со-

временникъ» 1854, т. XLIV, отд. I, стр. 50;
перепечатана въ «Стихотвореніяхъ Ѳ. Тютчева»
(1854), стр. 102.

ЭЛЕГИИ.

I.

ЖАЛОБА ЦЕРЕРЫ.

1. С. ШЕВЫРЕВА (Жалоба Цереры, изъ Шиллера).
«Московскій Вѣстникъ», 1826, ч. VII, стр.
271.
2. Н. КОЛАЧЕВСКАГО (Idem). «Московскій Теле-
графъ», 1829, ч. XIII, стр. 57.
3. В. ЖУКОВСКАГО (Idem, безъ означенія, что пе-
реводъ). «Баллады и Повѣсти В. Жуковскаго»
(1831), ч. II, стр. 33; перепечатана въ IV и V
изданіяхъ «Стихотвореній Жуковскаго», изъ ко-
торыхъ въ послѣднемъ съ означеніемъ, что піе-
са пореведена изъ Шиллера; и во всѣхъ шести
изданіяхъ «Полной Русской Христоматіи А. Га-
лахова.»
4. Ѳ. МИЛЛЕРА (Idem). «Москвитянинъ», 1853, №
XIV, отд. I, стр. 71. Переводъ этотъ напеча-
танъ здѣсь въ исправленномъ видѣ.

II.

ТАЙНА ВОСПОМИНАНІЯ.

А. Григорьева (Тайна Воспоминанія, изъ Шиллера). «Московскій Городской Листокъ», 1847, № 258, стр. 1033.

III.

НЕНІЯ.

М. Михайлова (Ненія, изъ Шиллера). «Литературная Газета», 1848, № 22, стр. 335. *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.*

IV.

ТЕКЛА.

(Thekla. Eine Geisterstimme).

1. В. Жуковскаго (Голосъ съ Того Свѣта, безъ означенія, что переводъ). «Стихотворенія В. Жуковскаго», изд. III, ч. I, стр. 348; перепечатанъ въ IV и V изданіяхъ.
2. — *** (Текла, изъ Шиллера). «Московскій Телеграфъ», 1827, ч. XIII, отд. II, ст. 131.
3. Барона Розена (Текла, голосъ духа, изъ Шиллера). «Альціона», 1832, стр. 16.

4. А. Глинки (Idem). «Москвитянинъ», 1843, ч. II, № IV, отд. I, стр. 316.
5. Князя Д. Кропоткина (Нездѣшній Голосъ, подражаніе Шиллеру). «Библіотека для Чтенія», 1843, т. LX, отд. I, стр. 89.
6. А. Григорьева (Текла, голосъ духа, изъ Шиллера). «Московскій Городской Листокъ», 1847, № 247, стр. 989.

ГОЛОСЪ СЪ ТОГО СВѢТА.

Не узнавай, куда я путь склонила,
Въ какой предѣлъ изъ міра перешла . . .
О, другъ, я все земное совершила:
Я на землѣ любила и жила.

Нашла ли ихъ? сбылись ли ожиданья? . .
Безъ страха вѣрь; обмана сердцу нѣтъ;
Сбылося все — я въ сторонѣ свиданья;
И знаю здѣсь, сколь вашъ прекрасенъ свѣтъ.

Другъ, на землѣ великое не тщетно;
Будь твердъ, а здѣсь тебѣ не измѣнять;
О, милый, здѣсь не будетъ безотвѣтно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздохъ, ни взглядъ.

Не унывай: минувшее съ тобою;
Незрима я, но въ мірѣ мы одномъ;
Будь вѣренъ мнѣ прекрасною душою;
Сверши одинъ начатое вдвоемъ

В. Жуковскій.

БАЛЛАДЫ И РАЗСКАЗЫ.

I.

ЭЛЕВЗИНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

В. Жуковскаго (Элевзинскій Праздникъ, изъ Шиллера). «Новоселье», 1833, ч. II, стр. 107; перепечатанъ въ IV и V изданіяхъ «Стихотвореній Жуковскаго».

II.

ГЕРО И ЛЕАНДРЪ.

1. П. Ободовскаго (Геро и Леандръ, вольный переводъ изъ Шиллера). «Нѣвскій Альманахъ», 1827, стр. 221.
2. Н. Гербеля (Геро и Леандръ, изъ Шиллера). «Современникъ», 1852, т. XXXII, отд. I, стр. 194. *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.*

III.

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ.

В. Жуковскаго (Ивиковы Журавли, безъ означенія, что переводъ). «Вѣстникъ Европы», 1814, ч. LXXIII, № III, стр. 200; перепечатаны въ

«Балладахъ и Повѣстяхъ В. Жуковскаго» (1831), ч. I, стр. 63, и во всѣхъ изданіяхъ «Стихотвореній Жуковскаго», изъ которыхъ въ III и послѣднемъ (V) съ означеніемъ, что баллада переведена изъ Шиллера.

IV.

ВОДОЛАЗЪ.

1. И. Покровскаго (Водолазъ, изъ Шиллера). «Сынъ Отечества», 1820, т. LXII, № XXI, стр. 83; перепечатанъ въ «Новомъ Собраніи Образцовыхъ Русскихъ Сочиненій» (1821), т. I, стр. 97.
2. В. Жуковскаго (Кубокъ, безъ означенія, что переводъ). «Баллады и Повѣсти В. Жуковскаго» (1831), ч. II, стр. 75; перепечатанъ въ IV и V изданіяхъ «Стихотвореній Жуковскаго», изъ которыхъ въ послѣднемъ съ означеніемъ, что баллада переведена изъ Шиллера.
3. А. Глинки (Водолазъ, изъ Шиллера). «Библіотека для Чтенія», 1835, т. XI, отд. I, стр. 7.
4. П. Алексѣева (Idem). «Отечественныя Записки», 1839, т. IV, отд. III, стр. 75.

V.

АЛЬПІЙСКІЙ ОХОТНИКЪ.

1. Ю. Миньята (Альпійскій Охотникъ, изъ Шиллера). «Стихотворенія Ю. Миньята» (1841), стр. 45.
2. Л. Мѣя (Альпійскій Стрѣлокъ изъ Шиллера). «Оте-

чественныя Записки», 1855, т. С, отд. I, стр. 103. *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.*

VI.

ГРАФЪ ГАБСБУРГСКІЙ.

В. Жуковскаго (Графъ Габсбургскій, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Для Немногихъ», № V, Май, стр. 13; перепечатанъ въ «Вѣстникъ Европы», 1818, ч. С, стр. 17; въ «Сынъ Отечества», 1818, № 28, стр. 81; въ «Балладахъ и Повѣстяхъ В. Жуковскаго» (1831), ч. I, стр. 97; въ III, IV и V изданіяхъ «Стихотвореній Жуковскаго», изъ которыхъ въ III и послѣднемъ съ означеніемъ, что баллада переведена изъ Шиллера; и во всѣхъ шести изданіяхъ «Полной Русской Христоматіи А. Галахова.»

VII.

РАЗДѢЛЪ ЗЕМЛИ.

1. В. Жуковскаго (Вольный переводъ, помѣщенный въ началѣ посланія къ Батюшкову). «Вѣстникъ Европы», 1813, № IX и X, стр. 32; перепечатанъ во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ «Стихотвореній В. Жуковскаго».
2. А. Мейснера (Раздѣлъ Земли, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Мейснера» (1836), стр. 196.
3. А. Струговщикова (Раздѣлъ, изъ Шиллера). «Русская Бесѣда», 1841, т. II, отд. V, стр. 4; пере-

печатанъ въ «Стихотвореніяхъ Струговщикова»
(1845), стр. 122.

4. Неизвѣстнаго (Раздѣлъ Земли, изъ Шиллера).
«Маякъ», 1842, т. III, стр. 9.

5. Н. ГЕРБЕЛЯ (Безъ заглавія, изъ Шиллера). «Со-
временникъ», 1854, т. XLIV, отд. I, стр. 138.

*Здѣсь переводъ этотъ помѣщенъ въ исправ-
ленномъ видѣ.*

6. В. Зотова (Idem). «Пантеонъ», 1854, т. XV,
№ V, отд. IV, стр. 9.

I.

«Дѣлитесь!» — съ горня трона
Богъ людямъ рекъ. Они
Взроилися, какъ пчелы,
Шумящи по лугамъ —
И всѣ уже удѣлы
Земные по рукамъ.
Смиранный земледѣлецъ
Взялъ трудъ и сельскій плодъ;
Могущество владѣлецъ;
Купецъ равнину водъ
Наморщилъ подъ рулями;
Взялъ откупъ арендарь,
А пастырь душъ — алтарь
И силу надъ умами.
«Будь каждый при своёмъ
(Рекъ Царь земли и ада):
Вы сѣйте, добры чада, —
Мнѣ жертвуйте плодомъ.»
Но вотъ . . . съ земли предѣла
Приходить и поэтъ;
Увы! ему удѣла
Ни гдѣ на свѣтѣ нѣтъ.
Къ Зевесу онъ съ мольбою:
— Отецъ и властелинъ!

За что забыть тобою
Любимѣйшій твой сынъ? —

« Не я виной забвенья.

Когда я міръ дѣлилъ,
Въ страну воображенья
Зачѣмъ ты уходилъ? »

— Увы, я былъ съ тобою!

Въ слезахъ сказалъ пѣвецъ:

Величествомъ, красою

Небесъ твоихъ, отецъ,

Мои питались взоры;

Тамъ пѣли дивны хоры;

Я сердце возносилъ

Къ дѣламъ твоимъ чудеснымъ . . .

Но, ахъ! плѣненъ небеснымъ,

Земное позабылъ. —

« Мой сынъ, удѣлы взяты;

Мнѣ жаль твоей утраты;

Но рай передъ тобой:

Согласенъ ли со мной

Дѣлиться небесами? —

Блаженствуя съ богами,

Ты презришь міръ земной. »

В. Жуковскій.

II.

РАЗДѢЛЪ.

Зевесъ вѣщалъ: « Возьмите землю, люди!

Возьмите! — вамъ на вѣчны времена

Я отдаю сокровища земныя:

Дѣлитесь, какъ братья и друзья. »

Все двинулось тогда, что бы скорѣе

Себя отъ нуждъ житейскихъ оградить;

И каждому достались на долю

Завидныя сокровища земли.

Когда раздѣлъ окончился, — послѣдній

Пришелъ за достояніемъ поэтъ:

Съ надеждою, изъ далека притекшій,
Приблизился — и былъ отвергнутъ онъ.

Давно уже земля и все земное
Властителя имѣли своего.
Припалъ поэтъ къ Зевесову престолу
И вопросилъ: «за что обиженъ я?»

— Обиженъ ты? Зачѣмъ же вѣрнымъ благомъ
Ты жертвовалъ обманчивой мечтѣ?
И гдѣ жъ ты былъ, когда дѣлили землю? —
«Былъ при тебѣ» — отвѣтствовалъ поэтъ:

«Твое, въ сіяніи небесной славы,
Я созерцалъ блестящее чело,
И былъ блаженъ! восторженный тобою,
Прости, Зевесъ, забылъ я о себѣ!»

— Я болѣе не властенъ надъ землею;
Когда жъ тебя плѣнили небеса,
И ты другой отчизны не имѣешь:
Онъ тебѣ отверзты навсегда. —

А. Струговицковъ.

VIII.

DER GANG NACH DEM EISENHAMMER.

1. В. Жуковскаго (Божій Судъ, безъ означенія, что переводъ). «Библіотека для Чтенія», 1834, т. VI, отд. I, стр. 11; перепечатанъ въ IV и V изданіяхъ «Стихотвореній Жуковскаго», изъ которыхъ въ послѣднемъ съ означеніемъ, что баллада переведена изъ Шиллера.
2. Неизвѣстнаго (Фридолинъ, повѣсть, взятая изъ сочиненій знаменитаго Шиллера, украшенная 8-ю

картинами, съ превосходныхъ рисунковъ Ретча.

Переводъ съ французскаго. Москва. 1850).

Прозаическій переводъ.

3. **Θ. Миллера** (Фридолинъ, изъ Шиллера). «Москвитянинъ», 1853, № XX, кн. II, стр. 165.

Баллада эта помѣщена здѣсь въ исправленномъ видѣ.

IX.

ПЕРЧАТКА.

1. **И. Покровскаго** (Перчатка, изъ Шиллера). «Благонамѣренный», 1822, ч. XVII, стр. 238.
2. **В. Жуковскаго** (Idem, безъ означенія, что переводъ). «Баллады и Повѣсти В. Жуковскаго» (1834), ч. II, стр. 207; перепечатана въ IV и V изданіяхъ «Стихотвореній Жуковскаго», изъ которыхъ въ послѣднемъ съ означеніемъ, что піеса переведена изъ Шиллера.
3. **М. Загорскаго** (Idem, изъ Шиллера). «Сѣверные Цвѣты», 1825, стр. 326.
4. **Θ. Тимофеева** (Испытаніе, безъ означенія, что подражаніе Шиллеру). «Библіотека для Чтенія», 1836, т. XIX, отд. I, стр. 94; перепечатано въ «Опытахъ Т.м.ф.а.» (1837), ч. I, стр. 149.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ГРУППА ИЗЪ ТАРТАРА.

1. И. Покровскаго (Тартаръ, изъ Шиллера). «Благонамѣренный», 1819, ч. VIII, стр. 134.
2. Д. Мина (Группа изъ Тартара, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

II.

ПОМПЕЯ И ГЕРКУЛАНЪ.

1. Я. (Геркуланъ и Помпея, изъ Шиллера, въ прозѣ). «Новости Литературы», 1824, ч. IX, стр. 26.
2. О. Миллера (Геркуланумъ и Помпеи, изъ Шиллера). «Москвитянинъ», 1845, ч. II, № III, стр. 10; перепечатано въ «Стихотвореніяхъ О. Миллера» (1849), стр. 18.

III.

ПУТЕВОДИТЕЛИ ЖИЗНИ.

- Н. Гербеля (Путеводители Жизни, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

IV.

РУССО.

Л. Мей (Руссо, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

V.

ПАНОРАМА СВѢТА.

А. Струговщикова (Панорама Свѣта, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 129.

VI.

ПѢВЦЫ МИНУВШАГО ВРЕМЕНИ.

1. В. Печерина (Пѣвцы Древняго Мира, изъ Шиллера). «Сынъ Отечества», 1831, т. XIX, стр. 58.
2. А. Глинки (Пѣвцы Пржняго Времени, изъ Шиллера). «Одесскій Альманахъ», 1840, стр. 456.
3. Н. Гербеля (Пѣвцы Минувшаго Времени, изъ Шиллера). «Современникъ», 1853, т. XLII, отд. I, стр. 53. *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.*

VII.

ОДИССЕЙ.

1. К. Батюшкова (Судьба Одиссея, безъ означенія, что подражаніе). «Опыты въ Стихахъ и Прозѣ К. Батюшкова» (1817), ч. II, стр. 71; перепечатана въ «Сочиненіяхъ К. Батюшкова» (1834), ч. II, стр. 56.
2. М. Михайлова (Одиссей, изъ Шиллера). «Иллюстрація», 1848, т. VII, № 42, стр. 275. *Здѣсь переводъ этотъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.*
3. М. Дмитріева (Idem). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*
4. Н. Маркевича (Idem). *Переводъ этотъ также помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

СУДЬБА ОДИССЕЯ.

Средь ужасовъ земли и ужасовъ морей
Блуждая, бѣдствуя, искалъ своей Итаки
Богобоязненный страдалецъ Одиссей;
Стопой безтрепетной сходилъ Аида въ мраки;
Харибды яростной, подводной Сциллы стонъ
Не потрясли души высокой.

Казалось побѣдилъ терпѣньемъ рокъ жестокой
И чашу горести до капли выпилъ онъ:
Казалось небеса карать его устали,
И тихо соннаго домчали
До милыхъ родины давно-желанныхъ скалъ.
Проснулся онъ: и что жъ? отчизны не позналъ.

К. Батюшковъ.

VIII.

КАРӨАГЕНЪ.

Н. ГЕРБЕЛЯ (Карөагенъ изъ Шиллера). «Пантеонъ», 1855, т. XXII, № III, отд. I, стр. 2.
Переводъ этотъ напечатанъ здѣсь въ исправленномъ видѣ.

IX.

ПРИТЧИ КОНФУЦІЯ.

I.

1. А. Востокова (Изрѣченіе Конфуція, изъ Шиллера). «Опыты Стихосложенія» (1817), стр. 165; перепечатано въ «Стихотвореніяхъ А. Востокова» (1821), стр. 234.
2. Н. ГЕРБЕЛЯ (Притча Конфуція, изъ Шиллера).
Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.

II.

1. А. Востокова (Изрѣченіе Конфуція, изъ Шиллера). «Опыты Стихосложенія» (1817); стр. 165; перепечатано въ «Стихотвореніяхъ А. Востокова» (1821), стр. 235.
2. А. МЕЙСНЕРА (Idem). «Стихотворенія А. Мейснера» (1836), стр. 25.

Х.

ЭГОИСТУ-ФИЛОСОФУ.

Θ. Миллера (Эгоисту-Философу, изъ Шиллера).
«Москвитянинъ», 1842, ч. II, N° III, стр. 10;
перепечатано въ «Стихотвореніяхъ Θ. Миллера»
(1849), стр. 9.

ХІ.

КОЛУМБЪ.

1. А. Струговщикова (Колумбъ, изъ Шиллера).
«Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр.
31.
2. М. Михайлова (Idem). «Отечественныя Записки»,
1854, т. ХСII, отд. I, стр. 343. *Здѣсь пе-
реводъ этотъ помѣщенъ въ исправленномъ
видѣ.*
3. Θ. Тютчева (Idem, безъ означенія, что подража-
ніе). «Современникъ», 1854, т XLIV, отд. I,
стр. 39; перепечатанъ въ «Стихотвореніяхъ Θ.
Тютчева» (1854), стр. 79.
4. М. ДМИТРІЕВА (Idem, изъ Шиллера). *Переводъ
этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

КОЛУМБЪ.

Тебѣ, Колумбъ, тебѣ вѣнецъ!
Чертежъ земной ты выполнившій смѣло,
И довершившій наконецъ
Судебъ неконченное дѣло.

Ты завѣсу расторгъ всеильною рукой —
И новый міръ, невѣдомый, нежданный
Изъ безпредѣльности туманной
На Божій свѣтъ ты вынесъ за собой.
Такъ связанъ, съединенъ отъ вѣка
Союзомъ кровнаго родства
Разумный геній человѣка
Съ живою силой естества.
Скажи завѣтное онъ слово —
И міромъ новымъ естество
Всегда откликнуться готово
На голосъ родственный его.

Ф. Тютчевъ.

ХII.

КУПЕЦЪ.

Н. ГЕРБЕЛЯ (Купецъ, изъ Шиллера). *Переводъ
этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

ХIII.

ИГРАЮЩІЙ РЕБЕНОКЪ.

Н. ГЕРБЕЛЯ (Играющій Ребенокъ, изъ Шиллера).
*Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый
разъ.*

ХIV.

ПЛЯСКА.

1. П. ШКЛЯРЕВСКАГО (Пляска, изъ Шиллера). «Сѣ-
сѣрные Цвѣты», 1827, стр. 285; перепечатана
въ «Стихотвореніяхъ П. Шкляревскаго» (1831),
стр. 20.

2. Н. ГЕРБЕЛЯ (Idem). «Современникъ», 1853, т. XXXVII, отд. I, стр. 7. *Здѣсь переводъ этотъ помѣщенъ въ исправленномъ видѣ.*
- 3 М. ДМИТРІЕВА (Idem). «Москвитянинъ», 1853, № X, кн. II, стр. 45. *Здѣсь переводъ этотъ помѣщенъ въ исправленномъ видѣ.*

XV.

ТѢНЬ ШЕКСПИРА.

(Shakespeares Schatten. Parodie.)

А. КАТЕНИНА (ТѢНЬ ШЕКСПИРА, изъ Шиллера).
«Сочиненія А. Катенина» (1832), ч. II, стр. 41.

XVI.

ФИЛОСОФЫ.

М. ДМИТРІЕВА (Философы, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ (*)*.

XVII.

АНТИКИ ВЪ ПАРИЖѢ.

1. А. Глинки (Антики въ Парижѣ, изъ Шиллера).
«Сборникъ на 1838 годъ», стр. 107.

(*) Имена философовъ, которыхъ нѣтъ у Шиллера, взяты изъ объясненія его стихотвореній: Schillers Gedichte, erläutert von H. Viehoff. (Примѣчаніе переводчика).

2. А. Струговщикова (Idem). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 60.
3. О. Миллера (Idem). «Стихотворенія О. Миллера» (1849), стр. 11.

XVIII.

ФОРТУНА И МУДРОСТЬ.

1. А. Струговщикова (Фортуна и Мудрость, изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 134.
2. Н. Гербеля (Idem). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

XIX.

СЪЯТЕЛЬ.

М. Михайлова (Сѣятель, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

XX.

ИЛЛІАДА.

1. А. Струговщикова (Илліада, подражаніе Шиллеру). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 94.
2. М. Михайлова (Илліада, изъ Шиллера). «Литературная Газета», 1848, № 19, стр. 292. *Здѣсь переводъ этотъ помѣщенъ въ исправленномъ видѣ.*

XXI.

ЗЕВЕСЪ ГЕРКУЛЕСУ.

А. Струговщикова (Геркулесу, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 176.

XXII.

ЗЕНИТЬ И НАДИРЪ.

А. Струговщикова (Зенить и Надиръ, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 170.

XXIII.

ДИТЯ ВЪ КОЛЫБЕЛИ.

1. Г. С. * * * (Дитя въ Колыбели, изъ Шиллера). «Вѣнокъ Грацій», 1829, стр. 40.
2. М. Деларю (Младенецъ въ Колыбели, изъ Шиллера). «Гирлянда», ч. I, N° VII, стр. 181.
3. Каверзнева (Разница, подражаніе Шиллеру). «Московскій Телеграфъ», 1831, ч. XXXVII, N° III, стр. 320.
4. А. Совинскаго (Къ Младенцу въ Колыбели, изъ Шиллера). «Подарокъ Бѣднымъ», 1834, стр. 119.
5. В. Зотова (Младенецъ въ Колыбели, изъ Шиллера). «Маякъ», 1841, т. VII, стр. 14; пере-

печатанъ въ «Пантеонѣ», 1854, т. XIII, N° II (Журналистика), стр. 5.

6. **Θ. Миллера** (Дитя въ Колыбели, изъ Шиллера). «Москвитянинъ», 1842, ч. II, N° III, стр. 11; перепечатано въ «Стихотвореніяхъ Θ. Миллера» (1849), стр. 12.

7. **А. Струговщикова** (Геній въ Колыбели, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 177.

8. **М. Михайлова** (Ребенокъ въ Колыбели, изъ Шиллера). «Иллюстрація», 1848, т. VII, N° 42, стр. 275.

9. **А. Фета** (Дитя въ Колыбели, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

Р А З Н И Ц А.

Взгляни на младенца: просторъ и покой
Въ его колыбели, качаемой няней.
Но вы пролетите, какъ сонъ золотой,
Невинные годы — и пагубныхъ даней
Ужъ просятъ кумиры всемогущихъ страстей.
Тогда легкокрылой свободѣ своей
Онъ молвитъ уныло: прости другъ радушный!
И видитъ вселенную тѣсной и душной.

Каверзневъ.

XXIV.

AUSGANG AUS DEM LEBEN.

Л. Мейя (Безъ заглавія, изъ Шиллера). «Рауть», 1854, стр. 51.

XXV.

НЕИЗМѢННОЕ.

1. **Θ. Кони** (Неизмѣнное, изъ Шиллера). «Сынъ Отечества», 1837, т. CLXXXVI, отд. I, стр. 147.
2. **А. Струговщикова** (Время, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 171.

XXVI.

ТЕОФАНІЯ.

1. **Θ. Кони** (Доля и Боги, изъ Шиллера). «Сынъ Отечества», 1837, т. CLXXXVI, отд. I, стр. 148.
2. **А. Струговщикова** (Полиѳонія, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 172.
3. **Л. Мѣя.** (Теофанія, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

XXVII.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ.

- А. Струговщикова** (Совершенствованіе, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 170.

XXVIII.

ЛОЖНОЕ СТРЕМЛЕНИЕ КЪ НАУКАМЪ.

М. Михайлова (Ложное Стремленіе къ Наукамъ, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

XXIX.

DIE SCHÖNSTE ERSCHENUNG.

1. А. Востокова (Изящѣйшіе Феномены, изъ Шиллера). «Оныты Лирическіе А. Востокова» (1806), ч. II, стр. 46.
2. Θ. Миллера (Красота и Радость, изъ Шиллера). «Москвитянинъ», 1842, ч. II, N° III, стр. 11; перепечатано въ «Стихотвореніяхъ Θ. Миллера» (1849), стр. 14.
3. А. Струговщикова (Радость и Красота, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 169.
4. Л. Мей (Безъ заглавія, изъ Шиллера). «Раутъ», 1854, стр. 51.
5. К. Петерсона (Безъ заглавія и означенія, что переводъ). «Раутъ», 1854, стр. 52.

XXX.

FORUM DES WEIBES.

А. СТРУГОВЩИКОВА (Судъ Женщины, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 169.

XXXI.

ЖЕНСКІЙ СУДЪ.

А. СТРУГОВЩИКОВА (Судъ Сердца, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 170.

XXXII.

ОЖИДАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ.

1. Θ. МИЛЛЕРА (Ожиданіе и Исполненіе, изъ Шиллера). «Москвитянинъ», 1842, ч. III, N° V, стр. 20; перепечатано въ «Стихотвореніяхъ Θ. Миллера» (1849), стр. 15.
2. А. СТРУГОВЩИКОВА (Двѣ Эпохи Жизни, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 171.
3. М. МИХАЙЛОВА (Ожиданіе и Исполненіе, изъ Шиллера). «Иллюстрація», 1848, т. VII, N° 42, стр. 275. *Здѣсь переводъ этотъ помѣщенъ въ исправленномъ видѣ.*

XXXIII.

ОБЩАЯ УЧАСТЬ.

1. **Θ. Миллера** (Общая Участь, изъ Шиллера).
«Москвитянинъ», 1842, ч. IV, N° VII, стр. 3.
Переводъ этотъ не вошелъ въ «Собраніе стихотвореній Θ. Миллера.»
2. **М. Михайлова** (Idem). «Иллюстрація», 1848,
т. VII, N° 42, стр. 275. *Здѣсь переводъ
этотъ помѣщенъ въ исправленномъ видѣ.*

XXXIV.

DIE SONNTAGSKINDER.

А. Струговщикова (Маленькіе Геніи, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр 168.

XXXV.

ДАНАИДЫ.

М. Михайлова (Данаиды, изъ Шиллера). «Иллюстрація», 1848, ч. VII, N° 42, стр. 275. *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ исправленномъ видѣ.*

XXXVI.

НАУКА.

А. СТРУГОВЩИКОВА (Наука, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 178.

XXXVII.

КАНТЪ И ЕГО ТОЛКОВАТЕЛИ.

А. СТРУГОВЩИКОВА (Толкователи Канта, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 168.

XXXVIII.

МЕЛОЧИ.

I.

ЭПИЧЕСКІЙ ГЕКСАМЕТРЪ.

1. А. ГЛЪБОВА (Эпическій Гекзаметръ, изъ Шиллера). «Славянинъ», 1827, ч. II, стр. 467.
2. Н. ГЕРБЕЛЯ (Idem). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

II.

ДВОЕСТИШІЕ.

1. А. ГЛЪБОВА (Двоестишіе, изъ Шиллера). «Славянинъ», 1827, ч. II, стр. 467.

2. А. Струговщикова (Гекзаметръ и Пентаметръ, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 173.

III.

О К Т А В А.

1. А. Глѣбова (Октава, изъ Шиллера). «Славянинъ», 1827, ч. II, стр. 467.
2. Н. Гербеля (Idem). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

IV.

О Б Е Л И С К Ъ.

А. Струговщикова (Пирамида, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 168.

V.

Т Р І У М Ф А Л Ь Н А Я А Р К А.

Н. Гербеля (Тріумфальная арка, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

VI.

Ч У Д Е С Н Ы Й М О С Т Ъ.

Л. Мейя (Художественный мостъ, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

VII.

В О Р О Т А.

Н. ГЕРБЕЛЯ (Ворота, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

VIII.

ЦЕРКОВЬ СВЯТАГО ПЕТРА.

А. СТРУГОВЩИКОВА (Церковь Св. Петра, безъ означенія, что переводъ изъ Шиллера). «Стихотворенія А. Струговщикова» (1845), стр. 173.

XXXIX.

ПРОЩАНІЕ СЪ ЧИТАТЕЛЕМЪ.

Н. ГЕРБЕЛЯ (Прощаніе съ Читателемъ, изъ Шиллера). *Переводъ этотъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

1855 г.

Н. Гербель.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ (*)

	Стр.
Предисловіе издателя	VI

ГИМНЫ И ОДЫ.

1. Могущество пѣснопѣнія * — Н. Гербеля ..	3
Сила пѣснопѣнія ** — А. Струговщикова	275
2. Безпредѣльность — М. Михайлова	5
Безпредѣльность — С. Шевырева	6
Величіе вселенной — А. Струговщикова .	8
3. Счастіе — В. Жуковского	9
4. Вечеръ — Л. Мея	12
Вечеръ — А. Фета	13
Вечеръ — С. Шевырева	14
Вечеръ** — А. Яхонтова	15
Закатъ** — А. Струговщикова	278
5. Непобѣдимый флотъ* — В. Гаевского	16
6. Явленіе боговъ — В. Жуковского	18

(*) Стихотворенія, отмѣченныя двумя звѣздочками, означаютъ, что онѣ помѣщены здѣсь въ первый разъ, а одною—что онѣ являются въ предлагаемомъ изданіи въ исправленномъ видѣ.

	Стр.
Диѳирамбъ* — А. Фета	19
Диѳирамбъ** — В. Алферьева	20
Диѳирамбъ — М. Михайлова	22
Олимпійскіе гости — А. Струговщикова .	280
7. Resignation** — Г. Данилевскаго	23
Resignation* — М. Дмитриева	27
8. Мечты — В. Жуковскаго	31
Идеалы** — В. Лялина	34
Идеалы** — А. Струговщикова	38
Идеалы — К. Аксакова	41
9. Четыре вѣка — С. Шевырева	45
10. Начало новаго вѣка — А. Глинки	48
Начало новаго вѣка** — В. Курочкина ...	50
11. Три слова — А. Струговщикова	51
12. Три заблужденія — А. Струговщикова ...	53
13. Надежда — Ю. Миллера	54
Надежда* — А. Фета	55
14. Пѣснь о колоколѣ** — Д. Мина	56
Пѣснь о колоколѣ — А. Глинки	72
Отрывокъ изъ « Пѣсни о Колоколѣ » — П. Ободовскаго	287
Отрывокъ изъ « Пѣсни о Колоколѣ » — К. Павловой	288

ПѢСНИ И РОМАНСЫ.

1. Прощаніе Гектора — Л. Мея	93
Прощаніе Гектора* — М. Михайлова	94
Прощаніе Гектора — В. Зотова ...	290
2. Незнакомка — Н. Гербеля	96

	Стр.
3. Тоска по миломъ — В. Жуковскаго	97
Жалоба дѣвушки — В. Лялина	98
Романсъ Теклы** — С. Шевырева	293
4. Юноша у ручья** — Н. Гербеля	99
Жалоба — В. Жуковскаго	294
Весна — А.	295
5. Амалія * — Л. Мея	101
Амалія — Н. Коптева	297
Амалія** — Н. Маркевича	297
6. Къ Эммѣ — В. Жуковскаго	102
Къ Эммѣ — И. Козлова	103
7. Ожиданіе — Л. Мея	104
Ожиданіе — А. Мейснера	299
8. Друзьямъ* — А. Струговщикова	107
9. Желаніе — В. Жуковскаго	109
Стремленіе — Э. Губера	111
Чудесный край** — А. Струговщикова ..	302
10. Погребальная пѣснь индійцевъ — Д. Мина	112
Надовесскій похоронный плачь — М. Ми-	
хайлова	114
11. Горная дорога — В. Жуковскаго	117
Горный путь** В. Гаевского	118
12. Путешественникъ — В. Жуковскаго	120
13. Веснѣ** — Н. Гербеля	122
14. Къ цвѣтамъ — А. Фета	123
15. Пѣснь рыбака — О. Тютчева	124

Э Л Е Г И И.

1. Жалоба Цереры — В. Жуковскаго	127
Жалоба Цереры — С. Шевырева	132

	Стр.
Жалоба Цереры* — О. Миллера	137
2. Тайна воспоминанія — А. Григорьева	142
3. Ненія* — М. Михайлова	144
4. Текла — А. Григорьева	145
Текла — А. Глинки	146
Голосъ съ того свѣта — В. Жуковскаго..	308

БАЛЛАДЫ И РАЗСКАЗЫ.

1. Элевзинскій праздникъ — В. Жуковскаго.	151
2. Геро и Леандръ* — Н. Гербеля	160
3. Ивиковы журавли — В. Жуковскаго	170
4. Кубокъ — В. Жуковскаго	177
Водолазъ — П. Алексѣева	184
5. Альпійскій стрѣлокъ* — Л. Мея	191
6. Графъ Габсбургскій — В. Жуковскаго...	193
7. Раздѣлъ земли* — Н. Гербеля	198
«Дѣлитесь!» съ горня трона... — В. Жуковскаго	312
Раздѣлъ — А. Струговщикова	313
8. Фридолинъ* — О. Миллера	199
Судъ Божій — В. Жуковскаго	209
× 9. Перчатка — В. Жуковскаго	217

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Группа изъ тартара** — Д. Мина	223
2. Геркуланумъ и Помпеи — О. Миллера ...	224
3. Путеводители жизни** — Н. Гербеля	226
4. Руссо** — Л. Мея	227

	Стр.
5. Панорама свѣта — А. СТРУГОВЩИКОВА . . .	228
6. Пѣвцы минувшаго времени * — Н. ГЕРБЕЛЯ	229
7. Одиссей* — М. МИХАЙЛОВА	230
Одиссей** — М. ДМИТРИЕВА	230
Одиссей** — Н. МАРКЕВИЧА	231
Судьба Одиссея — К. БАТЮШКОВА	318
8. Кароагенъ* — Н. ГЕРБЕЛЯ	231
9. Притча Конфуція** — Н. ГЕРБЕЛЯ	232
Притча Конфуція — А. МЕЙСНЕРА	233
10. Эгоисту-Философу — О. МИЛЛЕРА	234
11. Колумбъ* — М. МИХАЙЛОВА	235
Колумбъ** — М. ДМИТРИЕВА	235
Колумбъ — О. ТЮТЧЕВА	320
12. Купецъ** — Н. ГЕРБЕЛЯ	236
13. Играющій ребенокъ** — Н. ГЕРБЕЛЯ	236
14. Пляска* — Н. ГЕРБЕЛЯ	237
Пляска* — М. ДМИТРИЕВА	239
15. Тѣнь Шекспира — А. КАТЕНИНА	240
16. Философы** — М. ДМИТРИЕВА	243
17. Антики въ Парижѣ — О. МИЛЛЕРА	246
Антики въ Парижѣ — А. СТРУГОВЩИКОВА	246
18. Фортуна и Мудрость** — Н. ГЕРБЕЛЯ	247
19. Сѣятель** — М. МИХАЙЛОВА	248
20. Иліада* — М. МИХАЙЛОВА	248
21. Геркулесу — А. СТРУГОВЩИКОВА	249
22. Зенитъ и Надиръ — А. СТРУГОВЩИКОВА . .	249
23. Дитя въ колыбели** — А. ФЕТА	249
Разница — КАВЕРЗНЕВА	325
24. Двѣ дороги — Л. МЕЯ	250
25. Неизмѣнное — О. КОНИ	250

	Стр.
26. Теофанія** — Л. Мея	250
27. Совершенствованіе — А. Струговщикова	250
28. Ложное стремленіе къ наукамъ** — М. Михайлова	251
29. Красота и Радость — Л. Мея.....	251
30. Судъ женщины — А. Струговщикова ...	251
31. Судъ сердца — А. Струговщикова	251
32. Ожиданіе и Исполненіе * — М. Михайлова	252
33. Общая участь* — М. Михайлова.....	252
34. Маленькіе геніи — А. Струговщикова ...	252
35. Данаиды* — М. Михайлова.....	252
36. Наука — А. Струговщикова	253
37. Толкователи Канта — А. Струговщикова.	253
38. Мелочи	253
I. Эпическій Гекзаметръ** — Н. Гербеля.	253
II. Гекзаметръ и Пентаметръ — А. Струговщикова	254
III. Октава** — Н. Гербеля	254
IV. Пирамида — А. Струговщикова.....	254
V. Тріумфальная арка** — Н. Гербеля....	255
VI. Художественный мостъ** — Л. Мея....	255
VII. Ворота** — Н. Гербеля.....	255
VIII. Церковь Св. Петра — А. Струговщикова	255
39. Прощаніе съ читателемъ** — Н. Гербеля..	256
О русскихъ переводахъ изъ Шиллера—Н. Гербеля	257

Schiller, Friedrich, 1759-1805

Lyrische, dramatische uund historische Werke Schillers in Übersetzungen
russischer Schriftsteller Liričeskije i dramatičeskije sočinenija

Bd.: 1

St. Petersburg 1857 - 59

P.o.germ. 1274-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10119171-9